

ВЕСТНИК
РГГУ

Литературоведение
Языкознание
Культурология

Academic Journal
RSUH / RGGU Bulletin

Literary Theory •
Linguistics • Cultural Studies

4
ч. 2 2022

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
часть 2
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary Theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018.

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: iulia.naumova@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: iulia.naumova@gmail.com

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
(*deputy editor*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), The Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinsky, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (art studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domansky, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, PhD, Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, PhD, University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetsky, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), Institute of General History RAS, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

Yu.N. Naumova (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

Ю.Н. Наумова (РГГУ)

CONTENTS

Folklore: traditional forms

Evgenia V. Kravchenko

Semantic development of words in epic narration.

The use of synonyms for *sea* in *Beowulf* 166

Anna E. Kalkaeva

Wild Wassermann. The ballad and mythological beliefs about water spirits

186

Victoria A. Chervaneva

Changing points of view as a device in the texts of oral tradition.

On the issue of the observer in folklore

201

Oral texts and practices of the 20th century

Alexandra A. Pospelova

The emotional canon of holiday in post-Soviet village

216

Sergei V. Belyanin, Ekaterina A. Zakrevskaya

“If you take the bread, I will beat you with a stick”.

Social functions of narratives about looting

236

Travel notes

Maria V. Kundozerova

Walking in Korela. Simeon Gavrilov's travel notes about

the Topozero region in 1896

258

Public sentiments and their translation into verbal text

Anna E. Kharitonova

M.V. Krestovskaya's works and the “women's question”

in Russia in the late 19th and early 20th centuries

271

Review

Elena V. Komkova

Book review: *Basangova T.G.* Animals in Kalmykian folklore.

Elista: Izdatel'stvo Kalmyt'skogo universiteta, 2019. 192 p.

287

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклор: традиционные формы

Евгения В. Кравченко

Семантическое развитие слов в эпическом нарративе:
на примере обозначений моря в «Беовульфе» 166

Анна Е. Калкаева

Дикий водяной: баллада и демонологические представления
о водяных духах 186

Виктория А. Черванёва

Смена точек зрения как прием в текстах устной традиции:
к вопросу о фигуре наблюдателя в фольклоре 201

Устные тексты и практики XX в.

Александра А. Поспелова

Эмоциональный канон праздника в постсоветской деревне 216

Сергей В. Белянин, Екатерина А. Закревская

«Ты будешь хлеб братъ, а я буду палкой бить»:
социальные функции нарративов о мародерстве 236

Путевые заметки

Мария В. Кундозерова

Хождение в корёлах: путевые заметки Симеона Гаврилова
о Топозерском крае 1896 г. 258

Общественные настроения и их трансляция в вербальном тексте

Анна Е. Харитонова

Творчество М.В. Крестовской и «женский вопрос»
в России на рубеже XIX–XX вв. 271

Рецензии

Елена В. Комкова

Рец. на книгу: *Басангова (Борджанова) Т.Г.* Животные
в калмыцком фольклоре. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. 192 с. 287

Фольклор: традиционные формы

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-166-185

Семантическое развитие слов в эпическом нарративе: на примере обозначений моря в «Беовульфе»

Евгения В. Кравченко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, zheniakravchenko@gmail.com

Аннотация. В нарративе выделяется ключевое слово (или слова), выражающее основную мысль эпизода. Остальные синонимы, как правило, семантически сближаются с ключевым словом. Целый ряд употреблений одного синонима, в том числе в качестве первого компонента композита, прочерчивает сюжетную нить, пронизывающую нарратив. Особенно ярко такие опорные для развертывания стихотворного текста слова, на которых строится нарратив, контрастируют на фоне малоупотребительных лексем, принадлежащих периферии синонимической системы. Заметим, что сюжетную линию «ведут» только самые частотные отмеченные аллитерацией слова, предпочитающие позицию первой основы композита. При этом возможная потеря денотативных различий в результате синонимизации в данной позиции компенсируется сюжетной нагруженностью слова в нарративе. В стихотворном тексте появляются смысловые сгустки, происходит семантическая интенсификация повествования. Возможно также образование семантической оппозиции между синонимами, в соответствии с которой группируются другие единицы синонимической системы. Самое важное семантическое изменение, мотивированное сюжетом, наблюдается у слова *mere*, значение которого расширяется в результате эпизодизации ('озеро' → 'море'). Об этом преобразовании свидетельствует взрыв в употреблении композитов с первой основой *mere*- в центральных эпизодах «Беовульфа».

Ключевые слова: древнеанглийский эпос, «Беовульф», нарратив, аллитерационный стих, синонимическая система, семантическое изменение

Для цитирования: Кравченко Е.В. Семантическое развитие слов в эпическом нарративе: на примере обозначений моря в «Беовульфе» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 166–185. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-166-185

© Кравченко Е.В., 2022

Semantic development of words in epic narration. The use of synonyms for *sea* in *Beowulf*

Evgenia V. Kravchenko

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
zheniakravchenko@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of synonyms denoting the sea in 'Beowulf'. The author analyses the synonyms which express the main idea of episodes, as well as other units of synonymic clusters, which are semantically close to the key word. Of particular interest for the author are those lines in which the key synonym (frequently used as the first element of a compound) outlines the plot of the narrative. The key words essential for the poetic text comprise the basis of the narrative and form a sharp contrast with the lexical units which (owing to their rare use) constitute the periphery of the synonymic system. The plotline is marked by the most frequently alliterating key words, which tend to be used as the first element of a compound. Weakening of distinctions in denotative meaning of first elements in compounds is compensated by the added function of marking the plotline. Successions of synonyms within the poem form semantic clusters whose function consists in intensifying meanings imparted by the narrative. Key synonyms can enter into semantic oppositions, in accordance with which other units of the synonymic system can be grouped. The most crucial semantic transformation essential for the plot affects the word *mere* whose meaning changes from 'lake' to 'sea' in epic narration. The semantic shift results in the intensive use of compounds with *mere-* as the first element in the central episodes of *Beowulf*.

Keywords: Old English epic, *Beowulf*, narrative, alliterative verse, synonymic cluster, semantic transformation

For citation: Kravchenko, E.V. (2022), "Semantic development of words in epic narration. The use of synonyms for *sea* in *Beowulf*", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 2, pp. 166–185, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-166-185

Системная организация поэтической лексики выражается в стихотворной речи в особом употреблении слов, принадлежащих одной синонимической системе. В нарративе происходит их функциональное взаимодействие, получающее семантическую мотивацию внутри эпической темы [Лорд 1994]. Следует заметить, что в поэтическом языке (ПЯ) денотативные значения синонимов могут сохраняться; однако семантическая соотносительность слов, принадлежащих единой системе, не исчерпывается их первичными денотативными значениями, но строится на новом системном основании и воплощается в формулах. Иногда внутри темы проис-

ходит переосмысление (оно совершается в поэтической речи), и тогда первичные денотативные различия не сохраняются, при этом у слова появляется своя функция в нарративе. Семантическое развитие слова происходит в эпической теме и получает оправдание в сюжете. Как слово участвует в эпической теме? Проанализируем отношения между словами, включенными в синонимическую систему *more*, в их динамичном развитии в нарративе «Беовульфа».

Исследуя характер соотношения семантических и метрических моделей в эддической поэзии, Е.М. Мелетинский уделяет внимание повторам и характерной трансформации формул, при варьировании которых «происходит замена отдельных слов синонимами, порой меняется порядок слов и грамматическая форма» [Мелетинский 1968, с. 329]. Но слово не всегда является синонимом, поскольку это только потенция его развития в ПЯ. В древнеанглийском эпосе синонимическая система *more* включает около 20 лексем (из них самые употребительные *sǣ*, *mere*, *lagu*, *brim*, *sund*, *wæter*, *flōd*, *holm*, *ȳð*, *strēam*), среди которых не только наименования моря, но и слова, обозначающие иные, но связанные с морем реалии и в определенном контексте сохраняющие свое денотативное значение, отличное от семантики головной лексемы *sǣ*. Принадлежа единой синонимической системе, они подчиняются присущей ей внутренней иерархии. Основное семантическое противопоставление внутри системы восходит к делению интересующих нас лексем в германских языках на обозначения воды как потока, с одной стороны, и обозначения стоячей воды или моря – с другой.

В древних германских языках отсутствует индоевропейское название реки как ‘потока’ (*лат.* *amnis*, *дирл.* *ab* ‘поток’), и для наименования реки начинает употребляться слово со значением ‘вода’ (*лат.* *aqua* ‘вода’, ср. г. *aŕna*, двн. *aŕa*, *ди.* *á*, *да.* *ēa* ‘река’; ср. также *ди.* *ægir* ‘море’, *æger* ‘бог моря’), в котором выступает индоевропейский корень *(e)k^{h1}-, имеющий также глагольное значение ‘пить (воду)’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 670–671]. Название ‘моря’, в свою очередь, обнаруживает семантическую связь с названием ‘озера’ или других водоемов в разных индоевропейских диалектах: «При этом в исторических индоевропейских диалектах наблюдается процесс обновления терминов, обозначающих ‘море’, и появление новообразований в значении ‘моря’, основанных на более древних словах, обозначавших значительно более мелкие водоемы со стоячей водой – ‘озера’, ‘пруды’, ‘болота’ и др. Это видно при сопоставлении слов со значением ‘море’ в одних диалектах при значениях ‘озеро’, ‘болото’, ‘пруд’, ‘вода’ – в других» [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 672]: *лат.* *mare*, *дирл.* *muir* ‘море’; *ст.-слав.* *морѣ*; г. *marei*, двн. *maŕ*, *meŕ* (*нем.* *Meer*); ср. *ди.* *mar* ‘море’, ‘озеро’ и *да.* *mere* ‘море’,

‘озеро’, ‘пруд’. Также есть композит г. *marisaiws* ‘озеро’, ‘море’¹ и германская инновационная лексема г. *saiws* (изначально название заболоченной территории) ‘болотистая местность’; ‘озеро’, ‘море’ (ср. *du. sâg, da. sǣ* ‘море’). В готском переводе Евангелия море Галилейское (*marei Galeilais*), или Геннисаретское озеро, обозначается словом г. *saiws* (Лука 5:1–2), а также композитом г. *marisaiws* (Лука 8:22, 23, 33). Таким образом, обе лексемы первоначально имели значение ‘болото’, ‘озеро’, которое потом расширилось до ‘море’.

Как представляется, в эпосе фиксируются не только «промежуточные случаи – значение ‘море’ наряду со значением ‘озеро’, ‘болото’, отражающие переходный этап в семантическом сдвиге: ‘болото’, ‘стоячая вода’, ‘озеро’ → ‘море’» [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 673], которые засвидетельствованы в одной части «древне-европейских» диалектов (в частности в германских языках), но и сам механизм развития у слова другого значения – вместо ‘озеро’, ‘болото’ – ‘море’: *du. marg* ‘море’ (поэт.)²; *da. mere* ‘озеро’, (поэт.) ‘море’³. Причины семантической подвижности этих слов заложены в архаическом сознании, а грамматика фиксирует разграничение значений. В готском и древнеисландском оба слова м. р. (г. *marei, saiws*; *du. marg, sâg* ‘море’)⁴, а в древнеанглийском *mere* и *sǣ* хоть и принадлежат *i*-основе м. р., но у *sǣ* наблюдается колебание м. и ж. р., при этом, возможно, происходит лексикализация ж.р. в значении ‘озеро’⁵. В немецком, напротив, за словом м. р. *der See* закрепилось значение ‘озеро’, а за словом ж. р. *die See* – значение ‘море’ для северных морей (*die Nordsee* Северное море, *die Ostsee* Балтийское море) наряду с синонимом ср. р. *das Meer* для южных морей (*das Mittelmeer* Средиземное море, *Schwarzes Meer* Черное море).

В данной работе мы исходим из того, что «архаическая семантика в древнеанглийском поэтическом словаре не является простой «окаменелостью», но сохраняется лишь в силу включения в семантические оппозиции, значимые для поэтики памятника» [Гвоздец-

¹*Lehmann W.P.* A Gothik etymological dictionary. Based on the 3d edition of *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache* by Sigmund Feist. Leiden: E.J. Brill, 1986. P. 245, 292.

²*Jónsson F.* *Lexicon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis.* København, 1966. S. 394.

³*Beowulf and the Fight at Finnsburg* / Ed. with introduction, bibliography, notes, glossary, and appendices by Fr. Klaeber. 3d ed. Boston, 1950. P. 373.

⁴*Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern* / Hrsg. von G. Neckel. II. Kurzes Wörterbuch von Hans Kuhn. 3. Umgearbeitete Aufl. Heidelberg, 1968. S. 136, 199.

⁵*Beowulf and the Fight at Finnsburg.* P. 389.

кая 2000, с. 30; ср. Смирницкая 1994, с. 102–103]. Существование слова, сохранившего более древнюю семантику, особым образом преломилось и продлилось в эпосе, где ПЯ представлен в своей динамике в виде сложенных синонимических систем, в отдельных случаях демонстрируя путь слов к уничтожению денотативной дифференциации в аллитерационном стихе. Вместе с этим семантическое противопоставление, включающее названия воды как потока, стоячей воды и моря, как мы увидим, мотивируется самим сюжетом «Беовульфа».

В эпической поэзии синонимы предрасположены к плотному нанизыванию в нарративе. Большое скопление семантически близких лексем внутри эпической темы можно назвать «парадом» синонимов. Употребление сходных по значению слов тесными рядами в стихотворном тексте выполняет сюжетную функцию, маркируя наиболее значимые моменты эпического повествования. Именно здесь проявляются системные семантические связи между синонимами, и вместе с тем актуализируются их денотативные различия, существенные для развития сюжета. Если сказать иначе, сгущаются не только сами события, но и лексико-семантическая ткань нарратива. «Парад» синонимов является эпическим приемом, который имеет целью привлечение внимания к кульминационным поворотам сюжетной линии. Эпическая вариация, в основе которой лежит синтаксически смоделированное построение, принимает участие в «параде» синонимов в качестве своего рода завершающего приема, предполагающего сближение слов внутри формул, укладываемое в период как обязательное условие своей реализации в стихотворном тексте (на синтаксическом, морфологическом и метрическом уровнях). «Парад» синонимов охватывает несколько периодов внутри эпической темы, при этом не исключается разнообразие синтаксических связей.

Напряженность в развитии повествования получает выражение в концентрации семантически сходных лексем внутри эпической темы. Казалось бы, скопление синонимов должно замедлять повествование, но при этом происходит качественная замена ткани нарратива: акцент смещается с событийного ряда на выявление деталей, развитие сюжета сменяется описанием, ход мыслей переключается на выделенные стихом семантические взаимосвязи лексем. Иначе говоря, развитие действия сообщается стиху с помощью словесной игры и уплотнения синонимических рядов, приводящего не к ускорению плавного хода повествования в его эпическом развертывании, а к повышению экспрессивности и семантической насыщенности поэтического текста с целью усиления эмоционального воздействия. Рассмотрим на примере нескольких эпизодов «Беовульфа», как

в нарративе системное взаимодействие синонимов моря приводит к закреплению за ними сюжетных линий и функций, выявлению коннотаций, важных для драматического развития сюжета, и проявлению семантической многомерности повествования.

Открывает повествование эпическая тема похорон Скильда, в начальной строке которой употребляется форма претерита от глагола *gewītan*: 26 *Him ðā Scyld gewāt / tō gescæphwīle* «настал тогда для Скильда назначенный час»⁶. Эпизод похорон Скильда весь пронизан описанием морского путешествия и делится на две части, где представлены статичная и динамичная картина мира, при этом упомянутый глагол *gewītan* маркирует границу между частями эпической темы (см. ниже). В первой части для описания моря наряду с поэтическим обозначением моря *brim* употребляются очень редкие слова *farōð* и *hūð*, а во второй части преобладают употребительные синонимы (*flōd*, *ūð*, *holm*), и закрывает эпическую тему поэтический композит *gārsecg*. Значение названных лексем раскрывается с разворачиванием эпического повествования.

Итак, сначала в эпизоде похорон Скильда употребляется поэтическое обозначение моря *brim* ср. р. (ср. *ди. brim* ср. р. ‘прибой’, ‘море’⁷), которое становится ключевым в статичной картине, представленной в первой части данной эпической темы, при этом особое значение здесь получает семантика среднего рода. В контексте ритуала море *brim* становится фоном, перемещаются только люди. Сначала совершается сам ритуал похорон, где все происходит по чину; действия выполняют дружинники Скильда: 28–29b *hī hune þā ætbæron / tō brimes faroðe / swæse gesīpas* «они его тогда предали течению прибоа, верные сподвижники». Слово *brim* употребляется здесь в качестве косвенного атрибута очень редкого слова *farōð*, не имеющего ясного значения (‘бег волн’, ‘волна’, ‘берег’⁸), ср. также перевод В.Г. Тихомирова: 28b *tō brimes faroðe* «[несли] на берег моря»⁹. Поэтизм *farōð* встречается трижды только в первой части «Беовульфа»¹⁰, при этом его употребление ограничивается

⁶ Текст «Беовульфа» цит. по: Beowulf and the Fight at Finnsburg.

⁷ Vries J., de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: E.J. Brill, 1961. S. 56.

⁸ Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscript Collection of the late Joseph Bosworth / Ed. by T.N. Toller. Oxford: Oxford University Press, 1975. P. 271.

⁹ Текст «Беовульфа» в переводе В.Г. Тихомирова цит. по: Беовульф: Эпос / Пер. с др.-англ. В. Тихомирова. СПб.: Азбука-классика, 2008.

¹⁰ «Беовульф» имеет двухчастное строение (см.: Kiernan K.S. The dating of Beowulf. Michigan: University of Michigan Press, 1996. 328 p.).

функцией локатива. Отмечая у него колебание м. и ср. р., Клэбер дает значения ‘течение’, ‘море’ и указывает на этимологическую связь с глаголом движения *fagan*, ср. созвучное обозначение берега *waḡoð* м. р.¹¹ Море, на котором стоит корабль, статично: 32 *ƿāḡ æt hūde stōð / hringedstefna* «там у бухты стоял корабль» (ср. перевод В.Г. Тихомирова «корабль на отмели»). Слово *hūð* ‘бухта’ ж. р. (а. *hythe* (*устар.*)), также в гидронимах) встречается в «Беовульфе» единственный раз, встраиваясь в ряд других локативных конструкций с синонимами моря¹².

Вот «любимые слуги» (перевод В.Г. Тихомирова) принесли тело славного вождя к берегу моря, уложили его у мачты и погрузили на лоно корабля доспехи, оружие и сокровища. Но тут текст словно обрывается на границе между краткими строками, и начиная с 42-го стиха статичная картина стоящего корабля и похоронного ритуала сменяется движением морской стихии. Море становится несущимися волнами, стихией, которой предназначено унести вождя в неведомое пространство: 41b–42 *ƿā him mid scoldon // on flōdes æht / feor gewītan* «<сокровища>, которые с ним должны были во власти потока прочь уплыть» (ср. перевод В.Г. Тихомирова: *on flōdes æht* «по воле течений»). Трансформация статичной картины в динамичную сопровождается семантическими изменениями. Так, глагол *gewītan*, употребленный теперь не в переносном (по отношению к ходу времени), как в начале эпической темы (26a), а в прямом значении, выражая перемещение в пространстве корабля, который удаляется в мир иной, отмечает переломный момент повествования. Этот глагол имеет особую значимость для нарратива, он маркирует начало эпической темы, ср. первую строку темы морского путешествия с инверсией и превербом в анакрузе: 217a *Gewāt ƿā ofer wāḡholm* «поплыл тогда по взволнованному морю <корабль>».

Контраст статичной и динамичной картины сопровождается актуализацией семантики рода. Роль ключевого слова переходит от инактива *brim* ср. р. к обозначению потока *flōd* м. р., активная семантика которого подхватывается включением в текст слов *ūð* ‘волна’ (ж. р.), *holm* ‘бурное море’ (м. р.) и *gārsecg* ‘океан’ (м. р.). Во второй части эпической темы море не инертно, оно является движущей силой повествования. Корабль с телом вождя его слуги передают во власть потока, и тут возникает знаменательная смычка

Формульный язык и синонимическая система моря во всем своем объеме представлены в первой части.

¹¹ Beowulf and the Fight at Finnsburg. P. 327, 419.

¹² Ibid. P. 363.

с таинственным явлением Скильда из-за моря. Смерть Скильда возвращает повествование к его младенчеству, ведь будущего вождя младенцем принесли волны: 45b–46a *forð onsendon // ænne ofer yðe* «вперед послали одного по волнам». В приведенном контексте у глагола *sendan* актуализируется древнее ритуальное значение (предположительно «приносить в жертву»), ср. в эддических «Речах Сигдривы» руны «рассылают во все стороны» *senda á víða vega* (Sd 18)¹³. Затем начинается погружение в тайну смерти, и вот море уже несет вождя в мир иной: 48b–49a *lēton holm beran, // gēafon on gārsecg* «дали морю нести, предали океану». При этом, возможно, происходит олицетворение морской стихии. Так, сложное слово *gārsecg* (букв. «копье-муж») предположительно является именем Нептуна¹⁴, а в завершающем эпическую тему стихе употребляется вопросительное местоимение *hwā* ‘кто’ в форме м./ж. рода: 50b–52 *Men ne cunnon // secgan tō sōðe, / selerædende, // hæleð under heofenum, / hwā þāem hlæste onfēng* «Мужи не могли сказать истину, советники в палатах, герои под небесами, кто этот груз принял».

В нарративе превращение статичной картины в динамичную передается и на метрическом уровне. Если для ритуального действия в первой части темы характерно метрическое разнообразие, при котором один тип стиха сменяется другим, то динамичное повествование воплощается в строках с преобладающим А-стихом¹⁵:

42	on flōdes æht	feor gewītan.	B	A
43	Nalæs hī hine læssan	lācum tēodan,	aA	A
44	þēodgestrēonum,	þon þā dydon,	A	C
45	þē hine æt frumsceafte	forð onsendon	C	A
46	ænne ofer yðe	umborwesende.	A	A
47	þā gýt hīe him āsetton	segen g(y)denne	aA	D
48	hēah ofer hēafod,	lēton holm beran,	A	C
49	gēafon on gārsecg ;		A	

Как видим, начиная со строки 42b сплошь употребляется А-стих (также с анакрузой aA), и лишь в редких случаях происходит чередование с С-стихом. Так, в строке 48b новое действие («дали морю нести, предали океану») выражается С-стихом, а строка 49a снова переходит на А-стих. В формулах, которые метрически укладываются

¹³ *Jónsson F. Lexicon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis. København, 1966. S. 601.*

¹⁴ *Beowulf and the Fight at Finnsburg. P. 338.*

¹⁵ Основные акцентные схемы краткой строки (КС) по «системе пяти типов» Э. Зиверса, см.: [Смирницкая 1994, с. 15–16].

ются в А-стих, заполняя двухвершинную КС, наиболее очевидна лексическая ассоциация, как в аллитерационной коллокации 46a *ænne ofer yðe* «одного по волнам»¹⁶. Но в приведенном отрывке А-стих выражает стремительное движение, в котором море становится продолжением человеческих действий, воплощающих ритуал: 49a *gēafon on gārsecg* «предали океану».

Итак, в эпической теме похорон море представлено парой ключевых синонимов: *brim* ‘прибой’, (поэт.) ‘море’ и *flōd* ‘поток’. В нарративе сближение слов *brim* и *flōd*, имеющих сему подвижности, фиксируется в позиции косвенного атрибута: 28 *hī hune rā ætbæron / tō brimes faroðe* «они его тогда предали течению прибоя» (В.Г. Тихомиров 28–29a «Тело несли его / слуги любимые // на берег моря»); ср. 41b–42 *scoldon // on flōdes æht / feor gewītan* «должны были во власти потока прочь уплыть» (В.Г. Тихомиров 41b–42a «будет скитаться / по воле течений»). Перевод В.Г. Тихомирова передает основное для данной эпической темы противопоставление ‘море’ – ‘поток’, подчеркивающее различие грамматического рода. Семантика поэтического наименования моря *brim* ср. р., создающего фон повествования, контрастирует здесь с обозначением потока *flōd* м. р., уносящего вождя в мир иной.

В эпической теме «похороны Скильда» сигматические (фонетически сильные) формы генитива частотных слов *brim* и *flōd*, составляющих основу синонимической системы, выделяются на фоне локативных обозначений моря, выраженных редкими словами (*hūð* ‘бухта’, *gārsecg* ‘океан’), находящихся на ее периферии, или наименованиями морских реалий (*yð* ‘волна’), ср. атрибутивный комплекс, заполняющий КС (28b *tō brimes faroðe*, 42a *on flōdes æht*), с одной стороны, и предложные сочетания (*æt hūðe*, *ofer yðe*, *on gārsecg*) – с другой. Море, принесшее в державу данов будущего вождя, имеет ключевое значение в ритуале отправления его в последний путь, представляя как стихия, соединяющая земной и иной миры. Будущего вождя младенцем принесли волны: 45b–46a *forð onsendon // ænne ofer yðe* «вперед послали одного по волнам». Контраст начала и конца жизненного пути вождя фиксируется противопоставлением обозначений моря, выраженными словоформами единственного и множественного числа: *yðe* ‘волны’, с одной стороны, и *brim* ‘прибой’, *faroð* ‘течение’, *hūð* ‘бухта’, *flōd* ‘поток’, *holm* ‘бурное море’, *gārsecg* ‘океан’ – с другой. Так, словоформа *yðe* ‘волны’ как символ жизненных сил, принесших младенца, в эпизоде

¹⁶ *Watts A.Ch.* The Lyre and the Harp. A comparative reconsideration of oral tradition in Homer and old English epic poetry. New Haven: Yale University Press, 1969. P. 82.

похорон контрастирует с остальными обозначениями моря. Иначе говоря, многообещающие «волны» жизненного пути противопоставлены единичности и неизбежности подводимого итога в конце жизни, когда ничего нельзя изменить. Несмотря на отмеченную контрастность употребления слов, принадлежащих одной синонимической системе, во всех приведенных примерах море подхватывает человеческие действия (особенно в стихе 48b *lēton holm beran* «дали морю нести», где оно является семантическим субъектом), проявляя свою активность и значимость для развития сюжета. В целом описание похорон Скильда, в отличие от других эпизодов, связанных с морской стихией, обращает на себя внимание отсутствием композитов с синонимом моря в качестве основы.

Самым динамичным в отношении семантического развития синонимов моря является рассказ о состязании юного Беовульфа и Бреки в открытом море, представленный в двух вариантах: в виде произнесенной на пиру в Хеороте уничижительной речи Унферта и ответа Беовульфа. При единстве сюжетной линии и общности лексического материала, наполняющего их речи, противоположное отношение говорящих к описываемым событиям выражается, в частности, в особом употреблении синонимов моря. Состязание Беовульфа и Бреки представляет море в двояком плане, при этом раскрывается значение слов: денотативные различия часто сохраняются, но переосмысливаются внутри темы и формульной системы, наблюдается игра смыслов. Сравним эти контрастирующие по своему настроению речь Унферта и ответ прибывшего с дружиной Беовульфа.

Речь Унферта начинается с пренебрежительного упоминания об этом происшествии: 506–510a *‘Eart þū sē Bēowulf, / sē þe wið Breccan wunne, // on sīdne sǣ / ymb sund flite, // ðær git for wlence / wada cunnedon // ond for dolgilpe / on dēop wæter // aldrum nēþdon?’* «Ты и есть тот Беовульф, который с Брекой состязался, в широком море соревновался, где вы из удали воды извели и хвостовства ради в глубокой воде жизнь испытывали?» Унферт произносит каноническую формулу *on sīdne sǣ* (ср. 2394a *ofer sǣ sīde* «за широким морем»), выполняющую роль своего рода заставки, а потом сразу снижает значимость состязания. Заметим, что атрибут *sīd*, являющийся единственным эпитетом у основного обозначения моря *sǣ*, употребляется также для описания щита: 325b *sīde scyldas* «широкие щиты», 437b *orðe sīdne scyld* «или широкий щит», ср. также композит *sīdrand* «широкий щит» (1289b). Слово *sǣ* включается в звукословесную связь с формулой щита, аллитерируя с эпитетом в ее составе: 325 *setton sǣmēpe / sīde scyldas* «поставили, утомленные морем, широкие щиты». Формульный язык словно готовит к

схватке, но уже со следующей строки начинается предумышленная, подготовленная Унфертом дискредитация темы и самого мероприятия. Если сначала говорится, что Беовульф состязался с Брекой в плавании *on sīdne sǣ* «в широком море», то далее происходит сужение этого пространства.

Слово *sund* имеет два значения: 1) ‘плавание’ (507, 517) и 2) (поэт.) ‘море’, ‘вода’¹⁷. Ян де Фрис добавляет также ‘пролив’, отмечая, что это узкое место, где может проплыть лодочник¹⁸. В данной эпической теме проявляется неоднозначность этого слова, ср. двусмысленность строки, где соединяются оба значения: 507 *on sīdne sǣ / ymb sund flite* «в широком море в плавании состязались». Взаимодействие слов *sǣ* и *sund* выделено аллитерацией на уровне долгой строки (ДС). Обозначение моря *sǣ* в составе атрибутивного комплекса с постоянным аллитерирующим эпитетом *sīd* звучит в начале речей как общепринятая истина, которая, однако, тут же подвергается сомнению со стороны Унферта, и это переосмысление, происходящее благодаря ловкому распределению синонимов, составляет основное содержание речи антипода Беовульфа.

В следующей строке событийное пространство, охватываемое в описании Унферта, продолжает сужаться, а само состязание между Брекой и Беовульфом представлено как бессмысленный заплыв. Так, море называется *wada* «воды» (отметим, что это слово употребляется в форме мн. ч. и при этом сближается со словом *wæter* ‘вода’ (ср. уточнение Клэбера в словарной статье к *wæd*: «в форме мн. ч. имеет значение ед. ч.»¹⁹). По мнению Унферта, из бахвальства не стоило лезть в воду и напрасно рисковать жизнью. Намеренное преуменьшение значимости события подхватывается параллельной синтаксической конструкцией со словом *wæter* (508–510a *ðær git for wlence / wada cunnedon // ond for dolgilpe / on dēop wæter // aldrum nērdon* «где вы из удали воды извели и хвастовства ради в глубокой воде жизнь испытывали»), которое становится обозначением моря в составе выражающего насмешку атрибутивного комплекса *on dēop wæter* (при этом эпитет помещается в позицию ключевой аллитерации), коррелируя с начальным предложным словосочетанием *on sīdne sǣ* «в широком море», обозначающим место действия. Если употребление слов *wada* и *wæter* в параллельных синтаксических конструкциях, где аллитерацией фиксируется насмешка Унферта над бессмысленным барахтаньем в воде (*wlanc* «удаль» – *wada* «воды», *dolgilp* «хвастовство» – *dēop wæter* «глубокая вода»),

¹⁷ Beowulf and the Fight at Finnsburg. P. 403.

¹⁸ Vries J., *de. Op. cit.* S. 561.

¹⁹ Beowulf and the Fight at Finnsburg. P. 418.

подчеркивает их семантическое сходство, то синтаксическое подобие словосочетаний *on sīdne sǣ* «в широком море» и *on dēop wæter* «в глубокой воде», укладываемых в КС, напротив, усиливает контрастность употребления слов одной синонимической системы и делает более явным их размежевание на семантическом уровне. Динамика данных квазисинонимов может быть представлена в виде такой последовательности: 507a *on sīdne sǣ* «в широком море» – 507b *ymb sund flite* «соревновался в умении плавать» (перевод В.Г. Тихомирова (508); ср. 512b *on sund rēon* «в проливе поплыли») – 508b *wada cunnedon* «вóды изведали» – 509b–510a *on dēop wæter aldrum nēþdon* «в глубокой воде жизнь испытывали». На этом противопоставлении значений строится словесная игра в речи Унферта, а его насмешка над состязанием в плавании отражает взгляд стороннего наблюдателя, который видит лишь происходящее на водной поверхности.

Согласно рассказу Унферта, непослушные юноши бросили вызов стихии и, несмотря ни на какие уговоры, отправились в сулящий беду заплыв, который в действительности обернулся безрассудным и опасным для жизни предприятием: 510b–512 *Nē inc ænig mon, // nē lēof nē lād, / belēan mihte // sorhfullne sīð, / þā git on sund reōn* «Никто – ни друг, ни враг – не смог отговорить вас от опасной затеи, когда вы в проливе поплыли». Унферт употребляет глагол *gōwan* ‘плыть’, ‘грести’ (пр. вр. *rēon*), подчеркивая, что они гребут руками (ср. а. *to row* «грести веслами»²⁰): 513–515a *þær git ēagorstrēam / earmum þehton, // mǣton merestræta, / mundum brugdon, // glidon ofer gārsecg* «тогда вы морское течение руками ударяли, мерили морские пути, кистями размахивали, скользили по океану». Акцент на «руки» при указании на греблю помогает поэту выразить мысль о неправдоподобии самого происшествия, которое, видимо, и имеет в виду Унферт. В его речи одно за другим следуют редкие обозначения моря (слова *gārsecg* и *geofon*, аллитерирующие на границе периодов), выделяя кульминацию рассказа, при этом плотность нанизывания синонимов возрастает до трех в пределах ДС: 515–516a *glidon ofer gārsecg; / geofon yþum wēol, // wintrys wylm[um]* «<вы> скользили по океану; море волнами бурлило, зимы волнениями». Слово *geofon* выполняет функцию субъекта, имеющего при себе косвенное дополнение *yþum*, которое в свою очередь выступает в качестве главного члена эпической вариации. Отметим объединение синонимов по грамматическим признакам: пара слов *gārsecg* и *geofon* в форме ед. ч. скрепляется аллитерацией, а сближение слов *yþ* и *wylm* в форме д. п. мн. ч. отмечено приемом эпической вариации. Слово *wylm*

²⁰ *Bosworth J., Toller T.N. Op. cit. P. 690.*

(букв. «волнение») втягивается в синонимическую систему моря в качестве варианта слова *ŷþ*, при этом внутри периода аллитерацией прочерчиваются связи, отмечающие принадлежность последнего словообразовательному гнезду глагола *weallan* ‘покрываться волнами’ (форма пр. вр. *wēol*), который словно превосхищает его употребление, задавая аллитерацию в последующей ДС.

Системное взаимодействие синонимов фиксируется внутри композитов, формул, в составе эпической вариации и параллельных конструкций. Так, слова *flōd* и *wæter* семантически противопоставлены в формулах 42a on **flōdes** *ǣht* «во власти потока», 516b on **wæteres** *ǣht* «во власти воды» (здесь генитивная конструкция укладывается в КС с синонимом моря на аллитерирующей вершине). В функции косвенного атрибута очевидно сохранение денотативного значения опорного слова эпической темы: значение слова *flōd* ‘поток’ важно в описании похорон Скильда, а употребление слова *wæter* ‘вода’ передает насмешку Унферта над состязанием Бреки и Беовульфа. Иначе говоря, внутри формулы, заполняющей В-стих, происходит денотативное размежевание слов *flōd* и *wæter*, обусловленное различным эмоциональным содержанием самих эпических тем.

В широком море Унферта вода хоть и глубокая, но словно лишена жизни, а стихия предстает как водная толща, захватившая удальцов: 516b *Git on wæteres ǣht* «вы во власти воды <плавали>». Если в насмешках акцент делается на обозначение моря как воды *wæter*, то ключевым словом в развитии сюжета рассказанной Унфертом истории становится слово *sund*. Оно трижды повторяется в пределах 10 строк, неизменно занимая позицию ключевой аллитерации, обозначая то ли ‘пролив’, то ли ‘плавание’, и эта «игра смыслов» важна для речи Унферта: 507 on *sidne sǣ / ymb sund flite* «в широком море в плавании соревновались», 512b *þā git on sund geþ* «когда вы в проливе поплыли», 517b *hē þē æt sunde oferflāt* «он тебя в плавании опередил». Глагольное сочетание с предложным локативом заполняет С- или В-стих, укладывающийся во II КС, где слово *sund* помещается на первую вершину. Унферт высмеивает напрасность приложенных усилий со стороны Беовульфа, уступившего победу Бреке (517b–518a *hē þē æt sunde oferflāt, // hæfde māre mægen* «он тебя в плавании опередил, у него было больше сил»). По версии Унферта, победителя Бреку «бурное море вынесло <на берег>» *holm up ætbær* (519b). Цель Унферта – унижить Беовульфа, поставив, таким образом, под сомнение его готовность к героическим свершениям.

Беовульф дает пространный ответ своему антиподу (ср. речь Унферта 506–528 и ответ Беовульфа 530–606, т. е. 23 и 77 строк соответственно), словно «сотканый» из его речи. Местами речь

Беовульфа как будто вторит речи Унферта: 512b *þā git on **sund** rēon* «когда вы <оба> в проливе поплыли», ср. 539b *þā wit on **sund** rēon* «когда мы <оба> в проливе поплыли»; *aldrum nēþdon* «жизнь испытывали» (510a, ср. 538a). Вместе с тем Беовульф варьирует и обыгрывает фразы Унферта: в речи Унферта 507a *on sīdne **sæ*** «в широком море», ср. частичный повтор предложного сочетания *on **sæ*** в ответе Беовульфа 544 *Ðā wit ætsomne / on **sæ** wæron* «тогда мы вместе были в море»; в речи Унферта 509b–510a *on dēop **wæter** // aldrum nēþdon* «в глубокой воде жизнь испытывали», ср. в ответе Беовульфа 537b–538a *þæt wit on **gārsecg** ūt // aldrum nēþdon* «что мы в океане жизнь испытывали». Смысл этого сближения, как представляется, заключается в словесной игре, где формульные атрибутивные комплексы, в которых проявляется насмешка Унферта, когда он, начиная с формулы 507a *on sīdne **sæ*** «в широком море», тут же снижает смысл происходившего 509b *on dēop **wæter*** «в глубокой воде», превращаются в выражения 537b *on **gārsecg** ūt* «в океане» и 544b *on **sæ** wæron* «были в море», утверждающие высокий смысл этого отважного предприятия. При всем подобии лексического материала эпическое повествование в своем развертывании расставляет акценты таким образом, что события получают совсем иное освещение в устах героя. Иначе говоря, благодаря своеобразной организации нарратива словесная игра получает особый смысл, поэтому важны средства передачи семантического контраста.

Основное различие в описании событий связано с изображением моря в дальней (в речи Унферта) и ближней (в ответе Беовульфа) перспективе. Унферт как сторонний наблюдатель выражает «внешний» взгляд на происходящее, называя море широким и глубоководным (507a *on sīdne **sæ*** «в широком море», 509b *on dēop **wæter*** «в глубокой воде»), но охватывая своим взором лишь поверхность, по которой скользят упрямые пловцы (515a *glidon ofer **gārsecg*** «скользили по океану»). Море Унферта безжизненное, в ответной же речи Беовульфа море «оживает»; являясь участником заплыва, он погружается в особый мир стихии, заселенный живыми существами.

Попытаемся выявить динамику переосмысления слов на примере лексемы *mere* в составе композитов. Перебранка героев в эпизоде первого пира при дворе Хродгара вся пронизана формульными выражениями, которые имеют отношение к теме морского путешествия. Так, в начале пира утверждается истина, что Беовульф «отважный мореход» 502a *mōdges **merefaran***. В композите *merefara* «мореход» синоним *mere*- в качестве первой основы является общим наименованием моря, космогоническое значение которого еще не раскрылось. Затем в речи Унферта композитом *merestræt* «морская

дорога' (514a) обозначен путь удальцов – прямой и без преград (ср. *lat.* *via strata* «мощеная дорога», см. [Гвоздецкая 2010, с. 347]), а Беовульф называет свою «удаль в плавании» **merestrenge** букв. «морская сила» (533a). Сложные слова с первой основой *mere-*, маркирующие сюжетную линию героического сражения с морской нечистью (549a **merefisc** 'морская рыба', 558a **meredēor** 'морской зверь'), проходят красной нитью с самого начала эпизода. Выделяясь на фоне существительных с первой основой *sǣ-*, служащих описанию «декораций» (564b **sǣgrunde nēah** «у морского дна», 571 **þæt ic sǣnæssas / gesēon mihte** «так что я прибрежные скалы увидеть смог»; ср. также исходную локативную конструкцию 544b **on sǣ wǣron** «были в море»), последовательность композитов на *mere-* ведет в мир, заселенный чудовищами, т. е. здесь слово *mere* уже играет своими хтоническими смыслами.

Употреблением слова *mere*, в том числе в составе композитов, отмечено не только описание состязания с Брекой, но и эпизод подводной битвы в обиталище Гренделя и его матери, где у *mere* происходит трансформация значения. Перебранка с Унфертом оказывается своего рода прологом к ожидающему героя сражению с «морским женочудищем» **merewīf** (1519a). Важно, что здесь, в речах, сказанных на пиру у Хродгара, выстраиваются смысловые связи, потенции слова *mere*, которым предстоит далее стать ключевыми. Заметим, что сюжетная линия, закрепленная за словом *mere* в качестве первой основы, в этой эпической теме фиксируется звуко-смысловой связью внутри укладывающегося в отягощенный А-стих атрибутивного комплекса с аллитерирующим эпитетом (558a **mihtig meredēor** «<забрал> могучего морского зверя») и далее ведет к теме сражения с матерью Гренделя (1519a **merewīf mihtig** «<почуял> морское женочудище могучее»). Иначе говоря, композиты с первой основой *mere-*, аллитерируя с эпитетом **mihtig** 'могучий', маркируют обладателей недюжинной силы (нечеловеческой мощи) – представителей хтонического мира, с одной стороны, и отважного Беовульфа – с другой. Существенно, что море здесь представлено не только как пространство, но и в скрытой от антипода героя «хтонической перспективе». Вопреки помыслам Унферта, в эпизоде плавания с Брекой Беовульф раскрывается как героическая личность. Первичное денотативное значение 'озеро', 'болото' превращается в коннотативные смыслы, играющие в этом эпизоде и сопровождающие понятие 'море'.

Слово *sǣ* не играет такими смыслами, ведь в древнеанглийском оно возвышается до обозначения морской стихии (хотя в готском у него значение 'море' тоже развилось из 'озеро', 'болото'). Для эпоса релевантно, что герой появляется из-за разделяющего державы

моря *sǣ*, а угроза для Хеорота исходит от чудовищ, населяющих локус *mere* с неподвижной водой²¹: 1362b *þæt se mere standeð* «<недалеко отсюда> это озеро находится» (букв. «стоит»), ср. также 1416b *wæter under stōd* «вода под ними <деревьями> стояла». В описании обиталища Гренделя и его матери слово *mere* перемежается с обозначениями болота *fen* и *mōg* (103–104a, 162a, 710a; 1295b, 1348b, 1405a), при этом слова *mere* и *mōg* являются этимологически родственными (соответственно нормальная и продолженная ступени аблаута; ср. а. *moog* ‘вересковая пустошь’).

Особенности денотативного значения наименований моря, сохраняющего свою актуальность в эпическом повествовании в «Беовульфе», не противоречат сближению в значении ‘море’ контрастирующих обозначений локусов *sǣ* ‘море’ и *mere* ‘озеро’, и это сближение значимо для развертывания сюжета. Сам процесс их синонимизации наблюдается в теме состязания с Брекой. При этом у слова *mere* появляется та же космологичность в семантике, что и у слова *sǣ*. Об этом свидетельствует взрыв употребления композитов с первым компонентом *mere-* в составе атрибутивной конструкции. В нарративе процесс синонимизации данных лексем совершается на словообразовательном уровне, т. е. конвергенция происходит *под влиянием* сложных слов и распространяется на простые слова. Материалом, который служит общим основанием для смешения композитов с первыми компонентами *sǣ-* и *mere-*, становятся атрибутивные комплексы, заполняющие А-стих с отягощением. Композит с аллитерирующим эпитетом укладывается, как правило, в двухвершинную строку: 1426a *sellice sǣdracan* «чудные морские драконы», 1510b *sǣdēor monig* «множество морских зверей», 1519a *merewīf mihtig* «морское женочудище могучее» (ср. в речи Беовульфа о состязании с Брекой 558a *mihtig meredēor* «могучие морские звери»). Важно, что интерференция (конвергенция) с формулами, включающими композиты на *sǣ-*, происходит в А-стихе. Мы видим, как трансформация значения воплощается в стихотворной форме, которая «несет на себе многослойные напластования смысловых ассоциаций» [Гаспаров 2003, с. 4]. Возможно, смысловые трансформации слов в поэтической речи, которые имеет в виду М.Л. Гаспаров, здесь соединяются с изменениями в поэтическом языке, как их

²¹ В германских языках основа **mog-//*mag-*, как правило, имеет значение ‘море’, но в древнеанглийском эпосе «Беовульф» словом *mere* поэт. ‘озеро’ (а. *mere*) обозначается жилище чудовищ, обитающих в заболоченной местности [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 672–673], см. также: *Bosworth J., Toller T.N. Op. cit. P. 679.*

подразумевает концепция О.А. Смирницкой, ср. «системное двуединство “стих ↔ язык”»²².

Приведем и другие примеры, которые введены в систему благодаря своей формульности: 564b *sǣgrunde nēah* «у морского дна», 1624b *sǣlāce gefeah* «морской добыче радовался», 1449a *sē þe meregrundas / mengan scolde* «тот <шлем>, что морское дно возмутить должен был», 2100b *meregrund gefēoll* «на морское дно пал». Подтверждением семантического уравнивания слов *sǣ* и *mere* являются композиты с одинаковым вторым компонентом: *sǣgrund* (564b) и *meregrund* (1449a, 2100b) ‘морское дно’, *sǣdēor* (1510b) и *meredēor* (558a) ‘морские звери’, *sǣlīþende* (377b) и *merelīðende* (255a) ‘мореплаватели’.

Противопоставление слов *sǣ* и *mere* играет знаменательную роль внутри самого эпоса, предваряет битву героя с матерью Гренделя. Для Беовульфа, который познал морскую глубину во время плавания с Брекой, локус *mere* имеет космологическое значение. В результате эпизации семантическая трансформация *mere* происходит через героя в эпической теме битвы с чудовищем. Два измерения морского пространства неразделимы, создаются условия для аттракции разных слов. Так, в речи Унферта, где море *sǣ* представлено как фон, на котором происходит развитие действия, встречаются только два сложных слова, включающих синоним моря в качестве основы (513a *ēagorstrēam* ‘морское течение’ и 514a *merestræta* ‘морские дороги’), по контрасту с преобладающими одноосновными словами, принадлежащими синонимической системе моря (девять синонимов: *sǣ* ‘море’, *sund* ‘пролив’, ‘плавание’, *wæd* ‘вода’, *wæter* ‘вода’, *gārsecg* ‘океан’, *geofon* ‘море’, *ŷð* ‘волна’, *wylm* ‘волнение’, *holm* ‘бурное море’). В ответе Беовульфа синонимы моря употребляются почти так же часто в составе композита (девять случаев: *merestrengo* ‘морская сила’, *flōdŷð* ‘морская волна’, *merefisc* ‘морская рыба’, *meredēor* ‘морской зверь’, *sǣgrund* ‘морское дно’, *ŷðlāf* ‘берег’ (букв. «морской след»), *brimlīðend* ‘мореплаватель’, *sǣnæs* ‘морской мыс’, *ēgstrēam* ‘морское течение’), как и в виде отдельных слов (11 синонимов: *ŷð* ‘волна’, *gārsecg* ‘океан’, *sund* ‘пролив’, ‘плавание’, *holm* ‘бурное море’, *sǣ* ‘море’, *flōd* ‘поток’, *wæd* ‘вода’, *ford* ‘брод’, *brim* ‘прибой’, поэт. ‘море’). Изобилие подобных композитов создает картину «погружения» героя в море, умножения *морских реалий*. При этом в сюжете формируется оппозиция слов *sǣ* и *mere* в составе композитов, т. е. первый компонент семантически дифференцируется в повествовании, прочерчивает сюжетную линию.

Речи Унферта и Беовульфа коррелируют, но в ответе героя появляется другая семантическая надстройка, предвосхищающая его

²² Смирницкая О.А. *Op. cit.* С. 424.

славный подвиг. Так, у Беовульфа слово *sæ* обозначает не только локус (как в строке 544b *on sæ wæron*), но становится субъектом, выражая силу, движущую развитием повествования. При этом примере эпической вариации фиксируется сближение слов *sæ* и *flōd*, получается некий недифференцированный смысл, где соединяются значения 'море' и 'поток', так как для сюжета важна активная роль моря: 579b–581a *Ðā mec sæ oþbær, // flōd æfter faroðe / on Finna land* «Тогда меня море унесло, поток по течению, к земле финнов».

Если в речи Унферта ключевым является слово *sund*, маркирующее заплыв Бреки и Беовульфа (преодоление расстояния вплавь), а в его насмешках акцент делается на обозначение воды *wæter*, то в ответе Беовульфа ключевым становится не встречающееся у его антипода слово *flōd* (поток как символ героического характера). При этом слова *wæter* и *flōd* выступают в паре с малоупотребительным словом *wæd*, которое можно отнести к периферии синонимической системы. На его примере со всей очевидностью прослеживается семантическая подвижность синонима, примыкающего то к одному, то к другому ключевому слову эпической темы. Так, в насмешках Унферта слово *wæd* сближается с обозначением воды *wæter*, выполняя функцию прямого дополнения в составе параллельных конструкций в пределах одного периода: 508–510a *ðær git for wylence / wada cunnedon // ond for dolgilpe / on dēop wæter // aldrum nēpdon* «где вы из удали воды извели и хвостовства ради в глубокой воде жизнь испытывали». В ответе Беовульфа оно дважды воспроизводится в сочетании с аллитерирующим эпитетом *weallende* «бушующие» и при этом в обоих случаях выступает как эпический вариант слова *flōd* «поток»: 545b–546a *oþ þæt unc flōd tōdrāf, // wado weallende* «пока нас поток не разделит, воды бушующие», 580–581a *flōd æfter faroðe / on Finna land // wadu weallendu* «<унес> поток по течению к земле финнов, воды бушующие». Важно также отметить, что синонимизация происходит в форме мн. ч. *wadu/wado*, которая занимает первую вершину D-стиха с распущением. Сходное семантическое развитие происходит и у слова *brim* (570b *brimu swaþredon* «прибойные волны улеглись»), отмеченного в качестве синонимической пары к *flōd* в начале повествования (описание похорон Скильда).

В речи Беовульфа возникает образ моря как сочетание потока и волн, фиксируемый композитом *flōdȳð* 'морские волны': 542a *flōdȳðum feor / flēotan meakte* «<не мог> дальше меня по морским волнам уплыть». В свою очередь, обозначение волны *ȳð* сближается в его ответе с обозначением бурного моря *holm*, при этом синонимы в локативной функции в составе аллитерационной коллокации помещаются на вторую вершину A-стиха: 534a *earfeþo on*

ƿrum «[владел] усердием на волнах», 543a **hrapod on holme** «[не мог уплыть] быстрее по морю». Укладывающиеся в I КС формулы образуют микросистему, являясь характеристиками Бреки; ср. в речи Унферта слово **holm** также употребляется в отношении Бреки (519b **holm up ætbaeg** «море вынесло»), отрицая превосходство Беовульфа в состязании.

В эпической теме, как мы видим, происходит актуализация архаичной семантики и игра смыслов, что предполагается своеобразием древнегерманского аллитерационного стиха. Без этого невозможно поэтическое повествование, на этом держится создаваемое им эмоциональное напряжение. Преобразование значения отражает соединение присущей ПЯ статике синонимической системы с динамикой развертывания повествования. Сближающиеся в нарративе слова варьируют свое значение и употребляются по-разному, проявляя синтаксические и морфологические характеристики, сходные с синонимом, к которому они примыкают. Иначе говоря, синонимизация подтверждается поэтической формой (большую роль играет, в частности, тип стиха). При этом, как мы могли убедиться, сближение слов в нарративе может происходить при сохранении их денотативных различий, к которым внутри эпической темы добавляются новые оттенки значения, обусловленные развертыванием повествования. В скоплениях синонимов актуализируются сюжетные линии, которые способствуют росту эмоционального напряжения путем детализации описания.

Литература

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 ч. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
- Гаспаров 2003 – *Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 272 с.
- Гвоздецкая 2000 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова: опыт текстоцентрического анализа: Дис. ... д-ра филол. наук. Ивановский гос. ун-т. Иваново, 2000. 392 с.
- Гвоздецкая 2010 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Концепт «путь» в поэтическом творчестве англосаксов (VII–XI вв.) // Древнейшие государства Восточной Европы, 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен: материалы и исследования / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Индрик, 2010. С. 345–361.
- Лорд 1994 – *Лорд А.Б.* Сказитель / Пер. с англ., коммент. Ю.А. Клейнера, Г.А. Левинтона. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 368 с.

- Мелетинский 1968 – *Мелетинский Е.М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 367 с.
- Смирницкая 1994 – *Смирницкая О.А.* Стих и язык древнегерманской поэзии. М.: Филология, 1994. 481 с.

References

- Gamkrelidze, T.V. and Ivanov, V.V. (1984), *Indoeyropeyskiy yazyk i indoyeyropeytsy: rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury* [Indo-European languages and the Indo-Europeans. A reconstruction and historical and typological analysis of a proto-language and a proto-culture], in 2 vols. Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia.
- Gasparov, M.L. (2003), *Ocherk istorii yeyropeyskogo stikha* [A history of European versification], Fortuna Limited, Moscow, Russia.
- Gvozdetskaya, N.Yu. (2000), “A problem of semantic description of an old English poetic word (experience of text-based analysis)”, Ph.D. Thesis (Philology), Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Gvozdetskaya, N.Yu. (2010), “The concept of the way in the Anglo-Saxon poetic art”, in *Drevneyshiyе gosudarstva Vostochnoy Yevropy – 2009: Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyy fenomen* [The oldest states of Eastern Europe – 2009: transcontinental and local ways as sociocultural phenomenon], Indrik, Moscow, Russia, pp. 345–361.
- Lord, A.B. (1994), *Skazitel'* [The singer of tales], Publishing company “Oriental literature” RAS, Moscow, Russia.
- Meletinskii, E.M. (1968), “*Edda*” i ranniye formy eposa [Edda and early epic forms], Nauka, Moscow, Russia.
- Smirnitckaya, O.A. (1994), *Stikh i yazyk drevnegermanskoy poezii* [The verse and language of old Germanic poetry], Filologiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Евгения В. Кравченко, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; zheniakravchenko@gmail.com

Information about the author

Evgenia V. Kravchenko, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119234; zheniakravchenko@gmail.com

Дикий водяной:
баллада и демонологические представления
о водяных духах

Анна Е. Калкаева

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kalkaeva@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу баллады о водяном и его жене, «прекрасной Ханналее». Исследуется версия баллады, в которой водяной угрожает разорвать одного из детей пополам; рассмотрены отдельные мотивы и образы (в основном связанные с потомством водяного духа и челоуека) баллады, с одной стороны, и демонологических рассказов – с другой. Некоторые исследователи уже высказывали предположение, что на балладу о «Ханналее» оказала влияние не только датская баллада «Агнете и водяной», но и определенные славянские песни. В работе рассматривается мотив разрывания ребенка сверхъестественным существом в текстах Русского Севера и славянских земель. Этот мотив встречается в текстах разных жанров и в Азии, и в Европе, в том числе в Скандинавии, однако, по-видимому, он был неизвестен в Дании. Дополнительно замечено, что тревожность женщины по отношению к судьбе потомства, вероятно, влияла на исполнение баллады таким же образом, как она влияла и на мифологические нарративы, зафиксированные в том числе у немцев и славян.

Ключевые слова: народная баллада, демонологический рассказ, водяной дух, водяной, фольклор

Для цитирования: Калкаева А.Е. Дикий водяной: баллада и демонологические представления о водяных духах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 186–200. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-186-200

Wild Wassermann.
The ballad and mythological beliefs
about water spirits

Anna E. Kalkaeva

*Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kalkaeva@mail.ru*

Abstract. The author analyses folk-ballad about water spirit and his human wife ("schöne Hannalee"). One of its versions is telling about merman threatening to split their child in two halves. Some motives and images (generally connected with children of merman and human) of the ballad are compared with those of folklore narratives. Some scholars had already suggested that the Ballad about Hannalee was inspired not only by the Danish ballad "Agnete and the Merman" but also by certain Slavic folksongs. The article inspects the motif of splitting the child in texts of Russian North and Slavic lands. The motif appears in texts of different genres in Asia and Europe, in Scandinavia, but it seems to be unknown in Denmark. In addition, the author notes that woman's anxiety about the future of her children probably influenced the ballad's plot as well as it probably have influenced mythological texts.

Keywords: folk ballad, mythological narrative, water spirit, vodyanoy, folklore

For citation: Kalkaeva, A.E. (2022), "Wild Wassermann. The ballad and mythological beliefs about water spirits", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 2, pp. 186–200, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-186-200

Баллада «Дикий водяной» известна в России в основном под названием «Лилофея» как фольклорное произведение, опубликованное в сборнике немецких баллад в переводе Льва Гинзбурга¹. Существует несколько известных версий этой баллады, восходящих к датским брошюрам второй половины XVIII в.² К середине XIX в. версии баллады были зафиксированы в том числе в Дании, Германии, Силезии, Словении. Имя героини в разных версиях могло быть другим: «Ханналея, Аннале, Агнете, Агнафе, Доротея, Лилофея,

¹Гинзбург Л. Немецкие народные баллады в переводе Льва Гинзбурга. М.: ГИХЛ, 1959. С. 57.

²Meisling P. Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive. Jahrbuch für Volksliedforschung. 34. Jahrg. 1989. S. 70.

Линафея»³. В третьей четверти XIX в. Свен Грундтвиг, составитель первого сборника «Датские старые народные песни» (*Danmarks gamle Folkeviser*), проявил интерес к ее славянским версиям⁴. В сборнике 1908 г. (2-е издание) немецкая версия названа «изначально славянской»⁵. Позднее фокус в исследованиях сместился в другую сторону: на решение вопроса, пришла ли немецкая версия в Данию или наоборот. Во второй половине XX в. были написаны две диссертации: Юргн Рю и П. Мейслинг, расследуя возникновение датской баллады «Агнете и водяной» (*Agnete og Havmanden*), в своих работах пришли к выводу, что «Агнете» имеет северное происхождение [Bredsdorff 1991, S. 67]. Однако для этого исследования не так важно, пришла баллада из немецких земель в Данию или наоборот. Задача его заключается в рассмотрении восточных (по отношению к Германии) материалов, которые могли оказать влияние на немецкую версию. Эта задача, в свою очередь, дополняет другую: вопрос соотношения баллады (ее структуры, мотивов и поведения демонологического персонажа) и мифологических нарративов.

Неизвестно, имеет ли баллада литературное происхождение. На протяжении XIX в. на основе сюжета ее разных версий неоднократно создавались художественные произведения – как скандинавскими авторами (так, поэма И. Баггесена *Agnete fra Holmegaard* была опубликована в 1808 г.⁶), так и другими (в том числе и чешским писателем К.Я. Эрбеном, опубликовавшим в 1853 г. поэму *Vodník*⁷). Она неоднократно переводилась, в том числе с датского на немецкий язык: самый ранний известный перевод опубликовал Х.Л. Зандер в 1816 г.⁸ Тем не менее, чтобы устно распространяться и попадать заново в сборники фольклорных песен, сюжет баллады должен был в той или иной степени совпадать с социальными и де-

³Deutscher Liederhort / Hrsg. L. Erk, F.M. Böhme. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1893. Bd. 1. S. 2.

⁴Danmarks gamle folkeviser / Ed. by S. Grundtvig. Samfundet til den danske literaturs fremme. Copenhagen, 1856. Nr. 33–114. S. 50.

⁵*Falbe-Hansen I., Olrik A.* Danske folkeviser i udvalg, under medvirkning af Ida Falbe-Hansen. Udgivne for Dansklaererforeningen, første samling. Anden udgave. Gyldendalske Boghandel Nordisk Forlag København og Kristiania. 1908. S. 68.

⁶*Baggesen J.* Nyeste Blandede Digte. Kbh.: Fr. Brummers Forlag, 1808. P. 163–179.

⁷*Erben K.J.* Kytice z pověstí národních: Straussehen aus den Volks (in Eh-rchen) liedern. Prazе: Jarosl. Pospěšil, 1853. P. 94–105.

⁸*Meisling P.* Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive. Jahrbuch für Volksliedforschung, 34. Jahrg. 1989. S. 70.

монологическими представлениями исполнителей и слушателей. Подстраиваясь под запросы людей, баллада «Дикий водяной», как и многие другие фольклорные песни, стала вариативным текстом.

Баллада, наиболее приближенная к тексту Л. Гинзбурга, встречается в 1840-х гг. В 1842 г. она была опубликована в «Силезских народных песнях с мелодиями»⁹. Позже почти идентичные версии были опубликованы в собрании «Чудесный рог мальчика» с комментариями Людвиг Эрка 1854 г. (с пометкой «устно, из Силезии»)¹⁰ и в «Немецком песеннике» (с одной мелодией из двух городов Силезии – Легницы и Вроцлава, и из западно-немецкого Хайнау, и с двумя немного отличающимися мелодиями из Нойкирха, «что рядом с Гольдбергом в Силезии», и из Нижней Лужицы) в 1856 г.¹¹

Сюжет этой баллады, «Прекрасной Ханналеи», таков: водяной захотел взять в жены «прекрасную юную Ханналее» (дочь крестьянина в «Силезских народных песнях», знатная девушка – в «Чудесном роге» и «Песеннике»). Он построил мост, ступив на который Ханналея оказалась под водой. Под водой героиня родила водяному семерых сыновей. Услышав звон колоколов, она попросила мужа отпустить ее в церковь. В церкви героиня встретила своих родителей, которые тепло ее приветствовали. Вместе они отправились домой, где закатили пир. Ханналея отведала рыбного кушанья. Тогда ей на колени прилетело яблоко. Героиня попросила бросить яблоко в огонь. После этого явился водяной и напомнил Ханналее о детях. Ханналея ответила ему, что собирается забрать на землю четверых детей, оставив своему мужу троих. Водяной ответил ей, что детей следует делить поровну, и предложил разорвать седьмого ребенка пополам:

Die Kinder wollen wir teilen gleich
zwischen Berg und tiefem Tal
wohl über die See
nehm ich mir drei und du auch drei
Du schöne Hannele

⁹ *Hoffmann von Fallersleben A.H., Richter E. Schlesische Volkslieder mit Melodien: aus dem Munde des Volkes. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1842. S. 1–4.*

¹⁰ *Ludwig Achim's von Arnim sämtliche Werke. Band 21 Des Knaben Wunderhorn. Alte deutsche Lieder, Teil 4: Nachlaß. 5. Berlin: De Gruyter. 1854. S. 88–90.*

¹¹ *Deutscher Liederhort. Auswahl der vorzüglichern deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigenthümlichen Melodien / Ed. by L. Erk. Berlin: Enslin, 1856. S. 44–47.*

Das siebente wollen wir teilen gleich
 zwischen Berg und tiefem Tal
 wohl über die See
 nehm ich ein Bein und du ein Bein
 Du schöne Hannele

Детей мы разделим поровну между горой и глубокой долиной, что над озером, ты возьмешь троих, и я возьму троих, ты, прекрасная Ханналея. Седьмого мы разделим пополам, между горой и глубокой долиной, что возвышается над озером: возьму я одну ногу, и ты возьмешь одну ногу, ты, прекрасная Ханналея¹².

Тогда Ханналея ответила, что скорее вернется обратно, чем позволит водяному таким образом разделить детей.

В этой балладе прослеживается структура сюжета, свойственная и датским, и западнославянским версиям:

1) водяной берет в жены земную девушку; 2) героиня проводит под водой несколько лет и рождает нескольких сыновей; 3) героиня слышит звук колоколов и просит мужа отпустить ее наверх, муж отпускает; 4) поднявшись наверх, девушка идет в церковь, встречает родных и отдаляется от водяного (иногда нарушая запрет, обозначенный мужем); 5) героиня отказывается возвращаться домой, водяной напоминает ей о детях, которые ждут ее дома, – это обстоятельство создает некоторую конфликтную ситуацию, напряжение в балладе.

Как было замечено выше, ряд исследователей настаивают на том, что именно благодаря датской балладе появились немецкие версии песни о диком водяном (а не наоборот).

Одна из ранних публикаций баллады (действительно, ее датской версии) относится к 1812 г. Приведем ее сюжет: героиня Агнете, стоя на мосту, получает предложение от водяного духа стать его возлюбленной и соглашается. Под водой она рождает семерых сыновей. Однажды, находясь у колыбели, она слышит звон колоколов в Англии и отпрашивается у мужа в церковь. В церкви Агнете встречает свою мать – рассказывает о сыновьях и о золотом кольце, которое подарил ей водяной. Водяной приходит за ней, и тогда изображения святых в церкви отворачиваются (объясняя последний образ, П. Мейслинг замечает: «католицизм частично продолжил оставаться в Германии в качестве народной религии в течение двух-трех веков после Реформации Лютера 1536 г.»¹³).

¹² *Hoffmann von Fallersleben A.H., Richter E. Schlesische Volkslieder mit Melodien: aus dem Munde des Volkes. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1842. S. 4.*

¹³ *Meisling P. Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive. Jahrbuch für Volksliedforschung. 34. Jahrg. 1989. S. 73.*

Водяной говорит Агнете, что ее дети плачут, но она отказывается возвращаться обратно¹⁴.

Настаивая на датском происхождении баллады, П. Мейслинг замечает, что в балладе об Агнете присутствуют типично скандинавские демонологические мотивы, которые встречаются и в скандинавских балладах «Мошенничество водяного» (*Nøkkens Svig*, DgF 39) и «Девушка и король гномов» (*Jomfruen og Dvergekongen*, DgF 37)¹⁵. В первой балладе, которая встречается в том числе в «Листах Карен Браге» 1570–1580 гг., водяной, надев красивую одежду и приехав к королевскому замку, где проходят танцы, смаливает принцессу и скрывается с ней в воде. Девушка кричит, и на этом баллада завершается [Wright 2014, S. 3, 11]. Во второй (в более ранней версии – *Pigen og Bjergmanden*) девушка рождает своему похитителю семерых детей¹⁶.

Отмечая очевидные сходства датской и немецкой версий, нельзя, однако, не заметить и их различий. Последние заключаются в общем тоне баллады и отдельных ее мотивов. Если в датских версиях героиня добровольно становится возлюбленной водяного, то в немецких она оказывается под водой после того, как мост, на котором она стоит, обваливается. Можно заметить, что в скандинавских балладах водяные духи нередко «зачаровывают» людей, перед тем как их утопить [Wright 2014, S. 3]. Как бы то ни было, акт гипноза в балладе «Агнете» не проговаривается.

Поведение водяного в датских версиях П. Мейслинг называет необычно мягким для скандинавских баллад и объясняет это намеренной пародийной инверсией ролей главных героев¹⁷. Исследовательница Л. Тейлор в версиях, где героиня принимает решения, не согласовав их ни с родителями, ни с мужем, видит выражение протеста исполнительниц против подневольного в некоторых аспектах положения женщин [Taylor 2019, p. 170].

Как бы то ни было, финал немецких и западнославянских версий по большей части оказывается трагичным. В еще одной силезской версии (записанной у лужицких сербов), немецкий перевод которой вместе с оригиналом был опубликован в 1841 г., водяной разорвал одного ребенка, отобрав у героини, «других он задушил /

¹⁴ *Abrahamson W.H.F., Nyerup R., Rahbek K.L.* Udvalgte Danske Viser fra Middelalderen. København: J.F. Schultz. 1812. I Del. P. 313–315.

¹⁵ *Meisling P.* Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive. Jahrbuch für Volksliedforschung. 34. Jahrg. 1989. S. 72.

¹⁶ *Ibid.* S. 73.

¹⁷ *Ibid.* S. 72.

и разбросал по улице / сам повесился на двери»¹⁸. В опубликованном в 1882 г. немецком переводе другой (но очень похожей на указанную выше) версии лужицких сербов водяной, перед тем как повеситься в дверях, открутил головы детям¹⁹. Эта версия объединена с другим сюжетом – «девушка тонет в день свадьбы»; подробно рассматривает связку этого мотива и мотива «жених или возлюбленный строит мост для девушки» в немецких и славянских песнях русский филолог В. Перетц²⁰. Еще в одной версии баллады водяной отрубает героине голову (баллада, переданная «устно, в районе Губена» (Бранденбург), опубликована в 1854 г.²¹; записана в Грамцове в Уккельмарке – Восточная Германия, земле Ольденбург – Западная Германия, 1856 г.²² Аутентичность такого завершения в «Датском песеннике» ставится под сомнение²³). Только в версии, записанной в Магдебурге (город в современной земле Саксония-Анхальт, находится рядом с Бранденбургом), водяной-никельманн (*Nickelmann*), потянув за цепь и не обнаружив своей жены, у которой до этого на ноге она была закреплена, говорит: «Я не буду мучить тебя дольше <...>, и я не буду горевать до смерти <...>, ты, старая Ангина Фея»²⁴. Эта последняя добродушная версия перекликается с датской больше, чем другие, упомянутые выше, среди их сходств можно выделить и то, что, находясь под водой, героиня слышит звон именно английских колоколов. Образ английского короля П. Мейслинг называет типичным именно для скандинавских баллад²⁵.

¹⁸ *Haupt L.* Pjesnički hornych a deŕnych Lužiskich Serbow. Grimma: J.M. Gebhardt, 1841. 1 Theil. S. 64.

¹⁹ *Schulenburg W., von.* Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. Berlin: Nicolai, 1882. S. 55–56.

²⁰ *Перетц В.Н.* Современная русская народная песня (окончание) // Библиограф. 1893. Вып. 23. С. 107–136.

²¹ Ludwig Achim's von Arnim sämmtliche Werke. Bd. 21. Des Knaben Wunderhorn. Alte deutsche Lieder. Teil 4: Nachlaß. 5. Berlin: De Gruyter, 1854. S. 91–92.

²² Deutscher Liederhort. Auswahl der vorzüglichern deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigenthümlichen Melodien / Ed. by L. Erk. Berlin: Enslin, 1856. S. 48–49.

²³ Danmarks gamle folkeviser / Ed. by S. Grundtvig. Samfundet til den danske literaturs fremme. Copenhagen, 1856. Nr. 33–114. S. 50.

²⁴ *Hoffmann von Fallersleben A.H., Richter E.* Schlesische Volkslieder mit Melodien: aus dem Munde des Volkes. Leipzig: Breitkopf und Härtel. 1842. S. 4–5.

²⁵ *Meisling P.* Die dänische Agnete-Ballade, eine Travestie der skandinavischen Dämonenmotive. Jahrbuch für Volksliedforschung. 34. Jahrg. 1989. S. 74.

Итак, в более мягких датских версиях мы не находим мотива разрывания детей. Откуда тогда он мог взяться в немецкой и западнославянских балладе и песнях?

Мотив разрывания ребенка в фольклорной прозе

Этот мотив не прослеживается в скандинавских балладах, однако он встречается в записях фольклора Шпицбергена и Русского Севера XIX и XX вв. А.Н. Харитонов в 1849 г. опубликовал сюжет о сожигательстве «дикой девки» Шпицбергена с промысловиком. Когда мужчина решил покинуть дикую женщину, она швырнула ему в ладью рож-денного ребенка [Власова 2016, с. 403–404]. В тексте, записанном О.Э. Озаровской в 1920-х гг. на Северной Двине, описывается, как русалка родила ребенка от промышленника. Когда за промышленниками пришли судна, русалка «увидала, выбежала на гору, ребенка разодрала, половину себе взяла, а другу свись на судно!» – но промахнулась [Власова 2016, с. 403–404]. Сюжет этот, в частности, перекликается с рассказом, записанным в начале XX в. на Кольском полуострове и опубликованным в 1903 г.: Ванька Нордкапский, морской сотан, «злой дух Севера», похитил девушку, а когда она сумела бежать, разорвал их общего ребенка на две части и бросил в лодку. И в этом, и в упомянутом ранее тексте половина тела ребенка, брошенная на борт, воспринималась как опасная для судна [Власова 2016, с. 404]. Упомянутые тексты соотносятся с сюжетом указателя сказочных типов АТУ 485 (СУС 485).

В Олонецком крае была записана быличка, которую упоминает М. Власова в «Новой Абеведе»: «Иногда водяной пытается ходить (и ходит) к понравившимся или заклтым девушкам, женщинам, вдовам. <...> В Олонецкой быличке водяной живет со вдовой, а затем уносит свою “некрещеную” половину умершего ребенка» [Власова 2001, с. 98].

Что интересно, структура баллады о диком водяном в некоторой степени соотносится со структурой «Повести о бесноватой Соломонии» (датируется 1670-ми гг., одна из известных фиксаций сюжета – в Житии Иоанна и Прокопия Устюжских): в повести бесы регулярно посещают героиню, увлакивают ее из дома (отец Соломонии – поп). Героиня рождает детей-бесов. Однажды ей даже приходится бежать к отцу и передавать ему имена бесов – с этого момента начинается многолетнее исцеление героини от демонов. О.Б. Христофорова, прибегая в том числе к финно-угорскому материалу, замечает близость сюжета повести к рассказам о сожигательстве лешего, медведя (а в иных случаях и водяного) и человеческих

женщин. При этом в статье предполагается, что «речь идет о, по всей видимости, одной из универсальных мифологических моделей, и <...> более важным оказывается наличие в традиции определенной матрицы, а не то, откуда черпаются семантические элементы для ее наполнения» [Христофорова 2020, с. 112].

Тем не менее в некоторых случаях эта модель включает мотив разрывания сверхъестественным существом ребенка, рожденного в союзе с человеком. Этот мотив встречается и в Европе, и в Азии, в том числе в Монголии [Неклюдов 2019, с. 344]. Он, по-видимому, существует в Скандинавии – в сказочных сюжетах финнов²⁶. Однако мы (пока?) не находим его в Дании, несмотря на то, что можно было бы предполагать его возможное распространение с Северной Европы. Видимо, если баллада «Ханналея» сформировалась под непосредственным влиянием «Агнете», то это влияние не было единственным. Могло ли такое влияние исходить от немецких мифологических рассказов и как вообще соотносится баллада и немецкие демонологические тексты?

Водяные духи в немецких демонологических рассказах

С одной стороны, структура этой баллады не совпадает со структурой большого количества немецких рассказов о столкновении человека и водяного духа, которые нередко кончаются смертью человека (ребенка, мужчины, девушки) в воде. По замечанию Я. Гримма, «в целом [германские. – А. К.] сказания о водяных отличаются жестокостью и кровавостью, чего нельзя сказать об историях, посвященных горным, лесным и домашним духам» [Гримм 2019, с. 794]. С другой стороны, отдельные немецкие мифологические образы и мотивы пересекаются с образами и мотивами «Ханналеи». Возможно, таким смежным образом является яблоко, которое оказывается на коленях Ханналеи – Якоб Гримм упоминает яблоко на тарелке как благоприятный знак, который должен появиться на поверхности воды [Гримм 2019, с. 795]. Исследователи не раз ссылались на «Германскую мифологию»²⁷.

²⁶ *Uther H.-J.* The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2011. Vol. 1. P. 285.

²⁷ См., например, примечание в: *Deutscher Liederhort. Auswahl der vorzüglichern deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigenthümlichen Melodien* / Ed. by L. Erk. Berlin: Enslin, 1856. S. 47.

Потомство водяных духов

В немецких фольклорных сборниках XIX в. есть и упоминания детей водяных духов, среди которых бывают и «подменыши» (*Kielkropf, Wechselbalg*). Так, в сборнике, опубликованном в 1846 г., Эмиль Зоммер пишет «о том, что никсы подменяют детей, знают по всей Саксонии». Детей никсов могут описывать как некрасивых, волосатых, медленно развивающихся²⁸ или как пучеглазых существ с огромной головой²⁹.

Известен мифологический рассказ, который опубликовал Франц Шонверт в сборнике фольклора Верхнего Пфальца в 1858 г., в котором водяной пришел к земной женщине, а когда она родила от него ребенка, унес ребенка с собой³⁰.

Стоит упомянуть сюжет, который опубликовали братья Гримм со ссылкой на И. Преториуса (1630–1680). Как значится в пометке к тексту, он был рассказан «в присутствии священника» повитухой в 1630 г. «в приходе Браулиб, в полумиле от Зальфельда» [город в земле Тюрингия. – А. К.]: водяной привел акушерку (мать рассказчицы) к своей рожаящей жене. Последняя поведала акушерке, что является христианкой, похищенной водяным. И если женщина родит ребенка, то водяной съест ее на третий день, и тогда вода окрасится кровью³¹. Перепечатав этот рассказ, братья Гримм привели и другой, опубликованный в «Фольклорных преданиях» (1800) Отмара – псевдоним теолога и филолога Иоганна К.К. Нахтигала. На этот раз женщина сказала акушерке, что никс собирается задушить ее ребенка; и, действительно, вскоре акушерка увидела кровавую струю, показавшуюся на поверхности воды³².

Перейдем к мотиву разрывания ребенка, который не выглядит чрезвычайно распространенным в немецких землях. Однако известен рассказ, который Людвиг Бехштейн привел в сборнике «Немецкие предания», где никса разорвала подменша, как только его вернули обратно в озеро:

²⁸ *Sommer E.* Sagen, Märchen und Gebräuche aus Sachsen und Thüringen. Heft 1. Halle: E. Anton. 1846. S. 38–40.

²⁹ *Bechstein L.* Deutsches Sagenbuch. Leipzig: G. Wigand. 1853. S. 731.

³⁰ *Schönwerth F.* Aus der Oberpfalz. Sitten und Sagen. Augsburg: Rieger, 1858. Bd. 2. S. 188–190.

³¹ *Grimm W., Grimm J.* Deutsche Sagen. Berlin: Nicolai'sche Verlagsbuchhandlung. 1816. Bd. 1. S. 61–63.

³² *Grimm W., Grimm J.* Deutsche Sagen. Berlin: Nicolai'sche Verlagsbuchhandlung, Berlin. 1816. Bd. 1. S. 392–393.

Wie der Mann heim kam, und den Balg fand und seiner Frau Wehklage vernahm, strich er den Balg mit Ruten – da hörten beide ihr Kind am Seeufer weinen. Eilend holte es die Mutter, und der Vater nahm den Wechselbalg, und warf ihn in den See. Da fuhr gleich die Nixe herauf, zerriß den Wechselbalg und fraß ihn mit Stumpf und Stiel

[Мать поторопилась принести его [обратно], а отец взял подмышка и бросил его в озеро. Тогда сразу же наверху появилась никса, разорвала подмышка и сожрала, уничтожив его целиком]³³.

Стоит упомянуть, что исследователи Д. Симонидес, П. Шидак, Д. Климова предполагают, что многие представления, связанные с водяными духами, пришли в Германию именно из Силезии, а К. Дворжак, анализирувавший баллады о подмышках, заметил особо, «что демоном, который подменяет человеческого ребенка своим, в чешских землях является, помимо лесной «дикой женщины», именно водяной» [Балгарова 2019, с. 32].

Словенский водяной – песня и проза

Выше уже упоминались версии баллады, записанные у лужицких сербов, однако есть и другая песня, где присутствует убийство ребенка водяным. Эту песню, записанную у словен, упоминали и другие исследователи баллады об Агнете (в том числе и С. Грундтвиг), однако они не рассматривали отдельно ее мотивы, не сопоставляли их с мифологическими рассказами. В 1839 г. в сборнике “Slovenske pesmi kranjskega naroda” польским этнографом Э. Корытко была опубликована песня «Водяной» (*Pogodnji mósh*). Основная ее структура соответствовала структуре баллады о диком водяном: девушка Мизика отправилась на танцы, несмотря на запрет матери. Рассерженная мать сказала, чтобы водяной забрал ее дочь. На танцах к девушке подошел молодой человек и стал свирепю с ней танцевать. Девушка догадалась, что танцует с водяным, и воскликнула: «Водяной пришел за мной!» Водяной выскочил с героиней в окно. Они погрузились в воду, где героиня родила сына. Однажды она попросила отпустить ее в гости к матери. Водяной согласился при условии, что на земле Мизика не подойдет под благословение. Героиня не выполнила этого условия, тогда водяной пришел к девушке и сказал, что ее сын плачет. Однако Мизика отказалась следовать за мужем. Тогда

³³ *Bechstein L. Deutsches Sagenbuch. Leipzig: G. Wigand. 1853. S. 731.*

водяной разорвал сына пополам, чтобы у родителей осталось по половине ребенка³⁴.

Стоит заметить, что в 1830 г. вышла баллада словенского поэта Ф. Прешерна «Водяной», которая, возможно, оказала влияние на записанную позднее фольклорную песню. У Ф. Прешерна водяной умыкает девушку Урсю с танцев таким же образом, завертев, поднимаясь немного в воздух и погрузившись в реку (на этом баллада завершается)³⁵. Добавим, что баллада Прешерна была вдохновлена рассказом Янеза Вайкарда Вальвазора о похищении девушки в Любляне в начале XVI в. По словам М. Кропей, мотивы похищения водяными девушек и детей нередко встречаются у словен и в песнях, и в фольклорной прозе [Кропей 2012, р. 161].

Мотив разрывания совместного ребенка, упомянутый в песне, предположительно не чужд словенским мифологическим рассказам. Он встречается в словенской фольклорной прозе XX в. – в 1936 г. был опубликован текст, в котором описывался побег девушки от великана («горного мужа»). Великан не смог добраться до девушки и разорвал двух их общих детей³⁶.

Заключение

Немецкая (в первую очередь силезская) версия баллады, где водяной предлагает героине разорвать одного из детей пополам, возможно, сложилась, с одной стороны, под влиянием датской «Агнете», а с другой стороны – под влиянием западнославянских песен, в которых этот мотив присутствует. Несмотря на большую популярность мотива о разрывании ребенка водяным и прочими «дикими» существами – и мужчинами, и женщинами, который в XIX–XX вв. фиксировался достаточно широко (в том числе у финно-угорских народов и восточных и западных славян), он, по-видимому, не затронул Данию.

Если в «Балладе об Агнете» проглядывается запрос женщины на эмансипацию, то баллада о «Ханналее» и западнославянские песни о водяном могут передавать обеспокоенность женщины по

³⁴ *Koritko E.* Slovenske pesmi kranjskega naroda. Ljubljana: Joshef Blasnik. 1839. P. 79–81.

³⁵ *Прешерн Ф.* Стихотворения Франца Прешерна: Со словенского и немецкого подлинников / Пер. Ф.Е. Корш. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901. С. 60–61.

³⁶ *Šašel J., Ramovš F.* Narodno blago iz Roža. Arhiv Zgodovinskega društva. Maribor, 1936.

отношению к своей семейной жизни и судьбе своих детей. Эту тревожность могут передавать и демонологические рассказы. Структура баллады о водяном не совпадает со структурой многих немецких мифологических рассказов о водяных, которые нередко заканчиваются именно гибелью человека в воде. Отдельные мотивы баллады, однако, оказываются близки демонологическим представлениям: дети, рожденные от водяного, остаются у отца.

На другом уровне, который, однако, тоже свидетельствует об адаптации лирического фольклора к мировоззрению общества, проглядывают отдельные образы (такие как яблоко в «Ханналее»), которые приросли к основной структуре сюжета на немецких, датских и славянских землях в соответствии с демонологическими представлениями исполнителей.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Мифо-ритуальные и дискурсивные практики в контексте живых традиций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Автор статьи благодарит С.Ю. Неклюдова и О.Б. Христофорову за советы и помощь в подборе материалов.

Acknowledgements

This paper was financially supported by the Russian State University for the Humanities, project “Mytho-ritual and discursive practices in the context of living traditions”.

The author would like to thank S.Yu. Neklyudov and O.B. Khristoforova for the advice and the help with the selection of sources.

Сокращения

ATU – Aarne-Thompson-Uther Index. *Uther H.-J.* The types of international folktales: a classification and bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica. 2011. Vol. 1.

DgF – Danmarks gamle Folkeviser / Ed. by S. Grundtvig. Samfundet til den danske literaturs fremme: Copenhagen. 1856. Nr. 33–114.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Барга и др. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Литература

- Балгарова 2019 – *Балгарова А.* Водяной в фольклоре и литературе (на примере региона Силезия) // *Славяноведение*. 2019. № 6. С. 30–40.
- Власова 2001 – *Власова М.Н.* Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2001. 669 с.
- Власова 2016 – *Власова М.Н.* Русский фольклор Груманта (Шпицбергена) // *Русский фольклор*. Материалы и исследования / Отв. ред. Е.И. Якубовская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 35. С. 385–412.
- Гримм 2019 – *Гримм Я.* Германская мифология. Т. 1 / Пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Издат. дом ЯСК, 2019. 928 с.
- Неклюдов 2019 – *Неклюдов С.Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 590 с.
- Христофорова 2020 – *Христофорова О.Б.* «Повесть о бесноватой Соломонии»: мифологические контексты и параллели // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2020. Т. 3. № 1. С. 94–127.
- Bredsdorff 1991 – *Bredsdorff Th.* Nogen skrev et sagn om “Agnete og Havmanden”: Hvem, hvornår og hvorfor? // *Fund og forskning i det Kongelige Biblioteks samlinger*. Kongelige Bibliotek (Denmark). 1991. Vol. 30. P. 67–80.
- Krojej 2012 – *Krojej M.* Supernatural beings from slovenian myth and folktales. Ljubljana: Založba ZRC/ZRC Publishing, 2012. 284 s.
- Taylor 2019 – *Taylor L.* The Agnete Ballad of Denmark: cultural tool or protest song? // *Ballads of the North, Medieval to Modern: essays inspired by Larry Syndergaard* / Ed. by S.B. Straubhaar, R.F. Green. Kalamazo: Medieval Institute Publications, 2019. P. 159–174.
- Wright 2014 – *Wright Sh.L.* The Scandinavian ballad “Nøkkens Sving”, presented in the song “Heiemo og Nykkjen”. SCA (Society For Creative Anachronism), Kingdom of An Tir Bardic Championships, 2014. 31 p.

References

- Balgarova, A. (2019), “Hastrman (water spirit) in folklore and literature (on the example of Silesia region)”, *Slavyanovedenie*, no. 6, pp. 30–40.
- Bredsdorff, Th. (1991), “Nogen skrev et sagn om ‘Agnete og Havmanden’: Hvem, hvornår og hvorfor?”, *Fund og forskning i det Kongelige Biblioteks samlinger. Kongelige Bibliotek*, vol. 30, pp. 67–80.
- Grimm, Ya. (2019), *Germanskaya mifologiya* [Deutsche mythologie], in Uspenskii, F.B. (ed.), vol. 1, Izdatel’skii dom YASK, Moscow, Russia.
- Khristoforova, O.B. (2020), “The tale of the possessed woman Solomonia’: mythological contexts and parallels”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 1, pp. 94–127.

- Krojež, M. (2012), *Supernatural beings from Slovenian myth and folktales*, Založba ZRC/ZRC Publishing, Lyublyana, Slovenia.
- Neklyudov, S.Yu. (2019), *Fol'klornyi landschaft Mongolii. Ehpos knizhnyi i ustnyi* [The Folklore Landscape of Mongolia: Written and Oral Epics], Indrik, Moscow, Russia.
- Taylor, L. (2019), The Agnete Ballad of Denmark: Cultural Tool or Protest Song?, *Ballads of the North, Medieval to Modern: Essays Inspired by Larry Syndergaard*, in Straubhaar, S.B. and Green, R.F. (eds.), Medieval Institute Publications, Kalamazoo, USA, pp. 159–174.
- Vlasova, M.N. (2001), *Russkie sueveriya: entsiklopedicheski slovar'* [Russian superstitions: encyclopedic dictionary], Azbuka-Klassika, Saint Petersburg, Russia.
- Vlasova, M.N. (2016), "Russian folklore of Grumant (Spitsbergen)", *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian folklore. Materials and research], in Yakubovskaya, E.I. (ed.), Dmitrii Bulanin, Saint Peterburg, Russia, vol. 35, pp. 385–412.
- Wright, Sh.L. (2014), The Scandinavian Ballad "Nøkkens Svig", Presented in the song "Heiemo og Nykkjen", SCA (Society For Creative Anachronism), Kingdom of An Tir Bardic Championships.

Информация об авторе

Анна Е. Калкаева, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21;

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kalkaeva@mail.ru

Information about the author

Anna E. Kalkaeva, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117418;

postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kalkaeva@mail.ru

Смена точек зрения
как прием в текстах устной традиции:
к вопросу о фигуре наблюдателя в фольклоре

Виктория А. Черванёва

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Аннотация. Проблема соотношения субъекта повествования и субъекта наблюдения в тексте традиционно рассматривалась применительно к материалу художественной литературы. Однако анализ фольклорных текстов показывает, что наблюдатель как текстовая категория имеет универсальный характер – эта фигура вполне актуальна и для текстов устной традиции, причем самых разнообразных жанров. В статье рассматривается выражение позиции наблюдателя в мифологических нарративах (в современной и архаической повествовательной традициях), в заговорах и в лирической песне – на примере употребления в этих текстах грамматических форм 1-го лица. В фокусе внимания такая особенность наблюдателя в тексте, как подвижность его позиции, то есть распределение/переключение этой функции между несколькими субъектами. Языковым средством, специализированным для выражения позиции наблюдателя в фольклорных текстах, выступают грамматические первоначальные формы, что связано с влиянием особенностей устной формы речи. Субъект наблюдения может меняться в ходе разворачивания текста, при этом выражение позиции наблюдателя формами 1-го лица осуществляется на протяжении всего текста, и это становится возможным благодаря переключению грамматических режимов.

Ключевые слова: нарратология, повествователь, наблюдатель, мифологический текст, субъектная организация текста

Для цитирования: Черванёва В.А. Смена точек зрения как прием в текстах устной традиции: к вопросу о фигуре наблюдателя в фольклоре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 201–215. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-201-215

Changing points of view as a device
in the texts of oral tradition.
On the issue of the observer in folklore

Victoria A. Chervaneva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Abstract. The problem of the relationship between the narrator and the observer in the text has traditionally been considered in relation to the material of fiction. Analysis of folklore texts shows that the observer as a text category has a universal character. This position is also quite relevant for the texts of the oral tradition, and the most diverse genres. The article examines the position of the observer in mythological narratives (in the modern and archaic narrative tradition), in spells and in lyric song on the example of the use of grammatical forms of the 1st person in these texts. The focus of attention is such a feature of the observer in the text as the movement of his position, that is, the switching of this function between the subjects. The linguistic means used to express the observer's position in folklore texts is the grammatical forms of the 1st person. The subject of observation can change throughout the text, while the expression of the observer's position by the forms of the 1st person is carried out throughout the entire text, and this becomes possible by switching grammatical modes.

Keywords: narratology, narrator, observer, mythological text, subjective organization of the text

For citation: Chervaneva, V.A. (2022), "Changing points of view as a device in the texts of oral tradition. On the issue of the observer in folklore", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 2, pp. 201–215, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-201-215

Открытие позиции наблюдателя в тексте является одним из наиболее важных в нарратологии – собственно, именно с этого и начинается изучение субъектной организации текста как лингвистической проблемы (см. блестящий анализ «Пиковой дамы» В.В. Виноградова в 1936 г. [Виноградов 1936] и не менее блестящий анализ этой работы в статье Е.В. Падучевой [Падучева 1995]).

Вообще, проявление автора в созданном им тексте, видимо, обязательно и неизбежно. А.А. Зализняк назвала эту особенность парадоксом нарратива, и состоит он в том, что автор в тексте «одновременно недопустим и неистребим» [Зализняк 2016, с. 8], поскольку «в естественном языке текст неотделим от своего создате-

ля, говорящего» [Падучева 1996, с. 217]. Как бы ни старался автор текста спрятаться от читателя, чтобы имитировать объективность, независимость изображаемого от личных оценок, чтобы изобразить «мир как он есть», все равно он себя обнаружит.

Субъект повествования проявляет себя в тексте с помощью целого спектра языковых средств – местоимений, вводных слов, указательных частиц, лексики со значением речи, мысли, чувства, восприятия, оценочной лексики. Такого рода языковые единицы получили название эгоцентриков, или эгоцентрических языковых единиц [Падучева 2018], так как их семантика подразумевает говорящего в качестве участника описываемой ситуации.

В значении некоторых слов уже изначально содержатся семы, предполагающие наличие наблюдателя – субъекта, присутствующего в ситуации текста. Приведу известный пример Ю.Д. Апресяна: *На дороге показался отряд всадников*. Эта фраза предполагает, что в тексте есть тот, кто видит всадников, и потому невозможно предложение: **На дороге показался я* [Апресян 1995, с. 643]. Употребление подобных слов в повествовании выдает присутствие наблюдающего субъекта (собственно, что и заметил В.В. Виноградов в «Пиковой даме», построенной как экзегетическое повествование).

Традиционно проблема соотношения субъекта повествования и субъекта наблюдения в тексте рассматривалась применительно к материалу художественной литературы, таким образом, изучение текста с позиций нарратологии входило в область литературоведческих штудий [Успенский 1970; Падучева 1996; Шмид 2003; Женетт 1998]. Исследование же проекции говорящего в фольклорном тексте имеет относительно недавнюю историю. Попытка применить методологические установки нарратологии к фольклору была предпринята Е.Б. Артеменко на материале русского эпоса [Артеменко 1994; Артеменко 1998], однако, по словам самой исследовательницы, эти наблюдения над репрезентацией фигуры повествователя являются лишь подступами к проблеме [Артеменко 1998, с. 189], не получившими развития в последующих работах.

Что касается устной прозы, то в этой области проблема субъекта повествования долгое время ставилась в связь с источником сообщения: именно на этом параметре основано общепринятое деление устных рассказов на мемуары (рассказы о личном опыте) и фабулаты (пересказы услышанных историй чужого опыта). Это противопоставление, намеченное еще Карлом фон Зюдовым¹, было

¹*Sydow C.W. Kategorien der Prosa-Volksdichtung // Carl Wilhelm von Sydow. Selected Papers on Folklore. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1948. P. 60–88.*

уточнено и прочно вошло в научный оборот отечественной фольклористики благодаря работам Э.В. Померанцевой [Померанцева 1968; Померанцева 1985].

Однако такое разграничение двух типов текстов явно недостаточно и не отражает сложной картины субъектной организации устных нарративов. Ставший особенно актуальным в последние годы коммуникативно ориентированный подход к изучению фольклора, предполагающий анализ коммуникативной ситуации бытования текста и учитывающий комплекс прагматических факторов [Адоньева 2004; Веселова 2003; Левкиевская 2006; Левкиевская 2008; Мигунова 2002], дает инструментарий для выявления сложной многоуровневой (точнее сказать, «многоголосой») структуры устного нарратива: «коммуникативных уровней» текста, определяемых на основе прагматического анализа номинаций действующих лиц текста [Веселова, Степанов 2019], типов организации нарратива в зависимости от количества и характера рассказчиков, выявляемых на основе анализа дейктических маркеров их присутствия в тексте [Черванёва 2019a] и их функций в тексте [Черванёва 2017].

Опыт изучения устной прозы в указанном отношении показывает, что в применении к фольклорным текстам можно говорить не только о субъекте повествования, но и о наблюдателе как текстовой категории – эта фигура вполне актуальна и для текстов устной традиции, причем самых разнообразных жанров. В настоящей статье я хотела бы остановиться на одном аспекте этой проблемы: такой особенности проявления наблюдателя в тексте, как подвижности его позиции, то есть переключении этой функции между несколькими субъектами. Предметом рассмотрения являются формы первого лица, в которых находит выражение говорящий и наблюдающий субъект.

В устной прозе с установкой на достоверность, как кажется, фигура наблюдателя просто необходима, требуется структурой и прагматикой повествования. Так, Е.С. Новик, изучив способы засвидетельствования и типы повествователя в фольклоре сибирских народов, пришла к выводу, что архаический повествовательный фольклор нуждается в фигуре наблюдателя, и это обуславливает использование приема изложения от 1-го лица [Новик 2012]. При этом в роли субъекта повествования выступает либо персонаж, описывающий события, которые с ним происходят, либо специфический субъект – персонифицированная речь («слово-песня», «сказ»), которая сама себя повествует. В ходе повествования происходит переключение, мена субъектов в случае необходимости: так, персонаж «сказ» (например, Мынеко у ненцев) появляется в том

случае, когда надо рассказать о том, что происходит в том месте, куда герой еще не доехал.

Этот прием, наряду со ссылкой на источник информации, является, по мнению Е.С. Новик, способом засвидетельствовать достоверность излагаемых событий. Грамматические показатели 1-го лица выступают маркерами присутствия наблюдателя и гарантом достоверности сообщаемого.

В современной повествовательной традиции можно также заметить эту особенность – подвижность позиции наблюдателя, репрезентируемой грамматическими формами 1-го лица, т. е. переключение этой функции между несколькими субъектами.

При изучении средств выражения позиции рассказчика в мифологическом нарративе², прежде всего форм 1-го лица – глаголов и местоимений, обнаружилось, что довольно часто (как минимум в $\frac{2}{3}$ случаев – в 41 примере из 61) в устных рассказах о чужом опыте, т. е. в пересказах историй, используется специфический прием – переход на изложение от 1-го лица очевидца событий.

Нарратор как бы входит в роль участника событий и передает ее целиком от 1-го лица своего персонажа, в результате чего получается текст в тексте – своеобразное «двойное» изложение от 1-го лица. При этом цитируемый персонаж-говорящий – участник описываемых событий – оказывается в центре пространственно-временных координат текста. Приведу примеры³.

1.

Съехали, показал <дед КВА>, где и место это. *«Вот, – говорит, – мы сетки поставили»*, – а лодка деревянная, <нрзб.> вёсла вот так скрестят, а мачта (с парусом ездили, ветер – так с парусом) – скрестят, и потом этот парус вот так тягают, и там как шалаш. *«И вот мы, – говорит, – легли, <...> што-то меня... а лодка так закачалась, – покачало лодку, – я, – говорит, – вышел – нет, воды нет в лодке. Вот так пощупал. Вышел, а, – говорит, – в носу, – шалаш все-таки делается (лодки длинные у нас, семиметровые) в корме, – в носу сидит, волосы*

²Основным материалом моего исследования послужили записи мифологических рассказов, извлеченных из корпуса интервью, из архива Лаборатории фольклористики РГГУ (весь материал собран в Каргопольском районе Архангельской области в период 1993–2011 гг.). Для анализа отобраны тексты с обязательным наличием повествовательного компонента – всего 694 нарративных фрагмента объемом 124 508 слов.

³Курсивом выделены фрагменты от 1-го лица персонажа, прямым шрифтом набран текст от 1-го лица рассказчика, формы 1-го лица выделены полужирным шрифтом.

*распустила такая женщина – не женщина, зверь – не зверь, а похожая на женщину, потому што вся волосатая. Я не знаю, сижу вот так, чево делать-то. Взял, да перекрестился, – он верущий, – раз перекрестился, другой перекрестился. Я не смею, и она на носу <...> села и сидит. Третий раз токо перекрестился, <...> свернула в лодку <с лодки в воду> и ничево не сказала. В нашем озере кто-то есь, – говорит, – зверь – не зверь». <...> **Мой**-то дедушка родной **мне** рассказывал. «И больше с той поры, – говорит, – ночевать стал бояться <на озере>» (инф. КВА, Нокола-Белая, 1997).*

2.

У нас бабка вон сей год ходила по ягоды, сватья-то **моя** дак. Ходила в болото, дак тожо, гьт, **беру**, а вот... **И**, гьт, **цуствую**, бутто кто ходит. **Поглижу** – мужик ходит. Ну вот, **я** тожо удаляюси, а то он сначала-то, гьт, кричал, в болоте-то кричит, а я, гьт, не откликалась, **я** потом крикнула. Здвигаецы ближе, гьт. <Нрзб.> пришла <?>, так не **знаю**. Потом, говорит: ой, не **знаю**, как, цёво... <Нрзб.>, движецы мужик, а не показыват лица-та. Я, гьт, некогда больше собирать... Собирала и в избушку и забралась. Дак ищё цуствовала: «Эй!» – говорит, там орёт-то вот. Видно, уш ково звал ищё. А шла, Барыгина <?> шла, да гьт, ищё слышала, што **у нас**... она гово... там шумят. «А **я** думала, – <говорит>, – это Валя шумит» (инф. КМА, Лукино, 2001).

Такая нарративная форма, основанная на прямой речи персонажа – источника информации, делает текст развернутой цитатой и своеобразным «свидетельским показанием» об услышанном – говорящий старается максимально дословно передать рассказ, копируя даже грамматические формы чужой речи.

Встречаются тексты, где переключение на форму изложения от 1-го лица персонажа происходит только в рамках ограниченного фрагмента, в остальной же части текста этот действующий субъект представлен формами 3-го лица. Ср.:

Слышу что он кричит. А тёмно, осенью, **я** двери открыла, зашла, его нету. Кровать пустая, его нет, **слышу**, во дворе он упал, **у нас** тут высоко, а тут лестница, а он шёл мимо, на лестницу не пошёл, а прямо и упал во двор туда вниз. И поломал рёбра. Говорит, **лежу**, не спал ещё, **заходит** вот бабушка то умерла, свекровь-то, а он её знал хорошо, он бывал **у нас** часто, дак говорит, *вот она заходит вот в каком она ходила вот в сарафане, в кофте той же всё*: «*Валентин, пойдём со мной*». **Я**, говорит, *встал и пошёл*. Пошёл, говорит, **я** никаких дверей не открывал и ничего, прямо пошёл, она пошла, и он за ней. И он упал, переломал рёбра. Вот такой случай ещё был (инф. ФАА, Печниково, 1997).

В этом примере заметно, что смена планов текста – переход на 1-е лицо персонажа и затем на 1-е лицо говорящего – происходит достаточно свободно: несколько раз в рамках всего высказывания. Говорящий-наблюдатель произносит свою часть рассказа от 1-го лица, а часть рассказа собственно о контакте с мифологическим персонажем передается от лица контактирующего персонажа в формах 1-го лица, относящихся к реципиенту. Таким образом, формы 1-го лица репрезентируют основного субъекта действия.

Переход говорящим на изложение от лица участника события, «присваивание себе» его речи от 1-го лица – знак солидарности рассказчика с наблюдателем и участником события. Кроме того, формы 1-го лица выступают как маркер достоверности, служа показателем присутствия очевидца в тексте, – неслучайно форма прямой речи очевидца события появляется в той части рассказа, где речь идет о деталях и подробностях контакта с мифологическим персонажем (см. подробный разбор этого явления в [Черванёва 2019б, с. 45–49]).

Очевидно, текстовая фигура наблюдателя, репрезентируемого формами 1-го лица, находится в связи с модальностью достоверности текста. Косвенно подтверждает эту мысль анализ текстов заговоров.

Этот жанр находится в неоднозначном отношении к категории достоверности. С одной стороны, в тексте заговора изображается условный мир, но это мир, в реальности которого исполнитель не сомневается. И в этом жанре также наблюдается сложная картина с референцией местоимений 1-го лица. Приведу пример из работы С.М. Толстой [Толстая 2017], где она анализирует фигуру отправителя (т. е. субъекта речи) в структуре коммуникативной ситуации заговора и приходит к выводу, что формы 1-го лица в зачинах и концовках:

Стану **я** благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, с двора воротами...

Будь **мое** слово в слово, слово крепкое. Аминь.

...не являются прямой проекцией говорящего – исполнителя заговора. Она называет их словами «двойного авторства» [Толстая 2017, с. 178]. С одной стороны, эти слова, несомненно, соотносятся с говорящим, он часто прямо именуется в тексте («имярек»). Но, с другой стороны, «эти слова принадлежат некоему условному персонажу, о чем свидетельствует продолжение текста: *пойду я, раб Божий, из избы дверьми, с двора воротами, встречу мне архистратиг Михаил архангел со святыми своими, с ангелами и апостолами.*

В последнем фрагменте указание на реальное лицо (исполнителя заговора) свободно сочетается с предикатами, относящимися к условному персонажу, которому приписывается участие в совершенно нереальных, мифологических событиях (диалог с Михаилом архангелом)» [Толстая 2017, с. 178].

Таким образом, «я» – это одновременно и реальный говорящий, и его текстовая, а вернее, жанровая проекция, проекция той роли, которую усваивает ему традиция в коммуникативной ситуации исполнения заговора. Такая организация дает возможность эксплицитного выражения позиции наблюдателя формами 1-го лица на протяжении всего текста.

Проблема выражения позиции наблюдателя и, в частности, возможность соотнесения этой позиции с разными субъектами в пределах одного контекста имеет исследовательскую перспективу и может быть экстраполирована на материал фольклорной лирики. Так, Е.Б. Артеменко обнаружила и описала такую особенность народной песни, как параллельная местоименно-субстантивная репрезентация персонажа (*молодец, девица*). На большом количестве примеров Е.Б. Артеменко показала, что для русской лирической песни характерно совмещение в одном узком контексте грамматических показателей 1-го и 3-го лица, причем эти формы выступают как кореферентные, т. е. соотносятся с одним и тем же персонажем – лирическим героем [Артеменко 1988а]. При этом происходит проникновение форм 1-го лица в третьеличный контекст, и это создает эффект присутствия исполнителя [Артеменко 1988б]. Например:

Я шел, **молодец**, дорогою,
Запала **молодца** долгая ночь.
И где ж **молодцу** ночевать будет?
(Киреевский, № 1639)⁴.

Болит **моя** головушка,
Не знаю, как быть.
Вечёр **добрый молодец**
У девушки был;
Сказала мне девушка
Весть нерадостну...
(Киреевский, № 1912).

⁴Примеры песенных текстов приводятся из цитируемой статьи Е.Б. Артеменко [Артеменко 1988а].

В этих примерах прослеживается связь с обособленными приложениями, относящимися к личному местоимению (*я, молодец; мне, молодцу*). Но в песнях есть примеры, где наряду с местоимениями 1-го лица употребляются не только существительные, но и местоимение 3-го лица – «он», появление которого никак не связано с приложениями, а однозначно свидетельствует о переключении грамматического режима. Ср.:

Не былинушка во чистом поле зашаталася –
Зашатался **я**, загулялся, добрый молодец,
На своем ли **я** на добром коне богатырским,
Я на войлочке на бумажном,
На седеличке на черкаском.
Ах, подъехал добрый молодец ко синю морю,
Закричал **он** громким голосом:
«Еще есть ли у нас на синем море перевозчики?
Перевезите меня, доброго молодца, на свою сторону,
На свою сторонушку, на святую Русь,
Схороните меня, доброго молодца, между трех дорог,
Промеж Питерской, Московской, третьей Киевской!»
(К. – Яз., № 159).

Таким образом, в песне происходит параллельная репрезентация персонажа формами 1-го и 3-го лица, и это, по мнению Е.Б. Артеменко, объясняется особенностями народной лирики. Песенный лирический герой («*молодец*») лишен конкретной референции: это обобщенный выразитель чувств, переживаний и чаяний народа. То же самое можно сказать о «*Я*» в песне – это обобщенный лирический образ, функционально идентичный лирическому герою, чем и объясняется их отождествление и совмещение соотносимых с ними личных форм. При этом проникновение форм 1-го лица в третьеличный контекст создает эффект присутствия исполнителя [Артеменко 1998б]. Впрочем, не исключено (правда, Е.Б. Артеменко полемизирует с этим тезисом), что это феномен, обусловленный устным бытованием текста – когда исполнитель утрачивает ощущение плана изложения (от 1-го или от 3-го лица) и происходит чередование этих режимов.

Различие дейктической организации песенных текстов и текстов устной прозы, как представляется, состоит в причинной обусловленности совмещения форм 1-го и 3-го лица по отношению к одному референту: если в лирической песне прием имеет эстетическую направленность, то в устных нарративах – коммуникативную. Кроме того, в лирической песне скорее первичны формы 1-го лица,

поскольку изначально для исполнителя свойственно самоотожествление с лирическим героем, а потом появляется внешний взгляд (взгляд наблюдателя) на лирического героя и, как следствие, переход на 3-е лицо персонажа. В мифологических рассказах скорее процесс обратный: говорящему присущ сначала внешний взгляд на персонажа (и соответственно формы 1-го лица в тексте соотносятся с самим говорящим), а затем, по ходу изложения, происходит вхождение в роль участника события и самоотожествление говорящего с позицией персонажа – появляется изложение от 1-го лица персонажа.

Подведем итоги.

Даже беглый взгляд на особенности референции форм 1-го лица в фольклорных текстах разных жанров свидетельствует о том, что фигура наблюдателя, являющаяся предметом анализа в нарратологических исследованиях литературных текстов, присутствует и в текстах устной словесности.

Особенно актуальна позиция наблюдателя для жанров с модальностью достоверности (ср. мифологические рассказы, заговоры). Однако анализ грамматического уровня лирических песен свидетельствует о «проникновении» исполнителя в текст и, следовательно, о возможности говорить о позиции наблюдателя и в жанрах с установкой на художественную условность.

Языковым средством, специализированным для выражения позиции наблюдателя в фольклорных текстах, выступают грамматические перволичные формы, и это неслучайно. Именно говорящий является субъектом речи, восприятия, наблюдения и дейксиса в устной речи, в условиях устного диалогического общения [Падучева 1996, с. 281], а значит, формы 1-го лица для наблюдателя первичны, изначальноны – так устроена устная речь, в этих формах находит свое выражение позиция наблюдателя и в фольклорном тексте. Субъект наблюдения может меняться в ходе разворачивания текста, при этом выражение позиции наблюдателя формами 1-го лица осуществляется на протяжении всего текста, и это становится возможным благодаря рассмотренной особенности – переключению грамматических режимов.

Очевидно, что дальнейшая разработка нарратологической проблематики в применении к фольклорному тексту должна строиться с учетом специфики устной речи и особенностей коммуникативной ситуации экспликации текста.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Мифо-ритуальные и дискурсивные практики в контексте живых традиций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The research has been fulfilled within the project of Russian State University for the Humanities “Mythological-ritual and discursive practices in the context of living traditions” (competition “Project research teams of the RSUH”).

Литература

- Адоньева 2004 – *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: СПбГУ; Амфора, 2004. 309 с.
- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 1995. 767 с.
- Артеменко 1988а – *Артеменко Е.Б.* Взаимодействие планов изложения от 1-го и 3-го лица в русской народной лирике и его художественные функции // Язык русского фольклора. Петрозаводск: ПГУ, 1988. С. 25–33.
- Артеменко 1988б – *Артеменко Е.Б.* Диалектика форм изложения от 1-го и 3-го лица в русской народной лирической песне // Структура и семантика текста. Воронеж: ВГУ, 1988. С. 130–138.
- Артеменко 1994 – *Артеменко Е.Б.* «Образ автора» как структурообразующий фактор фольклорного текста // Исследования по лингвофольклористике. Вып. 3. Курск: КГПИ, 1994. С. 3–5.
- Артеменко 1998 – *Артеменко Е.Б.* К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре: На материале былинного эпоса // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1998. № 11. С. 186–195.
- Веселова 2003 – *Веселова И.С.* Прагматика устного рассказа // Современный городской фольклор / Под ред. А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 234–244.
- Веселова, Степанов 2019 – *Веселова И.С., Степанов А.В.* Опыт по ролям: перципиент, конфидент и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.
- Виноградов 1936 – *Виноградов В.В.* Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В.В. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 74–147.

- Женетт 1998 – *Женетт Ж.* Фигуры: В 2 т. / Пер. с фр. Е. Васильевой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. 472 с.; Т. 2. 469 с.
- Зализняк 2016 – *Зализняк А.А.* Заметки к лингвистической теории нарратива // Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2016. С. 8–24.
- Левкиевская 2006 – *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10: Семантика и прагматика текста / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.
- Левкиевская 2008 – *Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / Сост. А.С. Архипова, М.А. Гистер, А.В. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.
- Мигунова 2002 – *Мигунова Е.А.* К вопросу о функции мифологического рассказа // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Наталии Михайловны Герасимовой / Сост. А.Г. Бобров, И.Ф. Данилова, Е.Л. Мадлевская, Е.В. Хворостьянова. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 243–252.
- Новик 2012 – *Новик Е.С.* Способы засвидетельствования и типы повествователя в архаическом фольклоре народов Сибири // Russian Literature. 2012. Т. 71. № 3–4. С. 401–419.
- Падучева 1995 – *Падучева Е.В.* В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 39–48.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.
- Падучева 2018 – *Падучева Е.В.* Эгоцентрические единицы языка. М.: Языки славянской культуры, 2018. 439 с.
- Померанцева 1968 – *Померанцева Э.В.* Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968): Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 274–292.
- Померанцева 1985 – *Померанцева Э.В.* Русская устная проза. М.: Просвещение, 1985. 272 с.
- Толстая 2017 – *Толстая С.М.* Коммуникативная структура фольклорного текста (колядка, заговор, пословица) // Текст в языке, речи, культуре: Сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. Минск: РИВШ, 2017. С. 174–183.
- Успенский 1970 – *Успенский Б.А.* Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 256 с.
- Черванёва 2017 – *Черванёва В.А.* Границы достоверности мифологического рассказа: *делал – видел – слышал – был* // Русская речь. 2017. № 5. С. 112–117.
- Черванёва 2019а – *Черванёва В.А.* Типы рассказчика в мифологическом нарративе // III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. ст.: В 5 т. Т. 4: Российская фольклористика в XXI в.: перспективы развития / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М.:

Государственный российский дом народного творчества имени В.Д. Поленова, 2019. С. 12–22.

Черванёва 2019б – *Черванёва В.А.* Дейксис устных мифологических нарративов: о чем говорят формы первого лица? // Шаги/Steps. 2019. Т. 5. № 2. С. 36–52.
Шмид 2003 – *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

References

- Adon'eva, S.B. (2004), *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore], Saint Petersburg State University; Amfora, St. Petersburg, Russia.
- Apresyan, Yu.D. (1995), *Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works, vol. 2. Integral description of the language and systemic lexicography], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Artemenko, E.B. (1988), "Interaction of plans of presentation from the 1st and 3rd person in Russian folk lyrics and its artistic functions", in Tarlanov, Z.K. (ed.), *Yazyk russkogo fol'klora* [The language of Russian folklore], Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, USSR, pp. 25–33.
- Artemenko, E.B. (1988), "Dialectics of presentation forms from the 1st and the 3rd person in the Russian folk lyric song", in Chernukhina, I.Ya. (ed.), *Struktura i semantika teksta* [Structure and semantics of the text], Voronezh State University, Voronezh, USSR, pp. 130–138.
- Artemenko, E.B. (1994), " 'The image of the author' as a structure factor of the folklore text", in Khrolenko, A.T. (ed.), *Issledovaniya po lingvofol'kloristike. Vyp. 3* [Research on folklore language, vol. 3], Kursk State Pedagogical Institute, Kursk, Russia.
- Artemenko, E.B. (1998), "On the problem of the narrator and his verbal representation in folklore. On a material of the epos", *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniya i iazykoznaniiya*, vol. 11, pp. 186–195.
- Chervaneva, V.A. (2017), "Veracity limits of oral mythological narratives: done – seen – heard – happened", *Russkaya rech'*, vol. 5, pp. 112–117.
- Chervaneva, V.A. (2019), "Types of storyteller in mythological narrative", in Dobrovolskaya, V.E. and Ippolitova, A.B. (comp.), *3 Vserossiiskii kongress fol'kloristov (Moskva, 3–7 fevralya 2014 g.): Sb. nauch. st. V 5 t. T. 4: Rossiiskaya fol'kloristika v XXI veke. Perspektivy razvitiya* [3rd All-Russian Congress of Folklorists (Moscow, February 3–7, 2014): collection of scientific articles, in 5 volumes, vol. 4: Russian folklore in the 21st century. Development prospects], State Russian House of Folk Art named after V.D. Polenov, Moscow, Russia, pp. 12–22.
- Chervaneva, V.A. (2019), "Deixis of oral mythological narratives: what are first person forms talking about?", *Shagi/Steps*, vol. 5, no. 2, pp. 36–52.
- Levkievskaiya, E.E. (2006), "Pragmatics of the mythological text", in Tolstaia, S.M. (ed.), *Slavianskii i balkanski fol'klor, Vyp. 10: Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan folklore, vol. 10. Semantics and pragmatics of the text], Indrik, Moscow, Russia, pp. 150–214.

- Levkievskaya, E.E. (2008), “Bylichka as a speech genre”, in Arkhipova, A.S., Gister, M.A. and Koz'min, A.V. (eds.), *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnyia: Sbornik statei v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deyatel'nosti* [Bricks: folkloristics and cultural anthropology today. Digest of articles in honor of the 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his scientific activity], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 341–363.
- Migunova, E.A. (2002), “On the question of the function of a mythological story”, in Bobrov, A.G., Danilova, I.F., Madlevskaia, E.L. and Khvorost'ianova, E.V. (eds.), *Traditsionnye modeli v fol'klоре, literature, iskusstve: v chest' Natalii Mikhailovny Gerasimovoi* [Traditional models in folklore, literature, art. In honor of Natalia Mikhailovna Gerasimova], Evropeiskii Dom, St. Petersburg, Russia, pp. 243–252.
- Novik, E.S. (2012), “Modes of evidentiality and types of narrators in the archaic folklore of peoples of Siberia”, *Russian Literature*, vol. 71, no. 3–4, pp. 401–419.
- Paducheva, E.V. (1995), “V.V. Vinogradov and science of language of literary prose”, *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, vol. 54, no. 3, pp. 39–48.
- Paducheva, E.V. (1996), *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa* [Semantic research. Semantics of time and aspect in the Russian language. Semantics of narrative], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Paducheva, E.V. (2018), *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric units of language], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Pomerantseva, E.V. (1968), “Genre features of Russian belief legends”, in Khrenov, I.A. (ed.), *Istoriya, kul'tura, fol'klор i etnografiya slavyanskikh narodov. 6 Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Praga, 1968). Doklady sovetskoi delegatsii* [History, culture, folklore and ethnography of Slavic peoples. 6th International Congress of Slavists (Prague, 1968). Reports of the Soviet delegation], Nauka, Moscow, USSR, pp. 274–292.
- Pomerantseva, E.V. (1985), *Russkaya ustnaya proza* [Russian oral prose], Prosveshchenie, Moscow, USSR.
- Shmid, V. (2003), *Narratologiya* [Narratology], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Tolstaya, S.M. (2017), “Communicative structure of folklore text (kolyadka, spell, proverb)”, in Tsykhun, G.A. and Zadornaya, E.G. (rev.), *Tekst v yazyke, rechi, kul'ture* [Text in language, speech, culture], RIVSh, Minsk, Belarus, pp. 174–183.
- Uspenskii, B.A. (1970), *Poetika kompozitsii. Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoi formy* [Poetics of composition. The structure of a literary text and the typology of composition form], Iskusstvo, Moscow, USSR.
- Veselova, I.S. (2003), “Pragmatics of oral story”, in Belousov, A.F., Veselova, I.S. and Neklyudov, S.Yu. (eds.), *Sovremennyi gorodskoi fol'klор* [Contemporary urban folklore], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 234–244.
- Veselova, I.S. and Stepanov, A.V. (2019), “Experience by roles. Percipient, confidant and others (communicative foundations of the composition of mythological narratives

- of the Russian North”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, vol. 4, pp. 10–24.
- Vinogradov, V.V. (1936), “Style of ‘The Queen of Spades’”, in Vinogradov, V.V., *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii AN SSSR. Institut literatury* [Pushkin. Proceedings of the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences. Institute of Literature], Academy of Sciences of the USSR, Moscow; Leningrad, USSR, pp. 74–147.
- Zaliznyak, A.A. (2016), “Notes on the linguistic theory of narrative”, in Arutyunova, N.D. (ed.), *Logicheskii analiz yazyka. Informatsionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epokh* [Logical analysis of language. Information structure of texts of different genres and eras], Gnozis, Moscow, Russia, pp. 8–24.
- Zhennet, Zh. (1998), *Figury* [Figures], vol. 1–2, Publishing House Named after Sabashnikovs, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Устные тексты и практики XX в.

УДК 82-133

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-216-235

Эмоциональный канон праздника в постсоветской деревне

Александра А. Поспелова

*Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия,
apospelowa@gmail.com*

Аннотация. Исследование посвящено празднику День деревни, существующему на территории Архангельской области с 1990-х гг. Коллекция праздничных сценариев в разных деревнях свидетельствует о типовой структуре и содержании праздников вне зависимости от места проведения и организаторов. В ходе исследования проанализировано 12 сценариев праздника деревни Белошелье (Лешуконский район), включающих в себя большой массив текстов наивной литературы. Данные тексты попадали к составителям сценария в основном из газет. На примере отдельных стихотворений в статье рассматриваются способы создания образа деревни, принципы указания авторства произведений наивного сочинительства. Выдвигается гипотеза, что сам выбор вертикальной формы записи диктует авторам наивной литературы особый способ осмысления действительности – лирический. Именно это оказывается востребованным для составителей сценария. Стихотворные тексты создают риторическую рамку праздничного дискурса, которая в свою очередь задает механизмы восприятия истории деревни и ее настоящего, предлагаемого слушателям со сцены. Анализ сценариев деревни Белошелье и расшифровки праздничного концерта в деревне Езевец (Мезенский район) в 2018 г. показал, что существуют два способа формульного выражения почтения к своей деревни: *поклон* и *хвала*. В рамках праздничного дискурса деревня и ее жители предстают в образе героев, обладают исключительностью, высокой культурой. Таким образом, тексты наивной литературы, включенные в сценарий, не только заявляют об уникальности каждой деревни, но и предлагают ограниченный набор способов отреагировать на этот факт эмоционально.

Ключевые слова: наивная литература, День деревни, праздник, Русский Север, сценарий, публичный дискурс

Для цитирования: Поспелова А.А. Эмоциональный канон праздника в постсоветской деревне // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 216–235. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-216-235

© Поспелова А.А., 2022

The emotional canon of holiday in post-Soviet village

Alexandra A. Pospelova

*Independent researcher, Saint Petersburg, Russia,
apospelova@gmail.com*

Abstract. The research concentrates on the celebration of The Village Day, which exists in Archangelskaya oblast' since 1990. Analysis of the scenarios of this holiday from different villages indicates that they have typical structure and contents regardless of the place, or the organizers. The researcher analyzed 12 scenarios of the celebration from the Beloschel'e village (Leshuconian district); these scenarios include large amount of naive literature texts, which organizers took from the papers. The article shows how the image of the village is created, what are the principles of authorship in naive literature using examples of mentioned scenarios. The author of the article assumes that the choice of the vertical writing dictates lyrical way of comprehension of the world to the authors of naive literature. This way of comprehension appears to be the factor, which attracts the scriptwriters of the holiday.

The verses create rhetorical framework of holiday discourse, and this framework sets mechanisms of perception for both the past and the present of the village (or versions of them, which are translated by the scriptwriters. Analysis of the scripts and the holiday itself (it was recorded in 2018) indicates two ways of verbal reverence to the village: bow and praise. In the frame of the holiday discourse, the village itself and its inhabitants are represented as heroes: they are exceptional, highly cultured. Thus naive literature texts, which are included in the scenario, suggest not only the exceptionality of the village, but also the limited set of ways of emotional reaction to that fact.

Keywords: naive literature, Village Day, holiday, Russian North, scenario, public discourse

For citation: Pospelova, A.A. (2022), "The emotional canon of holiday in post-Soviet village", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 2, pp. 216–235, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-216-235

Праздник День деревни появился на территории Архангельской области во второй половине 1990-х гг. Само название праздника подталкивает исследователя сопоставить его с Днем города. Как пишет Е.А. Мельникова, «интерес к малой родине оживился в 1960-е гг. В это время появились народные и общественные музеи, заработали школьные краеведческие кружки. И только во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. наряду с активным националь-

ным движением возникло движение региональное»¹, и празднование Дня города распространилось по России за конец 1980 – начало 1990-х гг. Таким образом, День деревни поддерживает тенденцию регионализации. Безусловно, так же, как и о Дне города, о новом деревенском празднике можно сказать, что «это праздник локальной солидарности, существующий и востребованный для того, чтобы <...> сообщество могло увидеть и почувствовать себя единым целым. <...> Мы приходим <...> как зрители, чтобы в который раз увидеть официальную картину того, чем являемся»². Однако именно опыт участия в городском массовом празднике позволяет увидеть, что День деревни сильно отличается от привычных для горожан праздничных мероприятий. Очень часто, делаясь впечатлениями после праздника, мои коллеги по экспедиции говорили, что испытывали некоторое чувство неловкости.

Праздник День деревни может длиться от одного до трех дней, в зависимости от желаний и возможностей организаторов. В деревне Езевец (Мезенский район) День деревни отмечался только два раза (2016, 2018) и продолжался день. В деревне Родома (Лешуконский район) в 2014 г. праздник был разделен на два дня, причем идущих не подряд. Один день (9 июля) организаторы предложили посвятить походу в часовню в честь праздника Владимирской иконы Богородицы. В другой день (16 июля) был торжественный концерт и застолье после него. Наиболее масштабно День деревни праздновался в деревне Белошелье. В 1998 г. он начинался с одного дня, разросся до трех в 2007-м и снова сократился уже до двух в 2012-м.

Праздник День деревни может состоять из следующих частей:

1. Посещение кладбища, часовни или другого святого места/ мемориала.
2. Торжественное открытие обелиска/клуба/музея и т. п.
3. Митинг у обелиска или на кладбище.
4. Торжественный концерт в клубе или на улице в центре деревни.
5. Застолье (в том числе с играми, песнями и танцами).
6. Дискотека.

В данной статье я остановлюсь на дискурсивной составляющей праздника – на его сценарии.

Специфика праздников в описываемых деревнях отражается лишь в некоторых подробностях сценария, касающихся фактиче-

¹Мельникова Е. День города: изобретенная традиция и праздник локальной солидарности // Эксперт. 27 мая 2017. URL: <http://expert.ru/northwest/2013/21/otkuda-est-poshlo/> (дата обращения 2 января 2022).

²Там же.

ской информации о деревне. Общая же структура праздничных сценариев всегда одинакова. В качестве примера я буду использовать 12 праздничных сценариев с 1998 по 2012 г. из деревни Белошцелье (Лешуконский район), которые хранятся в личном архиве их составителя (СГН, ж., 1950 г. р., Нарьян-Мар).

Важно отметить, что в архиве СГН хранится как сценарий (с выстроенной последовательностью праздника и распределением слов между исполнителями), так и черновые выписки к сценарию. Часто стихотворения и песни, которые включаются в праздничный текст, вынесены за рамки самого сценария и приведены только в дополнительном «материале» (это слово использовала в беседах с собирателями сама СГН), то есть в приложении к сценарию.

Все рассматриваемые мной сценарии праздника схожи по своему составу, но очень неоднородны. Канон праздника формировался постепенно. Но уже сценарий 1998 г. отражает основные тенденции праздничного канона и включает следующие элементы:

- Речь ведущих:

1. Историческая справка (по книге А.В. Новикова «Лешуконье»).
2. Статистические и документальные справки о деревне, списки имен.

3. Поздравительные обращения, тосты.

4. Правила игр и конкурсов.

5. Стихотворные приветствия ведущих.

6. Напутствия и пожелания ведущих.

- Речь исполнителей:

1. Тексты песен хора.

2. Сценки.

3. Стихотворения «на случай».

Обязательной частью белошцельского праздничного сценария является историческая справка о деревне. Она зачитывается ведущими со сцены и представляет собой выдержки из книги краеведа А.В. Новикова «Лешуконье». По словам ШЛГ (ж., 1953 г. р., Конешелье), художественного руководителя местного хора «Рябинушка», Белошцелье была одной из первых деревень Лешуконского района, которая начала проводить праздник День деревни, а сама идея о его необходимости возникла после выхода книги А.В. Новикова. Благодаря этой книге стали известны годы основания деревень Лешуконского района. Таким образом, праздник приурочивается ко «дню рождения» деревни.

Историко-биографическая часть становится содержательным ядром сценария. Справка об истории Белошцелья представляет собой безличное повествование и прямое цитирование книги Новикова (хронологические справки, выписки из исторических документов

и т. д.) и отражает этапы развития деревни: прирост и убыль населения, основные промыслы, поголовье скота и надой в колхозе, число жителей, участвовавших в Великой Отечественной войне и т. п. Точность задокументированных фактов свойственна определенному функциональному стилю. Если пользоваться критериями стилистики, то функциональный стиль этой части сценария можно определить как официально-деловой³. Интересно, что староста Езевца, впервые организовавший День деревни в 2016 г., назвал свое выступление на празднике *докладом*, прямо указывая ориентацию на устную форму административно-канцелярского языка. Праздник, противопоставляемый будням и работе, оказывается площадкой, где звучит речь канцелярии. Наполнение речи числительными и канцеляризмами является одним из способов остранения – рассказать о деревне, знакомой всем участникам праздника, так, как если бы на нее смотрел посторонний человек. Такое остраненное описание деревни в некоторых сценариях дополняется фрагментами биографий ее жителей или историями рода. Также в течение концерта жителей приглашают на сцену, чтобы «прославить» по какому-либо поводу: в честь годовщины свадьбы, юбилея, как старейшего или самого юного жителя деревни, за многодетность и др.

В отличие от исторических и статистических справок, тексты других жанров (приветствия ведущих, стихотворные поздравления и напутствия, песни хора и стихотворения «на случай») выполняют функцию не содержательного, а риторически-эмоционального оформления праздника или функцию связки разных фрагментов всего сценария. Такие стихотворные или прозаические фрагменты предлагают выразить свое отношение к объекту говорения – деревне.

(1)

Наверное, все в деревне мечтают,
Я же вот что увидел во сне.
Мне приснилась река, серебром вся мерцающая,
И красивые рыбки сверкали на дне.
А когда я увидел деревню мою,
То понял, что так никого не люблю <...>
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 1)⁴.

³Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2006. С. 276, 581–583.

⁴Здесь и далее приводятся тексты из собрания сценариев деревни Белошелья, попавшие в фольклорный архив (Лешуконское собрание) в 2016 г. Нумерация листов рукописи наша. – А. П. Орфография составителей сценариев сохранена.

(2)
Еще же Лешуконие
Красой своею славится.
Спокойствием и радостью
Людей одарит всех.
Так будем прославлять ее!
И миру представлять ее,
Чтоб знали все, что есть еще
Рай Божий на земле!
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 4)

(3) Заключение праздника
Заглянули в старину мы
Может быть не до конца.
Праздник наш старинный
Всем затронул нам сердца.
Всех не спеть частушек, песен
Добрых слов не всех сказать
Белошельский край наш чудесный
Как и вся Россия – мать!
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 7)

(4) Сегодня мы заглянули в далекое прошлое нашего народа, увидели как поистине талантливы были русские люди. Каких только песен, сказок, преданий, былин, пословиц не создавали они. Радости и печали, надежды и ожидания, мечты о счастье – все отразилось в творчестве наших далеких предков. Опыт жизни наших предков помогает нам создать будущее, делает нас богаче и красивее. Не зря говорят «Земля, завещенная предками, очень богата» (ФА СПбГУ Леш-16, л. 24).

Заведующая белошельским клубом и главный организатор праздников с 2011 г. говорила в интервью о выборе песен и стихотворений:

Вот и подбирали материал, как говорится, где-то стихотворение, например, если он охотник там, рыбак-охотник, значит, стихотворение про него. Если хозяйство есть у нас, значит, у нас, значит, берем уже дом, масло и сливки – и вот это стихотворение у меня тоже было, всё у себя вот. <...> Где старинные песни пели, когда если знаем, что они любили эту песню там, старинную. Потому мы старались посвятить им, что песню им, какую знали, песня какая нравится. Старались тоже где-то сценку поставить.

Стихотворения и песни действительно иллюстрируют историко-биографическую часть сценария, если, конечно, они не

посвящены Великой Отечественной войне, деревне вообще и переживаниям за ее судьбу. В тексте сценария можно найти стихотворения, посвященные людям различных профессий и занятий: учителям, трактористам, рыболовам, дачникам и т. д. Тексты большинства стихотворений, как замечала в беседах с нами СГН, главный составитель сценария, в основном были взяты из газет, вырезки из них иногда встречались и в ее собрании сценариев. Такие тексты можно отнести к тому, что называют «наивной литературой» или «наивным сочинительством».

Выделение наивной литературы в отдельный тип письма часто делается через противопоставление литературе, принимаемой за образец, то есть ненаивной, качественной, и в оппозиции фольклорным текстам. Говоря о специфике наивной литературы, Н.Н. Козлова и И.И. Сандомирская [Козлова, Сандомирская 1996, с. 39] отмечают, что, как правило, «высокая культура – культура универсальная, т. е. все то, что не является этноспецифическим. Фольклор же – то, что не является высокой культурой, но в то же время, несомненно, присутствует в культуре как элемент целого. Помещение наивного текста в эту дихотомию не предусмотрено. Ему нет места. Интерес к “наивному письму” – симптоматика отхода от советской культуры». При спорности множества выдвинутых и обсуждаемых критериев, один по-прежнему остается действующим. Если «человек говорит от себя, но *не своим языком*» [Козлова, Сандомирская 1996, с. 18], по всей видимости, перед нами текст «наивной литературы». М.Л. Лурье [Лурье 2001, с. 23] писал о специфической амбициозности авторов «наивной литературы»: «как значимое и ценное осознается обычно не художественное совершенство произведения, а исключительность своего содержания, и автор видит свою заслугу именно в том, что “дones” это содержание до других людей – односельчан, потомков, потенциальных читателей». При этом «наивные» стихотворения опознаются легче «наивной» прозы. Если основная цель автора текста такого рода – дополнить контекст истории, показать свою правду, тогда возникает вопрос, как с этой целью соотносится стихотворное творчество и зачем оформлять свой «жизненный материал» в стихотворную форму.

В качестве примера я рассмотрю небольшое стихотворение, приведенное в сценарии праздника 2007 г. в деревне Белошцелье.

Не исчезай, мое село –
Твой берег выбрали поляне,
И ты в него, судьбе назло,
Вцепилось своими тополями.

Прижмись стогами на лугу
И не забудь в осенней хмари:
Ты – будто «Слово о полку» –
В одном бесценном экземпляре
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 27)⁵.

Стихотворение завершает сценарий «вечера встречи “Не исчезай, мое село”». В тексте праздничного сценария имя автора не указано, но мы его знаем. Это Николай Федорович Дмитриев⁶ (1953–2005), уроженец села Архангельское Рузского района Московской области, с 1977 г. член Союза писателей. Как замечает С. Неклюдов [Неклюдов 2001, с. 10], «переход “наивного творчества” в фазу “литературной самодеятельности” (вхождение в различные ЛИТО) повышает не только уровень писательской грамотности автора, но и его статус, модифицирует его коммуникативные установки (отношения с реальной или потенциальной аудиторией) и шкалу эстетических ценностей, что влечет за собой и смену литературных ориентиров». Факт помещения его стихотворения в сценарий Дня деревни дает возможность определить творчество Дмитриева в группу письменных текстов особого рода. Несмотря на то что Н.Ф. Дмитриев состоял в институции, признающей его писательскую деятельность, стихотворение можно отнести к области «наивной литературы». Составители сценария не указывают авторство, ставят текст Дмитриева в один ряд с подобными стихотворениями неопределенного авторства, оказавшимися вместе лишь по причине тематического соответствия сценарию праздника: «дело не в том, кто писал, дело в предмете» [Аверинцев 1994, с. 108].

Когда сценарий белощельского праздника только попал к нам в руки, нас – участников экспедиции – поразило несоответствие описываемой в стихотворении действительности с тем, что мы наблюдали в деревне Архангельской области. География распространения этого стихотворения невероятно широка: сибирское село Еремино отмечает 220-летие⁷, Карагайский район (Пермский край)

⁵Текст из сценария, приведенный здесь, несколько отличается от стихотворения с личного сайта автора и других вариантов использования.

⁶Официальный сайт поэта Н.Ф. Дмитриева. URL: <http://nikdmitriev.narod.ru/> (дата обращения 8 октября 2020).

⁷Перкова М. Не исчезай, мое село // На земле троицкой. 10 июля 2015. URL: <https://trogazeta.ru/daty/ne-ischezaj-moe-selo/> (дата обращения 16 января 2022).

отмечает 85-летие⁸, ученица 10-го класса пишет об исчезнувшем селе Кировской области⁹ и т. п. Очевидно, что при выборе стихотворения составители сценария ориентировались вовсе не на историческую достоверность («твой берег выбрали поляне») и не на собственную речь (на Мезени в основном и чаще ставят зароды, чем отдельные стого). Причина выбора стихотворения, по всей видимости, связана не с фактами, а с эмоцией – отношением говорящих к тому, о ком или чем они произносят определенный текст со сцены, – которая в сценарном дискурсе оформляется с помощью риторических средств.

В сценарии белошельского праздника авторы подобных стихотворений указаны довольно редко. Это делается только в том случае, если стихотворение написал уроженец Белошелья или соседних деревень: «Стихотворение “Мама” – Матвеевой из Олемы читает Семенова Анна Арсентьевна» [ФА СПбГУ Леш-16, л. 35], «Песня “Щельванская”. 1. Сочинителем этой песни был местный белошельский крестьянин Семен Борисович Семенов. <...> А вот еще послушайте его стихот. Это стих-ние мы нашли после смерти Чур. Алексея Даниловича» (ФА СПбГУ Леш-16, л. 42). Эти стихотворения, как и все остальные, тематически включены в общий массив сценария. Однако они наделены авторством. Указание автора конкретных стихов подчеркивает значимость истории этой конкретной деревни в контексте большой (в том числе литературной) истории. Тем самым не сам стихотворный текст, а наличие и указание его автора оказывается важнее для его включения в праздничный сценарий. Если исторические справки и хронологические таблицы подчеркивают величественность истории деревни, то обнаружение авторства нескольких текстов свидетельствует о величественности словесной культуры деревни.

Однако по содержанию тексты земляков, т. е. белошёл, никак не отличаются от стихов Н.Ф. Дмитриева и других неуказанных авторов. Как уже отмечалось, несоответствие окружающей действительности и фактам большой истории неважны для включения стихотворения в сценарий – факты проговариваются в другой его части. Стихи же (как и некоторые прозаические приветствия или напутствия ведущих) иллюстрируют эти факты и с помощью

⁸ *Кожевникова С.М.* Литературно-музыкальный вечер «Не исчезай, мое село!» // Первое сентября: Открытый урок. URL: <http://открытыйурок.рф/статьи/568910/> (дата обращения 16 января 2022).

⁹ *Червопкина Е.* Не исчезай, мое село! Эссе-размышление // Алы паруса: Проект для одаренных детей. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2016/07/23/ne-ischezay-moe-selo> (дата обращения 16 января 2022).

риторических средств предлагают коммуникантам праздника эмоционально на них отреагировать. Приведу в пример стихотворение уроженки д. Белощелья Евгении Гавриловой:

Север мой *любимый*,
Милый край родной,
Лес под небом синим,
Склоны над рекой.
Тишиной все дышит,
Счастье и покой,
Точно, как природа,
Раннею весной.
Здесь мы все родились,
Здесь теперь живем,
И о жизни этой
В песнях мы поем.
Как чудесны песни
В милой слободе.
Протяжные, *задушевные* –
Нет таких нигде!
А какие люди
В северном краю
Их, скажу вам честно,
Очень я люблю
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 28).
(Курсив наш. – А. П.)

Далее следует перечисление качеств жителей северного края (добрые, сердечные, красивые, счастливые) и их бытовых занятий (рыбалка, выпас скота, топка печи, заготовка запасов на зиму, выпечка пирогов и т. п.). Уникальность деревни и ее жителей (ср. у Дмитриева: «Не забудь в осенней хмари: / Ты <...> / В одном бесценном экземпляре») подчеркивается с помощью статичных и типичных «психологических» пейзажей и аккумуляции ценности обыденной жизни.

Как уже не раз отмечалось, одним из признаков наивной литературы (помимо некавалифицированности ее авторов) выступает ориентация не на форму, а на содержание. Нужно, однако, уточнить некоторые особенности словесного творчества такого рода в связи с противопоставлением формы и содержания.

Во-первых, в случае со стихотворным творчеством, форма имеет значение. Сам выбор не прозаической, а стихотворной формы свидетельствует о намерении автора а) заявить о себе как о поэте,

то есть литературном деятеле, творце; б) о желании говорить не о «жизненном материале», а об эмоции. «Жизненный материал» в сценарии оформляется официально-деловым стилем, который выбирается составителями в качестве оппозиции разговорно-бытовой речи. Этот стиль переносится из газетных текстов. Художественная речь (по крайней мере, в сценарии Дня деревни) маркируется стихотворной формой и выполняет задачу сформировать отношение аудитории к «материалу». Выбор формы для наивной литературы автоматически совпадает с выбором рода литературы – лирики. Заявляя о своем авторстве, создатель текста хочет войти в контекст литературы, с приемами и образами которой он пытается работать. Творчество поэтов-деревенщиков 1960-х гг. в этой связи дает большое подспорье для современных сочинителей. Так, например, стихотворение Н.М. Рубцова «Зимняя песня» («В этой деревне огни не погашены...») часто исполняется на праздничных застольях. Интересно, что стихотворения С.А. Есенина, близкие по тематике (например, «Край ты мой заброшенный»), не исполняются, возможно, из-за ярко формально выраженного авторства.

Во-вторых, содержание отличается от прозаических излюбленных жанров наивной литературы, поскольку не предлагает конкретных фактов, историй из биографий и других важных мельчайших подробностей жизни деревни. Самая распространенная тематика этих стихотворений – любовь к малой родине. Причем такая любовь часто связана с памятью: за воспоминанием о деревне должно следовать возвращение в нее, то есть участие в празднике – таким образом можно подтвердить свою любовь к ней. Как замечает Лурье [Лурье 2001, с. 28], «концепт памяти вообще занимает ведущие позиции в творческом сознании многих “наивных” авторов». Эта тема не дает возможности обратиться за помощью с формой к лирике традиционного фольклора. В тексте сценария стихотворения часто выступают в качестве иллюстрации, картинки-заставки по конкретному случаю. В таком случае можно говорить об использовании (а не написании) «стихотворений на случай». Существенная часть стихотворений посвящена темам деревни, домам и жизни ее пожилых жителей. В определенном смысле можно сказать, что это стихи «на случай» праздника деревни. Получается, что внимание автора к содержанию своего текста ограничивается только тематикой. Остается непроясненным вопрос, почему в сценарий включается такое количество однотипных стихотворений на одну тему?

Вертикальная организация текста влечет за собой лирическое осмысление мира. То есть содержанием («жизненным материалом») является не окружающий мир, а личные переживания автора, составителя сценария и исполнителя. Нельзя однозначно сказать,

что в таких стихотворных текстах конструируется определенный образ деревни: он получится крайне условным и обобщенным. Обращение к личному переживанию может происходить, как в стихах Е. Гавриловой, через опыт повседневности, причем опять довольно обобщенный. Уникальность деревни и ее жителей, на которой настаивают авторы, становится не фактом, а тем переживанием за свою деревню, которое предлагается разделить зрителям концерта.

Наличие большого числа подобных текстов дает возможность проанализировать механизмы, с помощью которых сообщение о необходимом эмоциональном переживании доносится до слушателей. Нестихотворные комментарии ведущих, которые не относятся к историко-биографическому блоку, заимствуют риторические приемы из стихотворений.

Одним из них становится использование в речи ведущих форм совместного действия и собственно императива.

(1)

Поклонись до земли своей матери
И отцу до земли поклонись,
Мы с тобой в долгу неоплаченном,
Свято помним об этом всю жизнь
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 35).

(2)

Пройдемся по родной деревеньке, как бывало, с песнями, плясками, шутками. Пусть сегодня зазвенит, запоет, запляшет деревня, как встарь (ФА СПбГУ Леш-16, л. 104).

Ни в одном из приведенных примеров глагол не употреблен в прямом значении. В примере (2) ведущие предлагают во время концерта, слушая текст и смотря на фотографии на экране, вспомнить жителей всех домов в деревне. Важно при этом, что сами жители этих домов в момент «прогулки» находятся в зрительском зале клуба. Глаголы «поклонись» и «помним» из примера (1) связаны друг с другом по принципу причины и следствия: «поклонись», потому что «свято помним». И слово *поклониться* вовсе не подразумевает, что слушатели концерта совершат соответствующее телесное действие. Это действие остается исключительно на вербальном уровне. Вопрос заключается в том, что за действие совершает говорящий, употребляющий в своей речи такие слова.

В тексте белошельского сценария встречается 56 лексем, связанных с *поклонением*. Большую роль в указании на семантику каждого отдельного поклона-лексемы играет адресат, которому он направлен.

Национальный корпус русского языка помогает выявить типичных адресатов поклона. Однако сопоставление сценария Дня деревни и поэтического корпуса или подкорпуса наивной поэзии акцентологического корпуса не дает искомого результата: авторы этих текстов работают с художественным словом, используют его как троп. Примечательно при этом, что больше половины словоформ глагола *поклониться* в текстах наивной поэзии стоят в сильных позициях: 84 из 200 в позиции рифмы и 45 в начале строки. В материалах газетного корпуса глагол *поклониться* обычно предполагает в качестве адресата иконы или мощи, могилы (писателей, солдат или предков), людей, которых причисляют к категории героев (спасателей, фоторепортеров в горячих точках, учителей с низкой зарплатой и т. п.). Форма инфинитива чаще встречается в контекстах о покойных или могилах (26 случаев из 100) и о предметах, причисляемых к святыням – в основном иконы и мощи (38 из 100). Если же говорящий «кланяется» в знак благодарности (15 из 100), то он таким образом повышает степень благодарности, а поступок адресата иногда сравнивает с подвигом¹⁰.

Примечательно, что одна треть из всех словоупотреблений личных форм глагола «поклониться» (20 из 62) приходится на контексты, которые отсылают к песне «Поклонимся великим тем годам» (слова В. Львова, музыка А. Пахмутовой – 1983, 1985).

Этот текст предлагает как слушателю, так и исполнителю широкий, но, впрочем, ограниченный набор адресатов поклона. Причем этот поклон предстает в песне в функции императива (в форме совместного действия), что подчеркивается многократным повтором слова. Благодарность всем «мертвым и живым» Великой Отечественной войны, выражаемая в форме вербального поклона, подчеркивает необыкновенно высокий, сакральный, статус адресатов. И в то же время задает определенный способ выражения своего почтения, которое «составляет семантическое ядро поклонов как таковых» [Голубовский 2008, с. 55].

Приведенные примеры иллюстрируют закрытый ряд ситуаций, когда говорящий использует в своей речи глагол *поклониться*. В сценариях Дня деревни он используется в схожих контекстах. Как правило, поклон обращен или к предкам, или к погибшим воинам, также и женщинам, овдовевшим во время войны.

¹⁰ Можно сравнить с контекстами употребления существительного «поклон» в НКРЯ. В ситуации благодарности чаще будет употребляться устойчивое словосочетание «низкий поклон» или «земной поклон». Статус адресата в этом случае также повышается, а причина благодарности становится равной подвигу.

(1)

Чтоб всегда было вам куда приехать с чужой сторонешки, поклониться родному дому и могилам родных и близких (ФА СПбГУ Леш-16, л. 34).

(2)

А сейчас мы хотим просто поклониться своим предкам
И молим их о том, чтобы погода нам благоволила
И чтоб праздник удался (ФА СПбГУ Леш-16, л. 82).

(3)

Склоните голову перед памятью верного сына Родины.
Память о подвиге отцов и дедов должна жить
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 99).

(4)

Победный май опять шумит листвой
И время берedit былые раны –
Поклон вам низкий, наши вдовы
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 48).

(5)

Мы, живущие здесь, приходим сюда каждую весну – 9 мая, чтобы поклониться тем, кто погиб в годы Великой Отечественной войны. Многие из вас приходят сюда 22 июня, чтобы положить к подножию памятника цветы, склонить головы перед памятью павших (ФА СПбГУ Леш-16, л. 43).

Можно предположить, что в праздник День деревни проникает вербальный код [Толстая 2007, с. 23–32] Дня Победы как дня поминовения. Тексты, в которых встречаются поклоны, по большей части являются в сценарии периферийными. Для прямого цитирования Дня Победы выделен отдельный День Памяти. Однако способ восприятия исторического события через поклоны погибшим солдатам переносится и на историю деревни в целом – поклоны обращены ко всем предкам жителей Белошцелья. Наиболее интересны случаи, когда адресатом поклона становится сама деревня.

(6)

Я на миру живу не горбясь
Я для тебя храню поклон
Моя Архангельская область
Лешуконской район
Деревня Белошцелье (*кланяются*)
(ФА СПбГУ Леш-16. л. 28, 40, 82).

Строчка из постоянной песни в репертуаре хора – «Я старой деревне хочу поклониться» – даже выносится в название праздника. Примечательно, что праздник с таким названием проходил в деревне Конещелье, которая перестала существовать в 1960-е гг., в период ликвидации неперспективных деревень. Таким образом, использование глагола *поклониться* по отношению к деревне приравнивает ее к погибшим героям и наделяет особой святостью. Праздник День деревни, который отмечается в честь дня рождения деревни, оказывается сходным с поминовением усопших. Качества героичности и святости, которыми наделяется деревня через такое выражение благодарности и уважения, наполняют поклон дополнительной семантикой поклонения. Поклониться деревне – значит, поклоняться ей, чтить как святыню¹¹.

Такой способ публичного говорения о малой родине конструирует модель эмоционального восприятия ее истории. Причем эта модель создается не только на уровне слов, но и поддерживается телесным действием: ведущие иногда кланяются со сцены. Митинг, где ведущие прочитывают длинные списки погибших на войне, вспоминание того, кто раньше жил в деревне, стихотворения, написанные в ностальгической тональности, и призыв ведущих создать летопись деревни – все это помещает деревню в прошлое. Будущее деревни осмысливается именно через ее прошлое. О деревне остается возможным только вспоминать и поклоняться ей, как погибшему герою.

В этом отношении очень значимо стихотворение, приведенное в тексте сценария 2006 г.:

Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве:
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.
И два горшка на частокле,
И пядь невспаханной земли
Как символ брошенного поля
Давно лежащего в пыли.
И пусть поет в тоске и боли
Непротрезвевший гармонист
О непонятной «русской доле»
Под тихий плач и ветра свист...

¹¹ Об этом см.: *Поспелова А.А. «Я старой деревне хочу поклониться»: семантика поклона на современном деревенском празднике // Материалы XX Открытой конференции студентов-филологов. Санкт-Петербург, 17–21 апреля 2017 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 206–211.*

И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах.
И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках.
Пусть рядом робко станут дети,
Что в деревнях еще растут,
Присядут бабы на скамейку,
И все в них будет как всегда –
И сапоги, телогрейки,
И взгляд потухший – в никуда.
Поставьте памятник деревне
(ФА СПбГУ Леш-16. л. 23)¹².

Воображаемый памятник деревне становится объектом поклонения. Он воплощает в себе ее историю и героическую смерть. Сакрализованная деревня существует лишь на уровне сценарного дискурса – лишь пока о ней говорят. Делая деревню объектом речи (а в речи – объектом поклонения), составители сценария невольно отдают ее от себя. Призывая же зрителей поклониться предкам или деревне, ведущие, напротив, стараются приблизить ее с помощью обращения к воспоминаниям гостей. А призыв вспомнить свою историю оборачивается поклонением памяти деревни. Кроме того, само обращение к истории также становится действием, заслуживающим поклона в знак благодарности: «Низкий поклон и вам за вашу память, за ваше стремление вновь и вновь возвращаться к истокам...» (ФА СПбГУ Леш-16, л. 101).

Таким образом, риторика сценария предполагает переживание исчезновения и умирания деревни. Стихотворениями и песнями с покаянно-поминальной интонацией подкрепляются и высказывания ведущих:

И.О. Еще в 1992 г. в деревне проживало около 100 жителей, была животноводческая ферма. Все это вы помните, да? На которой содержали до 120 голов крупного рогатого скота. Вот жизнь была, да, согласны? А сейчас в вашей деревне постоянно проживает сколько жителей?

<Зрители> Тридцать четыре!

И.О. Примерно. Тридцать четыре жителя! Но, я думаю, она *еще достойна*, да. Для такой удаленной деревни очень даже *неплохо*. Ну что ж... А! Ну, конечно же, как и многие деревни на Севере, Езевец по-

¹² См.: Николай Мельников. URL: <http://www.nmelnikov.ru/> (дата обращения 20 января 2022).

пала в разряд неперспективных. Закрылись все учреждения, наверно, которые здесь были. Клуб, как вы говорили, уже что сгорел. Закрылась школа, закрылась ферма. И люди стали покидать насиженные места и уезжать. Кто в райцентр, кто, наверно, в областные города, да. Но, я думаю, вопреки всему, как мы уже увидели, успели заметить... *Живет и процветает!* Так что *хвала вам, уважаемые езевчане!* (ФА СПбГУ, запись концерта 21.07.2018)

Переживания об угасании деревни, страх утраты малой родины, с одной стороны, вписаны в историческую часть сценария – это заключительный этап истории деревни, с другой стороны, комментарии ведущего риторически оформляют историю и предлагают жителям принять на себя роль героев, которым можно или *поклоняться*, или *петь хвалу*.

Риторическая рамка сценариев в разных деревнях почти не отличается. Различны лишь принятые словесные формулы выражения почтения и уважения. Так, в сценариях Белошелья ведущие призывают «поклониться» героям, труженикам и другим жителям деревни, а в Езевце жителей и саму деревню «славят»:

И по заслугам *славим* мы людей,
Кому село, семья на деле всех важней.
И, конечно же, мы с вами *славим* вашу замечательную деревню
(ФА СПбГУ, запись концерта 21.07.2018).

Можно предположить, что подобная риторика наследуется из советской праздничной обрядности. Так, книга о новых советских обрядах 1970 г. практически начинается со слов: «Особая красота и возвышенность новых праздников и обрядов в том, что они тесно связаны с активной деятельностью человека, с его трудом, *воспевают* радость творчества, *успехи коллектива, прославляют труженика*, окрыляют, зовут людей на *подвиги* (курсив наш. – А. П.)» [Нагирняк, Петрова, Раузен 1970, с. 4]. Героизм как погибших, так и живых становится важным переживанием уже на современном деревенском празднике.

Поскольку сценарий Дня деревни включает в себя большой объем стихотворных текстов, подчеркнута насыщенность эмоционально окрашенными риторическими средствами, можно предположить, что те, кто составляет и представляет сценарий праздника, осуществляют и эмоциональный контроль над дискурсом, что влияет на восприятие праздника его участниками. Стихотворения «наивных» сочинителей, звуча со сцены, создают канон восприятия мира, современного слушателям. Воспеваемая исключительно

ность деревни, в том числе в стихах местных авторов, оказывается под угрозой исчезновения. Возможно, именно поэтому деревня и ее жители внутри сценарного дискурса уподобляются героям.

Сценарий праздника День деревни является публичным выступлением и одним из способов официального описания современной деревни. Он представляет дискурсивную версию того, что можно называть деревней вообще или какой-либо определенной деревней, отмечающей свой праздник. При стороннем наблюдении и чтении сценариев праздника, в которые включены списки награждаемых и поминаемых, складывается впечатление, что деревня существует как группа героев. Жителей деревни называют по фамилии, имени и отчеству, предлагая тем самым официальный тип отношений. Риторика таких сценариев часто помещает деревню в ее прошлое: такой эффект можно объяснить большим историческим блоком, обосновывающим повод празднования. Способ отреагировать на прошлое предлагается в поэтических текстах с помощью риторических средств, с которыми работают наивные сочинители. Проживание в деревне, включающее повседневные практики и коммуникации, и публичная речь о деревне на специально посвященном ей празднике не противоречат, но и не соответствуют друг другу.

Представляется, что анализ риторической рамки и вообще дискурса сценария Дня деревни помогает отрефлексировать и восприятие праздника собирателями. Вероятно, то чувство неловкости, которым делились со мной коллеги, вызвано несовпадением праздничных установок городских жителей и текста, звучащего со сцены. Исходя из своего опыта и речи, мы удивляемся и канцелярскому языку, и поминальной тональности праздника.

Сокращение

ФА СПбГУ – Архив фольклорного кабинета филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Литература

- Аверинцев 1994 – *Аверинцев С.С.* Авторство и авторитет // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 105–125.
- Голубовский 2008 – *Голубовский Д.А.* Семантика поклонов и поцелуев в «Повести временных лет» и Киево-Печерском патерике // Славяноведение. 2008. № 5. С. 50–61.

- Козлова, Сандомирская 1996 – *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* «Я так хочу назвать кино»: «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис: Русское феноменологическое общество, 1996. 255 с.
- Лурье 2001 – *Лурье М.Л.* О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 15–28.
- Нагирняк, Петрова, Раузен 1970 – *Нагирняк Е., Петрова В., Раузен М.* Новые праздники и обряды. М.: Советская Россия, 1970. 246 с.
- Неклюдов 2001 – *Неклюдов С.Ю.* От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 4–14.
- Толстая 2007 – *Толстая С.М.* К понятию культурных кодов // АБ-60: Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина / Под ред. Н.Б. Вахтина, Г.А. Левинтона. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 23–32.

References

- Averintsev, S.S. (1994), “Authorship and authority”, in *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic perception], Nasledie, Moscow, Russia, pp. 105–125.
- Golubovskii, D.A. (2008), “Semantics of bows and kisses in ‘Tale of Bygone Years’ and Kievo-Pecherskii paterik”, *Slavyanovedenie*, no. 5, pp. 50–61.
- Kozlova, N.N. and Sandomirskaya, I.I. (1996), “*Ya tak khochu nazvat’ kino*”. “*Naivnoe pis’mo*”: *opyt lingvo-sotsiologicheskogo chteniya* [“I’d like to call the movie this way”. “Naive writing”: experience of linguo-sociological reading], *Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, Gnozis*, Moscow, Russia.
- Lur’e, M.L. (2001), “About the phenomenon of naive writing”, in “*Naivnaya literatura*”: *issledovaniya i teksty* [Naive literature: researches and texts], *Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond*, Moscow, Russia, pp. 15–28.
- Nagirnyak, E., Petrova, V. and Rauzen, M. (1970), *Novye prazdniki i obryady* [New festivals and rites], *Sovetskaya Rossiya*, Moscow, USSR
- Neklyudov, S.Yu. (2001), “From compiler”, in “*Naivnaya literatura*”: *issledovaniya i teksty*, [“Naive literature”: researches and texts], *Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond*, Moscow, Russia, pp. 4–14.
- Tolstaya, S.M. (2007), “To the concept of cultural codes”, in Vakhtin, N.B. and Levinton, G.A. (eds.), *AB-60. Sbornik statei k 60-letiyu A.K. Baiburina* [AB-60. Collection of articles to the sixtieth anniversary of A.K. Baiburin], *EUSP Press*, Saint Petersburg, Russia, pp. 23–32.

Информация об авторе

Александра А. Поспелова, независимый исследователь, apospelowa@gmail.com

Information about the author

Alexandra A. Pospelova, independent researcher, apospelowa@gmail.com

«Ты будешь хлеб брат, а я буду палкой бить»:
социальные функции нарративов о мародерстве

Сергей В. Белянин

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, robispre10@gmail.com*

Екатерина А. Закревская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zakrevskaya.ea@gmail.com*

Аннотация. С августа 1941 г. по октябрь 1943 г. территория современной Брянской области была оккупирована немецкой армией, а некоторые из местных жителей были вынуждены сотрудничать с оккупационной администрацией. Несмотря на то что в публичном дискурсе эта тема табуирована, нарративы о коллаборационизме и сегодня часто воспроизводятся на бывших оккупированных территориях. В основу этой статьи легли материалы, собранные в июле–августе 2020 г. в экспедиции в Новозыбковский район Брянской области. Мы отметили, что наши собеседники зачастую называют «полицаями» не только реальных пособников оккупантов, но и мародеров, действовавших по собственной воле. В этой статье мы ставим вопрос о том, почему нарративы о «полицаях» и мародерах все еще бытуют на оккупированных территориях, несмотря на отсутствие какой-либо «поддержки» такой памяти, и объясняем этот факт социальными функциями таких рассказов в замкнутом сообществе. Неприемлемость воровства внутри замкнутого сообщества сливается с негативной оценкой коллаборационизма в публичном дискурсе, и унижительное «звание» полиция становится ярлыком для любого человека, нарушающего правила социальной группы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, коллаборационизм, мародерство, оккупация, исследования памяти

Для цитирования: Белянин С.В., Закревская Е.А. «Ты будешь хлеб брат, а я буду палкой бить»: социальные функции нарративов о мародерстве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкзнание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 236–257. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-236-257

© Белянин С.В., Закревская Е.А., 2022

“If you take the bread, I will beat you with a stick”.
Social functions of narratives about looting

Sergei V. Belyanin

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, robispre10@gmail.com*

Ekaterina A. Zakrevskaya

*Russian State University for Humanities, Moscow, Russia,
zakrevskaya.ea@gmail.com*

Abstract. Oryol region (Bryansk region nowadays) was occupied by the German army from August 1941 to October 1943. During this time some of the local people were forced to collaborate with the invaders. Despite the fact that nowadays this topic is a taboo, there are still a lot of stories of collaborationism and looting during the wartime that are often told in the former occupied territories. This article is based on materials collected in July-August 2020 during an expedition to the Novozybkovsky district of the Bryansk region. We noted that our interlocutors often call collaborators not only the real collaborators, but also the looters. In this article, we try to find out why residents of the former occupied territories still talk about collaborators and marauders. This fact might be explained by the social functions of such stories in a closed community. In a closed community looting is unacceptable as well as collaborationism in a public discourse. That makes local people use the name of collaborators as a label for any person who violates the rules of a social group.

Keywords: World War II, collaborators, looting, occupation, memory studies

For citation: Belyanin, S.V. and Zakrevskaya, E.A. (2022), “ ‘If you take the bread, I will beat you with a stick’. Social functions of narratives about looting”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory, Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 2, pp. 236–257, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-236-257

Мне мама приснилася: «Скажи пожалуйста, что ты там делаешь? – Я на том свете охраняю твой хлеб. – Мать, а как ты мой хлеб охраняешь?». Она мне говоре: «У тебе на том свете накрыты стол и полстола хлеба. Приходила соседка наша Татьяна...». Она в войну раскулачивала детей. Приходила, каже, Татьяна и просила хлеба, а я сказала: «Хлеба я тебе не дам – это хлеб не мой, это моей Маланьи хлеб... Хожу, моя доченька, с палкой...». Она и говоре: «Раз не твой хлеб, то я возьму хлеба». А моя мамаша и говорит: «Ты будешь хлеб брать, а я буду палкой бить». <...> Она [Татьяна] при жизни хлеб собирала. Як война была... Як полицейская. Да... Все забирала. У нашей матки был

пуд жита, ржи пуд... А у нас девять детей... У моей семьи, где я выросла девять детей... Батяка ж на войне был... а она пришла, сука, забрала...

Такой сон о соседке-«полицайке» рассказала нам Маланья, жительница деревни Старые Бобовичи, которая находится на западе Брянской области и в 1941–1943 гг. была в оккупации. Нужно отметить, что она была не единственной: многие наши собеседники поднимали тему коллаборационизма. Маланья, как и некоторые другие информанты, родилась сразу после войны, и все, что ей известно об этом времени, она узнала из СМИ или из рассказов родственников. Известно, что коллаборационизм в публичном дискурсе табуирован, а память о нем не имеет институциональной поддержки: рассказы о «предателях» не воспроизводятся публично и не структурируются постоянным повторением на встречах школьников с ветеранами или на праздничных мероприятиях ко Дню Победы. Сложно предположить, что воспоминания о «полицаях» переживут поколение свидетелей войны и тем более что они будут рассказаны малознакомым собирателям, однако именно это произошло в экспедиции в Брянскую область.

Наше исследование проводилось в небольших городах и селах, которые не были индустриальными центрами. Большинство жителей региона занимались сельским хозяйством. Регион сильно пострадал в Гражданскую войну¹. В 1918 г. Новозыбков и Унеча были заняты немецкими интервентами. В 30-е гг. в Брянской области на волне коллективизации случился голод². Эти обстоятельства приучили людей жить в условиях постоянной нехватки необходимых ресурсов.

Пограничное положение и стратегически важное направление на Москву во многом определили судьбу Брянщины в годы войны. В середине августа 1941 г. войска вермахта проводят наступление на Унечу, Стародуб и Новозыбков, и за неделю города оказываются оккупированы немцами. С 1941 по 1943 г. население брянщины жило под контролем оккупационного режима: немцы пришли быстро, и значительная часть населения не успела уйти на фронт или уехать в эвакуацию [Абовян, Дзюбан 2019, с. 50–51; Гавренков 2011, с. 31–32].

¹Брянский край в Гражданской войне (1919–1920 гг.) // Родной Брянск, милая сердцу Брянщина! URL: <http://www.puteshestvie32.ru/content/grazhdanskoj> (дата обращения 15 января 2022).

²Брянщина: Голод 30-х годов // Родной Брянск, милая сердцу Брянщина! URL: <http://www.puteshestvie32.ru/content/golod> (дата обращения 15 января 2022).

В основу статьи легли 70 полуструктурированных интервью с жителями Унечи, Стародуба, Новозыбкова, Злынки, Суража и соседних сел и деревень, при этом в 32 из них наших собеседники говорили о коллаборационистах. Важно отметить, что мы не используем эти рассказы как правдивый и непредвзятый исторический источник. Детально пересказать события, которые произошли 75 лет назад, невозможно: подробности забываются, истории изменяются в процессе многочисленных пересказов и невольного «присвоения» рассказчиком сюжетов из кино, литературы и СМИ. Задача нашей статьи – не установить историческую правду, а объяснить причины популярности рассказов о полициях на бывших оккупированных территориях.

*«Сам ты полицай»:
публичный дискурс
о коллаборационизме*

Впервые понятие «коллаборационизм» появляется в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.: в нем эта форма измены Родине была названа «самым позорным и тяжким преступлением». В качестве наказания за сотрудничество с оккупантами в этом указе вводится заключение на срок от десяти лет или смертная казнь. С освобождением оккупированных территорий Советского Союза эта правовая норма начинает применяться в судебных разбирательствах – например, в Краснодарском и Харьковском процессах 1943 г. Эти суды широко освещались в прессе и были публичными: например, на Краснодарском процессе присутствовало 30 тысяч зрителей. Историк Илья Бортман считает, что большие сроки заключения или унижительная публичная казнь «полицаев», а также широкий резонанс в СМИ были призваны предотвратить повторное сотрудничество с оккупантами, если пограничные территории снова перейдут под их контроль [Bourtman 2008, p. 256–261; Махалова 2020, с. 224].

Илья Эренбург, присутствовавший на суде, отмечал, что большинство подсудимых не были идейными противниками советской власти. Как правило, это был не выбор между идеологическими системами, а преследование личных прагматических интересов [Махалова 2020]. Однако в последующие годы образ «пособников немецко-фашистских захватчиков» сближался с другими «врагами народа». Например, в романе Анатолия Иванова «Тени исчезают в полдень» (1963) с немцами сотрудничают затаившие злость на советский режим «кулаки». Здесь литература следует за судебной

практикой и официальным дискурсом в целом: как отмечает Ирина Махалова, в рамках послевоенных преследований коллаборационистов суды часто старались обнаружить у них «кулацкое» прошлое [Махалова 2020, с. 154–155].

В начале 2000-х гг. в России Великая Отечественная война (ВОВ) приобретает главенствующее значение в национальном гранд-нарративе [Копосов 2011, с. 162–168, Миллер 2012, с. 331–332]. Использование памяти о Победе в политических целях приводит к вымыванию и замалчиванию любых неоднозначных деталей. Единственным допустимым способом рассказа о военных годах становится воспевание героизма и жертвенности советских граждан – сомнения в официальной историографии ВОВ криминализируются³. Единственным легитимным контекстом для упоминания коллаборационизма становятся обвинения в нем идеологических противников внутри страны или граждан соседних государств.

Например, в 2014 г. на фоне военного конфликта на юго-востоке Украины обвинение в сотрудничестве с «немецко-фашистскими захватчиками» превращается в удобный способ стигматизации внешнеполитических противников⁴.

Публичное сочувствие коллаборационистам всякий раз оборачивается скандалом. При этом нужно отметить, что сочувствующие тоже используют предложенную государством модель: коллаборационисты в их нарративах предстают людьми, осознающими свои поступки как политические действия. Меняется только оценка – сотрудничество с нацистами оценивается не как предательство, а как сопротивление советскому режиму.

Осуждение коллаборационизма стало неотделимо от его упоминания даже в академической среде: так, Ирина Махалова отмечает, что до недавнего времени в научных исследованиях анализ деятельности коллаборационистов зачастую подменялся ее моральной оценкой [Махалова 2020, с. 7].

В этой ситуации нас удивляет не только сам факт активного и добровольного воспроизведения нашими информантами историй о «полицаях», но и то, что эти истории оказались построены по модели, существенно отличающейся от доминирующей в публичном дискурсе. Как мы показываем выше, в контексте политических

³ В 2009 г. в России была создана комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В 2014 г. Госдума приняла закон о недопустимости реабилитации нацизма.

⁴ В российских официальных СМИ украинских политиков зачастую называют «бандеровцами».

дебатов и мемориальных войн коллаборационист предстает не просто как предатель Родины, но как человек, осознающий свое предательство и мыслящий его в политических категориях. Для наших информантов более важными оказываются другие сюжеты. Например, Елена (1934 г. р.) рассказала о том, как оккупанты сожгли ее родную деревню, перед тем как отправить население в концлагерь, и упомянула о полицаих:

Этот полицай, нас когда палили [сжигали деревню], они перед этим из своего дома все повытянули [забрали], даже рамы повытянули, на подводы подогнали, все свое побрали.

В медиа коллаборационисты показаны как «идейные» предатели, но для Елены важнее оказывается имущественная сторона вопроса. Как мы покажем далее, из всех форм насилия и эксплуатации, которым коллаборационисты подвергали мирное население, наибольшее количество устойчивых нарративов породили именно воровство и конфискация имущества – именно эту устойчивость и даже популярность мы и собираемся объяснить.

Нарративы о «полицаих» как индикатор ценностных моделей

Историки до сих пор ведут споры о количестве советских граждан, осужденных за коллаборационизм. По подсчетам Сергея Кудряшова и Ванессы Вуазен, общее количество осужденных за коллаборационизм с 1941 по 1954 г. составляет немногим меньше 500 тысяч человек⁵ [Kudryashov, Voisin 2008, p. 268]. «Полицаи» выполняли различные функции. Это могли быть как «технические» обязанности, такие как работа надзирателя в гестапо или концлагере, так и более ответственные административные должности старосты или бургомистра. Изредка они могли принимать участие в расстрелах мирных жителей. Основным занятием «полицаев» была конфискация продовольствия и вещей для нужд немецкой армии [Махалова 2020, с. 29–30, Дин 2008].

Почти безграничная власть «полицаев» над соседями часто перерастала в разнообразные формы эксплуатации и унижения.

⁵ По их подсчетам, только по статье 58-1 «а» за период с 1941 по 1954 гг. было осуждено 333 108 человек, а по декрету от 19 апреля 1943 г. – еще 36 065 человек.

Они не ограничивались выполнением приказов и часто использовали сложившееся положение в своих интересах. Такие истории сохранились и в памяти наших собеседников. Например, Елена (1934 г. р.) рассказала о полицее, который принуждал односельчан кормить свою мать:

У нее был сын, он пошел в полицаи, а она стала это... Барыней.
<...> Что он делал, соберет девчат – идите мойте или идите наварите.
Ей. Или она придет к тебе, день будет сидеть – корми ее.

При этом случалось, что «полицаям» удавалось избежать наказания. 19 апреля 1943 г. в Указе Президиума Верховного Совета СССР пособничество немецко-фашистским захватчикам было выделено как отдельное преступление⁶ [Махалова 2020, с. 222–224], и после принятия этого указа в судебной практике коллаборационизм стал наказываться заключением в лагеря или смертной казнью. Однако преследовались в основном участие в убийствах мирного населения и деятельность, направленная против партизан; более мелкие проступки (например, такие, как описанный выше) расследовали ситуативно [Махалова 2020; Bourtman 2008].

В условиях кризиса снабжения и постоянных конфискаций имущества на нужды оккупационной администрации население оказалось на грани голода и дефицита элементарных бытовых вещей. Для описания ситуации, сложившейся на оккупированных территориях в это время, можно использовать термин Лоренса Лангера «выбор без выбора»⁷. В это время у людей зачастую не было возможности совершать этический выбор: вынос товаров из ставшего бесхозным магазина или присвоение вещей соседа часто оказывались единственной возможностью выжить [Exeler 2016, pp. 809–812].

Расследованием таких «имущественных» преступлений занималась Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК), учрежденная в 1942 г. В задачи комиссии входил централизованный учет человеческих потерь и материального ущерба на оккупированных территориях. Однако существование ЧГК не гарантировало привлечения мародеров к ответственности: зачастую жертвы были деморализованы произошедшим и не обращались в правоохрани-

⁶ До 1943 г. коллаборационизм квалифицировался как измена Родине – по 58-й ст. УК РСФСР. В это время такие процессы были закрытыми и находились в ведении военного суда.

⁷ *Lawrence L. The dilemma of choice in the deathcamps // Centerpoint. 1980. Vol. 4. No. 1. P. 222–232.*

тельные органы. Кроме того, под подозрением находились все жители оккупированных территорий, и любое обращение в суд могло обернуться против заявителя [Махалова 2020, с. 235; Exeler 2016, pp. 829–831]. Наказание и «полицаев» (не вовлеченных в насильственные преступления), и мародеров оказалось отсроченным на десятилетия или вовсе не произошло, поэтому случалось, что жертвы выбирали «традиционные» методы восстановления справедливости – например, бойкот или избиение избежавших правосудия «полицаев» [Exeler 2016, pp. 819–822]. Истории о таких практиках рассказываются до сих пор: например, Геннадий (1968 г. р.) рассказывал, что принимал участие в бойкоте «полицая».

На нашей улице жил такой человек. Когда я был маленький, мне бабушка показывала – «ходил». Я не здоровался, я был маленький, принципиально не буду с полицаем здороваться. А я ж не знаю на самом деле, за что он сидел.

Геннадий не может утверждать, что сосед действительно работал на оккупантов, но воспроизводит слухи, известные ему с детства. Рассказы о «полицаях» оказываются устойчивыми и часто приобретают структурированную форму. Спустя несколько поколений они подвергаются фольклоризации: некоторые детали утрачиваются, а сам текст начинает строиться по знакомой рассказчику схеме. Нарратор комбинирует различные сюжеты, создавая сложную историю, как сказитель создает из известных ему блоков эпическое сказание. Это сходство указывает, что устные истории о войне функционируют так же, как тексты традиционного фольклора.

Наиболее важными для жителей Брянщины оказались истории о конфискации имущества «полицаями». При этом наши собеседники обычно называют «полицаями» мародеров, совсем не обязательно работавших на немцев: можно предположить, что воспоминания о распространившемся в военные годы воровстве «срослись» с воспоминаниями о конфискации имущества «полицаями». Популярность таких рассказов можно объяснить с помощью концептуальной рамки, предложенной Джорджем Фостером. Он предлагает метафору, согласно которой ресурсы представляются как пирог, который поровну делится между всеми членами сообщества. Фостер предположил, что в замкнутых сообществах ресурсы мыслятся как конечные и ограниченные: если кому-то достается больше, это значит, что у всех остальных этого блага убавится⁸.

⁸*Foster G.M.* The dyadic contract. A model for social structure of a Mexican peasant village // *Am. Anthropol New Series*. 1961. Vol. 63. No. 6. P. 1175.

Александр Панченко предлагает взглянуть на крестьянские рассказы о Второй мировой войне не как на исторический источник, а как на форму типизации социального опыта и индикатор ценностных моделей, принятых в сообществе [Панченко 2013, с. 126–127].

Таким образом, мы можем рассматривать нарративы о «полицаях» и мародерах как отражение ценностных представлений, характерных для замкнутого аграрного сообщества.

*«Соседское» и ничье:
нарративы о мародерстве
в замкнутом сообществе*

Представления о похищении «общего» блага относятся только к членам сообщества. Так, Анна (1937 г. р.) рассказала о том, как в войну в Злынке «разбирали магазин»:

И еще такая картинка: несут, вот разбирали в магазинах, когда бомбили городок, и там кто что, кто соль, кто что. А я увидела, что одна женщина несла куклу. «Мамочка, а мне такую куклу?» А она говорит: «Где ж я возьму такую куклу?». А тут идет бабушка Дуня и говорит: «Чего ж твоя девочка так плачет? – Да куклу хочет, а где я ее возьму?». Она говорит: «Идемте ко мне». И на Коммунальной улице угловой домик, приходит, достает корзинку, а она принесла к себе домой кукол этих, и вот дает мне – выбирай себе куклу. Это вот кукла где-то до сих пор у меня на чердаке.

«Расхищение социалистической собственности» – присвоение товаров из магазина – Анна не осуждает. Можно предположить, что это связано с тем, что государство не является членом сообщества и магазинные товары оцениваются как «ничейные» – в этой логике их не воруют. Действия соседки Анна оценивает скорее положительно: в этой истории она играет роль милосердного человека, оказавшего помощь матери с ребенком. Таким образом, главной добродетелью становится акт перераспределения доставшихся ей «из ниоткуда» (не украденных у других членов сообщества) благ среди соседей и знакомых.

Елена (1936 г. р.) вспоминает похожую историю о разграблении магазина, но вместо щедрой соседки в ее нарративе появляется немец, который дает хлеб ее брату:

Брат мой рассказывал, тогда же стали грабить магазины... <...> И вот немец один хлеба булку дает ему, и она в мыле, в хозяйственном мыле... Они же разбирали как зря там... Испачкано... Дак он ему объясняет: «Почисти, почисти, мол... Почисти, и можно есть». <...> И вот принес брат и говорит: «Мам, вот хлеба принес».

Брат Елены выступает здесь не в роли вора, а в роли спасителя своей голодающей семьи. С этой историей резко контрастируют воспоминания той же Елены о другом эпизоде мародерства: она вспомнила о соседе, присвоившем вещи расстрелянного немцами прокурора.

Семью прокурора, коммуниста тоже забирали вместе с нами... Туда же на мясокомбинат <в лагерь для оstarбайтеров>. Она <жена прокурора> после войны, мама рассказывала, увидела, как шел человек в пальто ее мужика. Она его думала, что разорвет. <Когда> их забрали, <сосед> шарил же в доме и забрал это пальто, понятно? И вот он шел в этом пальто... Ой, как она уцепилась за него, думали бабы, что она его разорвет...

Один акт мародерства Елена осуждает, а другой оценивает положительно: принципиальную для нее разницу между ними можно объяснить именно с помощью теории ограниченного блага. Во-первых, рачительная соседка и «добрый немец» поделились присвоенным имуществом, совершив акт перераспределения ресурсов. Во-вторых, государственное имущество информантами воспринимается как «ничейное», тогда как присвоение имущества односельчан очевидно кажется им аморальным.

Представления о правильном перераспределении блага внутри сообщества отражаются в рассказе жительницы села Старые Бобовичи Маланьи, которая рассказала о своем участии в распространенном в Брянской области обряде «свеча» [Листова 2008]. Он заключается в том, что жители села приобретают вскладчину икону, и раз в год, в день памяти изображенного на ней святого, переносят ее в другой дом. Перенос сопровождается импровизированной службой и застольем. Важно отметить, что икона может храниться только у тех семей, которые не были замечены в нарушении этических норм сообщества.

Нарушители моральных норм не могут принимать участие в обряде. Другая жительница села Ксения рассказывала нам о «полице» Горькуше, который запомнился в селе тем, что грабил и эксплуатировал соседей:

Горькуша тут был начальником, говорят издевался над народом. Так он в Америку удрал, его род жили тут, в Гутниково. Так он вызывал этого Виктора <племянника>... хотел, чтобы он приехал к нему в Америку. Наверное, хотел показать, где золото зарыто. <Какое золото?> Ну, а то, что людей грабили.

По рассказам Маланьи, после войны Горькуше удалось сбежать за границу. Наши собеседницы объяснили причины благосостояния родственников «полицая» «посылками из Америки». Именно поэтому участие его двоюродной сестры Раюшки в обряде «свеча» осуждается, а ее дары иконе воспринимаются как недопустимые.

Оттуда такие посылки шли, такие платки, такие товары. Когда я Казанскую служила... Приносила эта Раюшка... И каже на товар – это американский... <и> вешала на икону... товар... кусок.

Посылки из Америки воспринимаются как «нечистые», поскольку их отправитель серьезно нарушил моральные правила сообщества: он работал на немцев и грабил соседей. Дар Раюшки, полученный ею от «полицая», считается украденным у всего сообщества, и поэтому не может быть положен на икону в ходе «свечи». Такой дар входит в противоречие со смыслом обряда, который состоит в символическом перераспределении благ внутри сообщества.

Такое осуждение мародерства характерно только для замкнутых сообществ, которые существуют на бывших оккупированных территориях и сегодня. Рассказы о «полицаях» практически не встречаются в крупных городах, находившихся в зоне оккупации, – например в Ростове-на-Дону эти сюжеты практически отсутствуют.

Часто рассказчиками историй об украденном хлебе и пальто выступают горожане в первом поколении, чьи предки на момент войны проживали в расположенных неподалеку от города станицах. При этом лишь немногие из записанных в Ростове нарративов о грабежах имеют привязку к кругу знакомых собеседника. Это значительно отличает их от рассказов жителей небольших городов и деревень Брянщины, которые охотно рассказывают истории о мародерстве, происходившем в родном городе рассказчика, и указывают на конкретных, знакомых ему людей. Причина отличия этих историй заключается в том, что в деревне, несмотря на значительный темп урбанизации, сохранилась социальная структура, характерная для небольших земледельческих сообществ, существующих в состоянии постоянной нехватки ресурсов.

Такие нарративы не только отражают ценностные представления членов сообщества, но и являются удобным способом стигматизировать человека. Именно поэтому несколько поколений спустя обвинения в мародерстве становятся регулятором социальных отношений внутри группы и со временем отрываются от исторических реалий.

*«Дочь полиция»:
операциональное использование
памяти о коллаборационизме*

Старые Бобовичи находятся в нескольких километрах от Новозыбкова. Село оказалось на периферии боевых действий: единственным трагическим эпизодом в его истории стал расстрел небольшой группы партизан и коммунистов. После аварии на Чернобыльской АЭС Старые Бобовичи попали в зону радиационного заражения. Согласно слухам, село должно было быть расселено, но с распадом Советского Союза на его расселение не осталось средств. Авария значительно повлияла на будущее села и состав его населения: радиационное загрязнение стало причиной ликвидации колхоза, где работали большинство жителей. Отсутствие работы вынудило молодежь уезжать в город. Сегодня основные жители Старых Бобовичей – это пенсионеры. Молодые люди не живут в селе постоянно, а приезжают туда на время отпуска или помогают родственникам деньгами. При этом уровень достатка, достигаемый за счет такой помощи, может быть замечен окружающим и зачастую становится поводом для зависти.

Финансовое благополучие соседей в замкнутом сообществе воспринимается как кража и подлежит моральному осуждению. Одной из форм такого осуждения становится обвинение соседей в работе на оккупантов. Александр Панченко отмечает типологическое сходство между нарративами о доносе и традиционными обвинениями в колдовстве. Он использует объяснительную модель колдовства, предложенную Фостером, и утверждает, что крестьяне адаптировали эту модель нарратива к новым историческим реалиям, заменив в них колдуна на доносчика [Панченко 2013, с. 129–130]. Мы предполагаем, что обвинения в коллаборационизме в наши дни имеют такую же прагматику.

Франциска Экселер обращает внимание на возможность использования таких нарративов в прагматических целях. На материале архивных источников, устных интервью, дневников и «писем во власть» она показала, что обвинения в коллаборационизме часто

носят утилитарный характер. Рассказы о сотрудничестве соседей с фашистами используют в случаях, когда необходимо придать вес своим словам, снять с себя или близких ответственность за какой-либо проступок, перенести ее на виновного в более тяжком преступлении, или настроить адресата письма против предполагаемого «полицая» [Exeler 2016, pp. 826–831].

Истории о «полицаях» на бывших оккупированных территориях используются таким же образом и сегодня, при этом табуированность коллаборационизма в публичном дискурсе способствует, а не препятствует их передаче. Именно из-за нее обвинения в сотрудничестве с немцами становятся «клеймом» – удобным способом стигматизировать оппонента.

Для того чтобы лучше понять работу этого механизма, мы предлагаем рассмотреть историю конфликта двух женщин – жительниц Старых Бобовичей – Маланьи и Ксении.

Маланья не рассказала о том, чем занимались ее родственники во время войны, а Ксения утверждала, что ее отец был в партизанском отряде, а мать, бабушка и младшая сестра попали в тюрьму. Несмотря на то что обе женщины родились уже после войны, каждая рассказала несколько историй о том, как в военные годы соседи украли у их семей какое-то имущество. Ксения говорила о разграбленном доме, где не осталось «ни одного окна», а Маланья рассказала о соседке-«полицайке», которая забрала у матери зерно.

Маланья всю жизнь проработала дояркой в колхозе. Предметами гордости для нее являются награды, которые она получила как многодетная мать. Другой повод для гордости – это участие Маланьи и ее родственников в религиозном возрождении села. Семья участвовала в восстановлении храма в Старых Бобовичах, а сама Маланья девять лет «служила икону» – участвовала в уже упомянутом обряде «свеча». Затраты на организацию застолья довольно обременительны для Маланьи. Ее семья живет небогато, дом бедно обставлен и нуждается в ремонте. Основным источником дохода для семьи являются государственные пособия и зарплата сына-дальнбойщика. О тяжелом финансовом положении семьи свидетельствует и рассказ дочери Маланьи о том, что во время карантина ее дети не могли учиться удаленно, потому что в семье нет компьютера.

Полной противоположностью семье Маланьи является семья Ксении. Она отработала больше двадцати лет зоотехником, но вынуждена была уволиться, «не найдя общего языка» с новым председателем колхоза. Однако Ксения не осталась без работы и сразу же получила назначение директором хлебозавода. Эта должность – основной повод для гордости нашей собеседницы. Дом Ксении выде-

ляется в селе свежим фасадом, дверьми как в «городской квартире» и новым металлическим забором. Дом чистый и обставлен «хорошей» мебелью, а веранда украшена «голландскими» цветами в горшках.

Ксения рассказала нам и о своих детях и внуках. Сын работает инженером на Севере, внучка – журналистка в Москве и «постоянно общается с известными советскими актерами». Ксения, в отличие от Маланьи, принимала нас весьма сдержанно – без застолья – и не испытывала заметной радости по случаю визита «московских» гостей. На вопрос о том, плясала ли в годы ее молодости молодежь какие-то танцы, она ответила с явным неудовольствием:

Наше поколение уже хороводы не водило. ... Это не мое. Вальс какой-нибудь или танго <предпочитала танцевать>.

Маланья же, наоборот, показывала гостям знание народных песен и с радостью рассказывала былички о ведьмах и «невидимых людях». Надо отметить, что мы не первые исследователи, побывавшие у нее. Маланья известна своим знанием традиции, поэтому к ней часто направляют «собирателей старины» и фольклористов, а ее рассказы не раз публиковали в сборниках фольклора.

Женщины долгие годы работали вместе в колхозе. Маланья по должности была вынуждена выполнять распоряжения Ксении. В рассказах Ксении чувствовалось пренебрежительное отношение к своим подчиненным. Так, она выражала недовольство тем, что в советское время была вынуждена «раздавать хлеб дояркам вне очереди».

На наши расспросы о Маланье она делала вид, что не понимает, о ком идет речь. Сложно представить, что Ксения действительно не помнит Маланью, женщины прожили всю жизнь в маленьком поселке и работали вместе. Скорее всего, такая «забывчивость» свидетельствует о конфликте.

Маланья не скрывала факта знакомства с Ксенией. Она сразу назвала нам ее фамилию, имя, отчество и указала на нужный дом. Если Ксения пыталась интеллигентно промолчать, то Маланья и ее сестра Нина использовали модель, хорошо известную им из традиционной культуры, – обвинение в колдовстве. Только недостаток, которым обладает семья Ксении, объяснялся не помощью «нечистой силы», а работой на немцев в войну и грабежом местных жителей:

У Ксеньи Ивановны батька был полицаем. <И как к нему относились потом?> А сейчас к ним так относятся <плохо>, но только... Она зоотехником, дак все чики-пуки... Знаешь, я век продоила корову, и она <Ксения> у нас зоотехником... его <полицая> дочка... Нелюди-

мая. А сейчас носят то довоенное, что <у> жидов обирали... Что позабирали у евреев, то в ямки, в бочки закапывали, а теперь откапывают и носят и ходят в этой одежде. <Нина> И даже золотишко – вот это вот еврейское.

Можно предположить, что Маланья хочет свести личные счета с Ксенией. Надеясь на публикацию интервью, она решила отомстить более успешной соседке.

Похожую историю нам рассказала Елена (1934 г. р.). Ее родную деревню сожгли немцы, а жителей отправили в концентрационный лагерь, где Елена пробыла до освобождения Брянщины. Наряду с воспоминаниями о голоде и насилии в концлагере Елена хорошо помнит, что в заключении она была лишена элементарных бытовых вещей: единственная рубашка, которая у нее была, пришла в негодность еще во время транспортировки в лагерь в грязном вагоне:

Эта рубашка, что, когда нас забрали, она от соли, что в вагоне соли <была>, она уже колом стояла, она уже кололася. Крепко, как кол, стояла на нас. Мне дали военную рубашку, ту рубашку скинули, и военную рубашку дали солдаты <когда освободили>.

После освобождения ее забрала к себе родственница. Воспоминания Елены о жизни в ее доме тоже связаны с крайней нуждой:

Мы доехали до своей деревни. Деревня была вся сожжена, одни комина стояли. Остановились мы в другой деревне, у чужих людей. Забрали нас, и там мы зиму перезимовали. Кто что дал одеть, мы же голые, босые.

Когда Елена пошла в школу в соседней деревне, одноклассники смеялись над ее бедностью:

В Далесичах много пошло в полицаи. Они над нами смеялись, что мы на полу, вшивые <...> ну, одежды ж не было, они над нами смеялись.

Елена, как и Маланья, объясняет богатство соседей работой на немцев. Как уже было отмечено выше, в узких сообществах личный успех неприемлем и воспринимается членами сообщества как покушение на их часть блага. В этом случае обвинение в коллаборационизме позволяет стигматизировать более успешного соседа и указать на неблагоприятное происхождение его богатств.

*Месть «полицаям»:
типы реализации одного сюжета*

Ксения рассказала о своей матери Наталье, которая перед заключением в Новозыбковскую тюрьму отдала сундук с вещами на сохранение соседке. По возвращении из лагеря Наталья нашла свой дом полностью разграбленным:

Ни одного окна нету, все, что было, разграблено – ни тряпки нету, ничего. Детям не то чтобы на голову <платка>, сундук соседке отдавала, говорит, сбережения. Сбереги, может, приду живая.

По возвращении Наталья надеялась забрать сундук с вещами, но соседка сказала, что его конфисковали немцы:

Пошла – нет, все забрали немцы. Ой, как <она> говорит, пошла: «Отдавай, соседка, мои вещи. – Нету, Наталья, забрали». Пошла к ней однажды, после войны, сколько лет прошло. Гляжу, у нее дочка в моих ботинках ходит. И просушивала она белье, и она видит – мое висит, просушивает – не отдала. Сказала, что немцы забрали. Немцы забрали, приходили и все забрали. Вот такие люди...

Сюжет об узнавании пропавшей или украденной в войну вещи – один из наиболее устойчивых и популярных. Нарративы, подобные рассказу Ксении или приведенной выше истории Елены, можно часто услышать на бывших оккупированных территориях. При этом этот сюжет может получать разную реализацию. Как мы покажем далее, тексты, которые наши собеседники создают на основе этого мотива, существенно различаются. Так, мать Ксении в ее истории изображается жертвой, которая не пытается восстановить справедливость и забрать украденное: наказанием для мародеров служит сам акт рассказа об их поступках.

Другой пример реализации этого мотива мы находим у Маланьи и ее сестры Нины, которые рассказали нам о мародерах, шаривших в домах эвакуированных или угнанных в Германию жителей Старых Бобовичей. Они вспомнили, как спустя несколько десятилетий после войны женщина отобрала куртку у жены «полицая»:

<Маланья> Захаровна она была – это тоже были полицаи. Три семьи у нас <было полицаяев в деревне>. ...И снимали, Манарку с нее снимали прямо на центре... Отдай, мое... Женщина, вот это узнала. Полицейского там жена надела <...> какую-то куртку... А узнали вот через 50 лет после войны, и вот она одела... <Нина> Вот, и она, значит, одела, а другая говорит: «Сними, это мое».

Основной пуант в историях об узнавании пропавшей вещи состоит в публичном осуждении мародера, но у Маланьи наказание мародеров дополнительно эксплицируется в сюжет – жену «полицая» раздевают на глазах у всей деревни.

Выбор формы рассказа зависит от образовательного и культурного бэкграунда рассказчика. Преподавательница иностранных языков Екатерина рассказала историю. Она называла себя «обломком старой России» и вспоминала о том, что ее мать всю жизнь хранила портрет Николая II. Екатерина хотела указать на высокие моральные принципы матери, поэтому рассказала, что та до конца жизни не разговаривала с соседкой-мародеркой:

Находились такие подонки, которые ходили грабить эти дома, от которых людей уводили на смерть. Были очень тяжкие случаи. Моя мать была в ужасе... Она даже с одной женщиной до самой смерти не разговаривала из-за того, что она знала, что она ходила в дома еврейские и таскала там... Что там можно было еще взять. Это было для нее настолько тяжело, что она даже и не разговаривала <с ней> никогда.

Елена (1934 г. р.) рассказала нам о том, как жители деревни, в которой располагалась ее школа, отомстили матери «полицая»:

Жила там одна бабка. У нее был сын, он пошел в полицаи, а она стала... Барыней. И там был один партийный <...> я не знаю, или уехал <или расстреляли>. Так в этот дом бабку и перевел сын <полицай>. <Полицай> что он делал, соберет девчат: «Идите мойте, или идите наварите». Ей. Или она придет к тебе, день будет сидеть – корми ее. Когда наши уже пришли, <...> она перешла в свою хатенку, а хатенка была такая, в землю уже вросла. <...> В эту хатенку к ней никто не ходил, потому что всем досадила она. <...> А потом к ней же никто не ходил, она там и умерла. И вонь оттуда. Бульдозер подогнали, всю хату снесли, и все. <Вместе с... Вся хату?> Вся хату, а ее <...> сошкребли с печки – она на печке, говорили, лежала – и где-то закопали.

Елена отмечает, что, помимо перенесенного унижения, жителям Далесичей запомнилось, что «полицай» занял чужой дом и требовал кормить его мать, что в условиях нехватки продуктов было крайне обременительно. Здесь, как и в истории Маланьи, наказание «полицая» встроено внутрь сюжета. Мы не можем утверждать, что описанные в истории события действительно произошли, но эта история о во многом символической мести человеку, который о ней уже не узнает, отражает ценностные установки сообщества.

Заключение

Память о Великой Отечественной войне в современной России постоянно присутствует в публичном дискурсе. Часто память о войне инструментально используется в современных политических конфликтах – в СМИ можно услышать «о потомках победителей», «бандеровцах» или «полицаях». Однако семейная память о войне для многих россиян исчерпывается знанием о факте участия их родственника в боевых действиях. Зачастую единственный контекст, в котором она становится актуальной, – это праздничные мероприятия в честь Дня Победы. Сложно предположить, что память о войне будет иметь какое-то значение в нашей повседневной жизни, в соседских или рабочих отношениях. Однако для жителей небольших городов и деревень в Брянской области это не так.

Воспоминания о мародерстве сливаются с памятью о конфискации имущества «полицаями», так как именно воровство в замкнутом аграрном сообществе осуждается наиболее всего; именно поэтому из всех преступлений коллаборационистов в памяти остается, казалось бы, не самая бесчеловечная их обязанность – конфискация продовольствия. Нарративы, в которых эти две категории населения объединены под именем «полицаев», появились из-за того, что большинство жителей оккупированных территорий прекрасно знают об их существовании и о том позоре, который дает этот статус, – это связано с советским и современным публичным дискурсом. Негативная оценка коллаборационизма в публичном дискурсе сливается с неприемлемостью воровства внутри локального сообщества, и унижительное звание «полицая» становится ярлыком для любого человека, нарушающего правила группы. Наши собеседники хорошо помнят конфискацию продуктов во время войны, потому что она воспринимается как улучшение своего материального положения за счет всего сообщества. Они оценивают мародерство в моральных категориях, поскольку его совершают соседи, знакомые им с детства.

Однако «официальная» модель «полицая» как противника советской власти в нарративах о «полицаях/мародерах» не используется: у этих рассказов другая прагматика, актуальная для замкнутого сообщества. Такие нарративы – это способ не прямо рассказать об этических нормах сообщества, живущем в ситуации постоянной нехватки ресурсов. Распространение этих историй помогало не только поддерживать память о травматичных для всей социальной группы событиях, но и наказывать ушедших от правосудия виновных: как на нарративном уровне, раз за разом проговаривая неприемлемость их поступков, так и санкционируя различные формы мести. При этом большинство наших собесед-

ников родились после войны и не имеют личных воспоминаний о жизни в оккупации – они повторяют то, что слышали о войне от старших родственников. Передача таких историй через поколения дает возможностью расквитаться с обидчиками, которые не понесли наказания в реальности.

Несколько поколений спустя у обвинений в работе на немцев появляется и другая прагматика: они используются для стигматизации неугодных соседей. Часто причиной для таких обвинений служит заметный другим финансовый успех, который вызывает зависть и требует объяснений, одним из которых становится обращение к памяти о войне. Как правило, она используется операционально, как в случае конфликта Маланьи и Ксении.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках НИР ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС «Фольклорные идеологии и поведенческие стратегии в современном городе»; публикация подготовлена в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы» Еврейского музея и Центра толерантности.

Авторы статьи выражают благодарность за консультации и ценные советы Александре Архиповой, Анне Кирзюк, Марии Майофис, Илье Кукулину и Елене Левкиевской.

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work BLTP STEPS ION RANERA “Folklore ideologies and behavioral strategies in a modern city”; The publication was prepared within the framework of the project “Jewish commemorative practices and the modern cult of Victory” of the Jewish Museum and Center for Tolerance.

The authors of the article would like to thank Alexandra Arkhipova, Anna Kirzyuk, Maria Mayofis, Ilya Kukulkin and Elena Levkievskaya for the valuable advice.

Литература

- Абовян, Дзюбан 2019 – Абовян Е.Н., Дзюбан В.В. Новозыбков в годы Великой Отечественной войны // Вестник КГУ. 2019. Т. 25. № 2. С. 49–54.
- Гавренков 2011 – Гавренков А.А. Роль Брянского фронта в битве под Москвой (30 сентября 1941 г. – март 1942 г.) // Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Люди. События. Факты: Материалы круглого стола,

- посвященного 65-летию освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков / Под общ. ред. В.В. Иконова, Ю.Н. Лунева. Брянск, 2011. С. 30–36.
- Дин 2008 – Дин М. Пособники Холокоста: Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944 гг. / Пер. с англ. М.И. Беккер. СПб.: Академический проект, Изд-во ДНК, 2008. 267 с.
- Копосов 2011 – Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛО, 2011. 315 с.
- Листова 2008 – Листова Т.А. Общественно-религиозные праздники на русско-белорусском пограничье («свеча», «божья свеча», «гулять икону») // Традиции и современность. М.: ИЭА РАН, 2008. № 8. С. 22–53.
- Махалова 2020 – Махалова И.А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации (1941–1944 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. НИУ Высшая школа экономики. М., 2020. 277 с.
- Миллер 2012 – Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: НЛО, 2012. С. 7–32.
- Панченко 2013 – Панченко А.А. Беглецы и доносчики: «военные нарративы» в современной новгородской деревне // Русский политический фольклор: Исследования и публикации / Ред.-сост. А.А. Панченко. М.: Новое издательство, 2013. С. 117–143.
- Bourtman 2008 – Bourtman I. “Blood for blood death for death”. The Soviet military tribunal in Krasnodar, 1943 // Holocaust and Genocide Studies. 2008. Vol. 22. No. 2. P. 246–265.
- Exeler 2016 – Exeler F. What did you do during the war? Personal responses to the aftermath of Nazi occupation // Kritika. 2016. Vol. 17. No. 4. P. 805–835.
- Kudryashov, Voisin 2008 – Kudryashov S., Voisin V. The early stages of “Legal Purges” in Soviet Russia (1941–1945) // Cahiers du Monde russe. 2008. Vol. 49. P. 263–295.

References

- Abovyan, E.N. and Dzyuban, V.V. (2019), “Novozybkov during the Great Patriotic War”, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 25, no. 2, pp. 49–54.
- Bourtman, I. (2008), “ ‘Blood for blood death for death’. The Soviet military tribunal in Krasnodar, 1943”, *Holocaust and Genocide Studies*, vol. 22, no. 2, pp. 246–265.
- Dean, M. (2008), *Posobniki Kholokosta. Prestupleniya mestnoi politsii Belorussii i Ukrainy, 1941–1944 gg.* [Collaboration in the Holocaust crimes of the local police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944], Academic project, DNA Publishing House, Saint-Petersburg, Russia.
- Exeler, F. (2016), “What did you do during the war? Personal responses to the aftermath of Nazi occupation”, *Kritika*, vol. 17, no. 4, pp. 805–835.
- Gavrenkov, A.A. (2011), “The role of the Bryansk front in the battle near Moscow (September 30, 1941 – March 1942)”, in Izonov, V.V. and Lunev, Yu.N. (eds.),

- Bryanshchina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Lyudi. Sobytiya. Fakty. Materialy Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 65-letiyu osvobozhdeniya Bryanshchiny ot nemetsko-fashistskikh zakhvatnikov* [Bryansk region during the Great Patriotic War 1941–1945. People. Events. Facts. Materials of the round table dedicated to the 65th anniversary of the liberation of the Bryansk region from the Nazi invaders], Bryansk, Russia, pp. 30–36.
- Kudryashov, S. and Voisin, V. (2008), “The early stages of ‘Legal Purges’ in Soviet Russia (1941–1945)”, *Cahiers du Monde russe*, vol. 49, pp. 263–295.
- Koposov, N.E. (2011), *Pamyat’ strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of a strict regime. History and politics in Russia], New Literary Observer, Moscow, Russia.
- Listova, T.A. (2008), “Social and religious holidays on the Russian-Belarusian borderland (‘candle’, ‘God’s candle’, ‘walking an icon’)”, *Traditsii i sovremennost’*, no. 8, pp. 22–53.
- Makhalova, I.A. (2020), Collaboration in Crimea during the Nazi occupation (1941–1944), Ph.D. Thesis (History), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Miller, A.I. (2012), “Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the 21 century”, in Miller, A. and Lipman, M. (eds.), *Istoricheskaya politika v 21 veke: sbornik statei* [Historical politics in the 21 century. A collection of articles], New Literary Observer, Moscow, Russia, pp. 7–32.
- Panchenko, A.A. (2013), “Fugitives and informers: ‘military narratives’ in the modern Novgorod village”, in Panchenko, A.A. (ed.), *Russkii politicheskii fol’klor. Issledovaniya i publikatsii* [Russian political folklore. Research and publications], New publishing house, Moscow, Russia, pp. 117–143.

Информация об авторах

Сергей В. Белянин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82;

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gobispre10@gmail.com

Екатерина А. Закревская, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zakrevskaya.ea@gmail.com

Information about the authors

Sergei V. Belyanin, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskogo Av., Moscow, Russia, 119571;

postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; robispre10@gmail.com

Ekaterina A. Zakrevskaya, graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zakrevskaya.ea@gmail.com

Путевые заметки

УДК 82-992

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-258-270

Хождение в корёлахъ:
путевые заметки Симеона Гаврилова
о Топозерском крае 1896 г.

Мария В. Кундозерова

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра Российской академии наук,

Петрозаводск, Россия, maria.vlasova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию путешествия северодвинского инока Симеона Гаврилова на север Беломорской Карелии в 1896 г., целью которого было изучить происхождение старообрядчества в Топозерском регионе. Предметом анализа является неопубликованная рукопись IV «Родословия», составленная путешественником по результатам поездки. Рассматриваются главы «Родословия» под названием «Сокрушение сердечное» и «Хождение в корёлахъ», где автор подробно описывает свое путешествие от Кеми до Кизреки. Наблюдения путешественника за жизнью и бытом местного населения, которые впервые вводятся в научный оборот, являются важным источником сведений об укладе жизни кестеньгских (топозерских) карелов конца XIX в. По данным заметок, Топозерский край – это малонаселенная местность с преобладающим карельским населением. Русский язык знали мужчины и за редким исключением женщины. Основным способом сообщения между населенными пунктами было передвижение по водным путям либо по лесным/болотным тропам с настилом. Центром Топозерья было село Кестеньга, в котором находилась официальная церковь и поп, а также правление с урядником. Мужчины занимались коробейничеством в Финляндии, ловом рыбы, зарабатывали на сплавах леса. Женщины вели домашнее хозяйство. В крае было развито оленеводство. Природный ландшафт отличался большим количеством камня.

Ключевые слова: Симеон Гаврилов, IV «Родословие», Топозеро, Кестеньга, карелы, путевые заметки

Для цитирования: Кундозерова М.В. Хождение в корёлахъ: путевые заметки Симеона Гаврилова о Топозерском крае 1896 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 258–270. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-258-270

© Кундозерова М.В., 2022

Walking in Korela.
Simeon Gavrilov's travel notes
about the Topozero region in 1896

Maria V. Kundozerova

*Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia, maria.vlasova@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the description of the journey of the Severodvinsk monk Simeon Gavrilov to the north of the White Sea Karelia in 1896, the purpose of which was to study the origin of the Old Believers in the Topozero region. The subject of the analysis is the unpublished manuscript IV of the “Genealogy”, compiled by the traveler using the results of the trip. The chapters of the “Genealogy” under the title “Contrition of the Heart” and “Walking in Korela” are considered, where the author describes in detail his journey from Kem to Kizreka. The traveler’s observations of the way of life of the local population, which are first introduced into scientific circulation, are an important source of information about the way of life of the Kestenga (Topozero) Karelians of the late 19th century. According to the notes, the Topozero region is a sparsely populated area with a predominantly Karelian population. The Russian language was spoken by men and, with rare exceptions, by women. The main mode of communication between settlements was movement along waterways or along forest/marsh paths with decking. The center of Topozero region was the village of Kestenga, in which there was an official church and a priest, as well as a board with a constable. Men were engaged in peddling in Finland, fishing, making money on timber rafting. The women ran the household. Reindeer breeding was developed in the region. The natural landscape was distinguished by a large amount of stone.

Keywords: Simeon Gavrilov, IV “Genealogy”, Topozero, Kestenga, Karelians, travel notes

For citation: Kundozerova, M.V. (2022), “Walking in Korela. Simeon Gavrilov’s travel notes about the Topozero region in 1896”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 2, pp. 258–270, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-258-270

Озеро Топозеро является третьим по величине озером в Республике Карелия после Ладожского и Онежского. Топозеро является территорией расселения кестеньгских карелов, которые вместе с олангскими карелами, проживавшими по берегам озера Пяозера, составляют самую северную группу карельского народа.

В XIX в. территория проживания кестеньгских и олангских карелов (нынешний Лоухский район Республики Карелия) не раз становилась объектом посещения и исследования различных путешественников из Финляндии и Норвегии, оставивших воспоминания о своих поездках/походах в виде путевых заметок и дневников. Здесь побывал А. Шёгрэн (1826 г.), Э. Лённрот (1836–1837 гг.), М. Кастрен (1839 г.), Ф. Нюландер (1842–1844 гг.), Й. Фриис и Л. Даа (1867 г.), А. Борениус, А. Генети, А. Бернер (1872 г.), А. Эрваста (1879 г.), Й. Мустакаллио (1882 г.), Й. Ювелиус (1886 г.), И.К. Инха и А. Карьялайнен (1894 г.) и др. Путевые рассказы этих исследователей опубликованы¹.

Единственным русским путешественником, побывавшим в XIX в. на севере Карелии, в топозерских деревнях, и оставившим свои путевые заметки об этом крае, является инок Симеон Гаврилов (в миру Иван Гаврилович Квашнин, 1842–1917). Это северодвинский старообрядец-филипповец, который посвятил свою жизнь сбору и сохранению исторической памяти старообрядчества Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерний.

Он родился в дер. Долгинская Черевковской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, был одним из наиболее почитаемых старообрядческих наставников на Северной Двине. Известен как крупнейший историограф староверия рубежа XIX–XX вв. Перу инока Симеона принадлежит около трех десятков рукописей, до сих пор не изданных и хранящихся в архивах [Щипин 2010, с. 3–4; Савельев 1994]. Среди этих работ есть четыре «Родословия», составленные Симеоном по результатам его экспедиций в 1880–1890 гг., целью которых было изучить «корень веры», выяснить происхождение старообрядчества в губерниях Русского Севера путем опроса местных жителей по заранее составленному опроснику [Першина 2011].

В 1896 г. Симеон Гаврилов побывал в Архангельском уезде, на Пинеге, Выгу, Каргополье, Топозере, в Соловецком монастыре,

¹ Например: Elias Lönnrot. *Matkat 1828–1844*. Espoo: WEILIN+GÖÖS, 1980. 446 s.; Friis J.A. *En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen*. Skildringer af Land og Folk. Christiania: Alb. Cammermeyer, 1880. 376 p.; Berner A. *Kuvaus edellisessä matkakertomuksessa esitettyltä runonkeruumatkalta Venäjän-Karjalassa v. 1872 // Runonkerääjämme matkakertomuksia 1830-luvulta 1880-luvulle / Julkaisut A.R. Niemi*. Helsinki: SKST, 1904. S. 492–497; Inha I.K. *Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa: Kuvaus Vienan Karjalan maasta, kansasta, siellä tapahtuneesta runonkeruusta ja runoista itsestään*. 2 pain. Helsinki: Tietosanakirja OY, 1921. 406 s.

Анбурской, Кородской и других пустынях. Путешествие длилось восемь месяцев (с марта по октябрь), во время которого Симеон не только собирал «показания» (интервью) старообрядцев, но и обследовал местность в археографическом ключе: выяснял наличие старопечатных книг, писем духовных наставников. После этой поездки было составлено «Родословие», которое и стало предметом нашего изучения².

Как отмечает В.И. Щипин, именно это четвертое «Родословие» значительно отличается от первых трех, с одной стороны, «более широкой географией исследования» [Щипин 2010, с. 11], а с другой – тем, что здесь впервые проявляются в полной мере творческие способности автора: «стремление поделиться с читателем своими ощущениями, впечатлениями, переживаниями. Вдруг появляются почти ежедневные дневниковые записи» [Щипин 2010, с. 13]. Благодаря этому экспедиционному дневнику путешественника мы можем не только «составить представление о том, в каких условиях проводили полевую работу археографы XIX в.» [Першина 2015, с. 187], но и узнать особенности материальной и духовной культуры местных жителей. Цель данной статьи – на основе анализа текста рукописи описать путешествие инок Симеона к тодозерским (кестеньгским) карелам, выявляя особенности уклада жизни местных крестьян.

К концу июля 1896 г. инок Симеон добрался до города Кемь, откуда собирался продолжить путешествие на север Карелии, озеро Топозеро. Этот регион славился своими старообрядческими скитами, деятельность которых на момент путешествия Симеона уже была приостановлена, а большая часть жителей была приверженцами старой веры³.

В «Родословии» имеется глава под названием «Сокрушение сердечное». В ней автор подробно описывает, как его поход на тодозерскую сторону чуть было не сорвался. Изначально он планировал отправиться на Топозеро пешком через Подужемье. Он уже прошел 17 верст от Кеми до Подужемья, и там ему «много наговорили различных препятствий к оному путному шествию»⁴, например: дальность похода и плохое знание местным населением русского языка; незнание Симеоном карельского языка; урядники и попы там паспорт проверяют; боязнь тамошних людей и необходимость

²Рукопись «Родословия» хранится в БАН, собр. Дружинина, № 510 (полуустав и скоропись, 290 л.).

³*Vuoristo S. Tuoppajärven luostari, vanhauskoisten keskus Kiestingissä // Karjalan heimo. 1997. № 9–10. S. 135.*

⁴Родословие, л. 155 об.

нанимать извозчиков с лошадьми, вследствие чего – дороговизна пути.

Именно последняя причина и стала главным препятствием для пешего шествия Симеона. С собой у него было всего 10 рублей серебром, а на путь из Подужемья до Топозера (по маршруту Подужемье – Рудометово – Шуолапохья – Кизрека) и обратно пришлось бы истратить 26 рублей серебром.

Отказавшись от пешего похода, Симеон возвращается в Кемь и по пути встречает пастуха. От него путешественник узнает, что до Топозера можно добраться иным путем: пароходом по морю до Керети и оттуда на Топозеро. Пастух отметил, что «за пароход дешево берут, а из села Керети до Топозера почта обязательно ходит, то тамошним путем гораздо удобнее побывать в Топозеро, а нежели здесь через Подужемье»⁵. По этой дороге Симеон и отправился в путь, отметив, что из Кеми до Топозера и обратно он потратил около пяти рублей серебром.

С этого момента в «Родословии» начинается глава «Хождение в корелахъ», где автор подробно описывает свое путешествие к топорским карелам.

30 июля Симеон садится на пароход в Кеми и 31 июля прибывает в Кереть. Этот путь по Белому морю составил 200 верст. Автор отмечает особенности местности: «а замечательная отличность от наших местностей, что виделось с парохода немало островов в море, маленьких и не весьма маленьких, да и берегов к морю по большей части каменных, на которых есть лесу поросло между камнем»⁶.

В Керети он знакомится со старшиной, карелом, родом из топорской деревни Кизрека, и 1 августа вместе с ним отправляется в дорогу на Топозеро: «Шли мы со старшиной Петром Степановичем Левонтьевым, который шол по казенным делам и с немалыми деньгами, и его сопровождали 4 человека по обычаю того их места. Он был человек доброй, пригласил меня в товарищи»⁷.

Автор «Родословия» отмечает: «Старшина мне велику пользу зделал, что всех рассказал, кто где живет христиана, и котораго как зовут на имя, и кто может порасказать обо всем об чем мне нужно. За ето я за все благодарю Бога что такого товарища мне даровал, потому что как куды придешь, так просто не от кого не послан, то человек христианин почто-то испугается, думает про меня, что какой человек и почто пришел, и для чего спрашивает, и так нечего и не станет говорить, потому что опасится и не смеет сказать.

⁵Родословие, л. 157.

⁶Там же.

⁷Там же, л. 158.

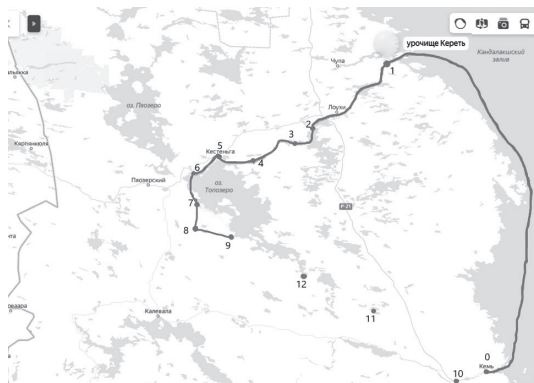

Рис. 1. Маршрут инокa Симеона Гаврилова. Обозначения:
 0 – Кемь, 1 – Кереть, 2 – Парфеево, 3 – Пиньгасалма,
 4 – Лохивуара, 5 – Кестеньга, 6 – Коккосалми, 7 – Валазрека,
 8 – Вуаракюля, 9 – Кизрека, 10 – Подужемье,
 11 – Рудометово, 12 – Шуолапохья

А как я тогда в корёлах к кому приду, и меня спросят, кто тебя к нам натакал? И я во ответ и говорю, что старшина ваш Петр Степанович присоветовал к вам затыти поспросить. Тогда они и скажут, да у нас старшина П[етр] С[тепанович] хорошии человек. И тогда мне из-за етого хорошо было, потому что отъкровенно со мною говорили короляки и королячкы»⁸.

Старшина также указывал путнику дома, где можно пообедать и где за это дорого не возьмут. Ночевал Симеон в деревнях у людей по вере, а если таких в деревнях не случалось, то ночевал в доме со старшиной, даже случалось и в его общественной комнате, потому что тому везде была готова особая комната. Старшина исполнял роль почтальона: «нес с собою денег полторы тысячи, которые присланные от бурлаков своим родным, а которые жалование попам и проч. И у всякаго озера на оной дороге лежат казенныя карбаса, которых никто не смеет увести кроме старшины. В том месте всегда один старшина отъправляет должность и за старшину, и за почталиона»⁹.

За десять дней пешего похода Симеон прошел по маршруту Кереть – Парфеево – Пиньгасалма – Лохивуара – Кестеньга – Коккосалми – Валазрека – Вуаракюля – Кизрека – Кереть.

⁸Родословие, л. 158 об., 159.

⁹Там же, л. 159 об., 160.

Он побывал в населенных пунктах, сосредоточенных у озера Топозера, и описал каждый пункт в особых «повестях» – небольших рассказах, в которых указал название места, иногда с уточнением разницы в карельском и русском произношении, количество домов, географические особенности местности, расстояние в верстах как между поселениями, так и до стартовой точки своего пути – села Керети.

Приведем пример такой «повести»: «Поведаю о 2-й станции: А от деревни Парфеева до деревни Пиньгасальма 20 верст. В этой Пиньгасальме только 16 домов. Здесь мы пешия не шли, а все 20 верст ехали в карбасу, по озеру называемому Керети озеро. Это Керети озеро 40 верст длины, а ширины 20 верст. А будто бы в нем столько островов, сколько во всем году дней. И будто бы преподобнии Варлаамии на каждом острове пожил по одному дню. Етого преподобнаго Варлаамия были мощи в селе Керети, но будто бы во время пожару зьгорели»¹⁰.

Как видим, в текст «повести» включено предание о местном святом Варлаамии Керетском (вторая четверть XVI в., с. Кереть – конец XVI в., один из островов Чупинской губы Белого моря)¹¹, который особо почитался в Поморье в XVII – начале XX в. в качестве покровителя и защитника рыбаков и мореходов. Источником сведений об этом святом служит «Повесть о преподобнем Варлааме Керецком»¹², ему же посвящены и многие фольклорные тексты «народной агиографии» [Минеева 2013].

Включение текстов фольклорных жанров характерно для работ Симеона Гаврилова. Это было продиктовано самой спецификой деятельности исследователя – опроса местных жителей и сбора устной истории, которая подчас основывается на преданиях, легендах, бытовых рассказах. Как отмечает А.В. Пигин, труды Симеона могут стать ценным источником материала для изучения старообрядческого фольклора [Пигин 2020, с. 91].

Поскольку водные пути были главным сообщением в Топозерском крае, не обошлось в заметках и без описания особенностей этого передвижения. Например, автор рассказывает о вызове переправы с помощью дыма. В дер. Лохивуара Симеону пришлось временно расстаться со старшиной и на следующий день отпра-

¹⁰ Родословие, л. 159, 159 об.

¹¹ *Кочетов Д.Б.* Митрофан (Баданин), иеромонах Варлаам Керетский // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 632–633.

¹² *Дмитриев Л.А.* Повесть о житии Варлаама Керетского // Памятники литературы Древней Руси, XVII век. М.: Художественная литература, 1989. Кн. 2. С. 305–309.

виться в Кестеньгу в одиночку пешком: «И меня тогда научили глаголюще. Когда придешь к озеру, когда будет видно деревня Кестеньга, тогда наклади на берегу большой огонь, и когда увидят в деревне твой дым, тогда приедут и перевезут тебя в карбасу»¹³. Симеон просидел на берегу целый день: сильный ветер разносил дым его костра. Лишь под вечер «ехавши мимо с сенокоса люди»¹⁴ перевезли его в деревню.

Последним описанным пунктом путешествия Симеона является Кизрека. На этой деревне его путевые заметки заканчиваются, а в тексте «Родословия» далее следуют «показания» информантов.

Как уже отмечалось, целью похода был опрос местных жителей. Помимо пяти интервью, записанных автором ранее от лиц, так или иначе имевших отношение к Топозерскому монастырю, на самом топорском маршруте он записал еще 6 интервью от 14 информантов. В начале каждого «показания»¹⁵ Симеон очень подробно указывает данные записи: дату, место, ФИО информантов, возраст, национальность, владение языками, например: «Показание 68. 1896-го года, августа 4-го дня, в воскресенье. Деревня именуемая Кестеньга, от бывшей Топозерской пустыни отстоит 30 верст. В этой деревне старичок Иван Левонтьевич Кемов 68 лет суции, короляк. Но умеет же и по-русски говорить. Да тояже деревни Кестеньги королячка старушка Татьяна Моисеовна, 73 лет сущая, тоже умеет по-русски. Да еще поприлучаю был старичок из деревни Логоварака Вавила Осипович Власов, 82 лет суций, а ходит плотничает чужия избы, крепкий старик телосложением, тоже короляк, а умеет по-русски»¹⁶.

Несмотря на то что при подготовке данной статьи тексты так называемых «показаний» о Топозерском ските не анализировались, необходимо отметить, что они обладают высокой научной ценностью и новизной, поскольку представляют собой первые записи от карелов, живших в Топозерском монастыре. Изучение этих текстов станет темой отдельного исследования.

Автор в описаниях своего пути обращает внимание на людей, промыслы, природу и животных. Он рассказывает о смелых детях 8 и 10 лет, перевозивших его на лодке через залив Топозера у Кестеньги¹⁷, о бодром старике 80 лет, который сопровождал его на пути из Вуараколя в Кизреку 15 верст, 11 из которых шли пешком¹⁸.

¹³ Родословие, л. 160 об.

¹⁴ Там же, л. 161.

¹⁵ Всего в «Родословии» 1896 г. насчитывается 90 «показаний».

¹⁶ Родословие, л. 165.

¹⁷ Там же, л. 160 об.

¹⁸ Там же, л. 163.

Симеон отмечает: «Бабы по-русски говорить не умеют. А сопровождали нас со старшиной по большей части все бабы и девки. А мужики у них летами все на чужой стороне, которых на море ловят рыбу, а иныя на выгонке лесу (у них по рекам на лесопильных заводах весьма по многу тысяч преставляют лесу). А иныя мужики у них ушедши торгуют в Вифляндие. От них недалеко Вифляндия, около ста верст. Того ради около домашней работы управляют у них бабы и девки. А хлеба сеют у них помалу, а льну вовсе не сеют»¹⁹.

Автора глубоко поразил каменный озерный ландшафт: «И в воде, пока сколь глубоко видно дно в озерах, то тоже как ровно выкладено все дно камением, подобно тому равно, как улицы в Москве, так в озерах дно выкладено повелением Божиим»²⁰.

Симеон отметил развитое в крае оленеводство: «А у них оленей весьма много. У кого сколько есть, у кого 5, и 10, и больше, и больше, а у некоторых по сотне, а у некоторых и больше. А у некоторых так много, что и числа не знает»²¹. Олени находятся все лето на воле в лесу, где они «рождаются и умножаются», а зимой их «схватывают и возят на них все, что нужно». Путешественником подмечена и традиция клеймить оленей: «на ушах пятно вырезают, всякой хозяин свое пятно»²².

Путевые заметки дополняет записанный автором со слов местных жителей список из девяти тодозерских деревень с указанием количества домов и расстоянием между ними: Коккосалми (24 дома), Кестеньга (42), Лохгуба (17), Ламбашгуба (18), Нильмигуба (6), Куорилакша (38), Шуолапохья (12), Кизрека (44), Валазрека (22). После списка отмечается, что «между Кизрекой и Валазрекой были скиты: мужеской скит на острове, а женской скит на берегу»²³. Из этого списка, равно как из списка посещенных Симеоном деревень, на сегодняшний день продолжают существование лишь Кестеньга и Коккосалми.

Симеон указывает, что на обратном пути от Топозера к Керети он записывал карельские слова с переводом от Николая Потаповича Карвариндина из дер. Большеозерская, и в «Родословии» помещен небольшой карельско-русский словарь, который насчитывает порядка 40 слов и словосочетаний²⁴, числа от 1 до 1000 и сравнение некоторых чисел по-гречески, по-румынски и по-турецки²⁵.

¹⁹ Родословие, л. 162 об.

²⁰ Там же, л. 162.

²¹ Там же, л. 161 об.

²² Там же.

²³ Там же, л. 175 об.

²⁴ Там же, 176.

²⁵ Там же.

Археографический аспект работы инока Симеона представлен копией текста предисловия к Соборному уложению, бывшему в Топозере²⁶, а также копией письма инока Ильи из Топозерского скита пустынножителю Батькова скита 1831 г.²⁷ и копией письма упомянутого ранее Вавилы Власова из Кестеньги 1898 г.²⁸ Последнее письмо свидетельствует о том, что и после экспедиции Симеон поддерживал связь со своими информантами и получал от них интересующую его информацию.

Заключение

Путевые заметки автора «Родословия» являются важным источником сведений об укладе жизни топозерских (кестеньгских) карелов конца XIX в. Анализ заметок позволяет создать образ Топозерского края. Это малонаселенная местность с преобладающим карельским населением. Русский язык знали в основном мужчины и за редким исключением женщины, и то, видимо, в силу того что они были послушниками монастыря, где, как известно, обучали грамоте. Основным способом сообщения между населенными пунктами было передвижение по водным путям либо по тропам с настилом. Центром Топозерья было село Кестеньга, в котором находилась официальная церковь и поп, а также правление с урядником. Мужчины занимались коробейничеством в Финляндии, ловом рыбы, зарабатывали на сплавах леса. Женщины вели домашнее хозяйство. В крае было развито оленеводство, оленей использовали для перевозки грузов. Природный ландшафт отличался большим количеством камня.

Инок Симеон Гаврилов был единственным русским путешественником, побывавшим в конце XIX в. на самом севере Беломорской Карелии, в топозерских деревнях, и оставившим путевые заметки о своем походе. В отличие от своих «иностранных» предшественников, попадавших в Карелию с запада и севера, инок Симеон пришел с востока (юго-востока), с Архангельской стороны. Благодаря указаниям названий населенных мест, гидронимов, расстояний в верстах, можно составить довольно подробную карту путей попадания в Топозеро. Реконструкция этого пути может иметь особую историческую и археологическую ценность, потому как с современными путями сообщения он практически не совпадает, в связи с чем можно предположить его некую сохранность. Заметки автора

²⁶ Родословие, л. 171–173.

²⁷ Родословие, вклейка между листом 164 об. и 165.

²⁸ Родословие, вклейка между листом 166 об. и 167.

позволяют нам оценить и финансовую сторону путешествия: более короткий путь был сопряжен с большими опасностями, возникала необходимость наема проводников, а плата за их сопровождение в разгар сельскохозяйственных работ заметно возрастала. В успешности топорского похода большую роль сыграл старшина, взявший инока Симеона в попутчики. Благодаря доброй славе старшины, путника охотно принимали на ночлег, кормили и откровенно с ним разговаривали, что позволило ему записать «показания» относительно происхождения старообрядчества в регионе.

Благодарности

Благодарю Александра Валерьевича Пигина за содействие в расшифровке рукописного текста IV «Родословия» Симеона Гаврилова.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН.

Acknowledgements

I thank Alexander Valeryevich Pigin for his assistance in deciphering the handwritten text of Simeon Gavrilov's Genealogy IV.

The article was prepared within the framework of the state assignment of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Литература

- Минеева 2013 – *Минеева И.Н.* Почитание преп. Варлаама Керетского на Русском Севере (по материалам полевых исследований 2012 г.) // Святые и святыни Обонежья: Материалы Всероссийской научной конференции «Водлозерские чтения – 2013», посвященной 380-летию со дня преставления святого преподобного Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье (2–4 сентября 2013 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 101–108.
- Першина 2011 – *Першина М.В.* О методах сбора информации Симеоном Гавриловым для Родословия 1896 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 70–73.
- Першина 2015 – *Першина М.В.* Археографические разыскания северодвинского старообрядца Симеона Гаврилова // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. / Отв. ред. А.Х. Элерт. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния РАН, 2015. С. 185–197.

- Пигин 2020 – *Пигин А.В.* К изучению севернорусских преданий о старообрядцах (на материале сочинений Симеона Гаврилова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 85–94.
- Савельев 1994 – *Савельев Ю.В.* Северодвинский старообрядец Симеон Гаврилов и его рукописное наследие // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры: Тезисы докладов Междунар. науч. конф. (13–17 сентября 1994 г.). Петрозаводск, 1994. С. 86–89.
- Щипин 2010 – *Щипин В.И.* Жизнь и труды старца Симеона Северодвинского // Житие Герасима Вошчикова: Сочинение старца Симеона Гаврилова / Публ., предисл. и коммент. В.И. Щипина. М.: Третий Рим, 2010. С. 3–21.

References

- Minieva, I.N. (2013), “Veneration of St. Varlaam Keretsky in the Russian North (based on field research in 2012)”, *Sviatye i sviatyni Obonezh’ia: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii “Vodlozerskie chteniia – 2013”, posviashchennoi 380-letiiu so dnia prestavleniia sviatogo prepodobnogo Diodora Iur’egorskogo, osnovatel’ia Troitskogo monastyr’ia v Vodlozer’e (2–4 Sentiabria 2013 goda)* [Saints and shrines of Obonezhie. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference “Vodlozero Readings – 2013”, dedicated to the 380th anniversary of the repose of the holy reverend Diodorus of Yuryegorsk, founder of the Trinity Monastery in Vodlozero (September 2–4, 2013)], Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet, Petrozavodsk, Russia, pp. 101–108.
- Pershina, M.V. (2011), “On the methods of collecting information by Simeon Gavrilov for Genealogy 1896”, *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 70–73.
- Pershina, M.V. (2015), “Archaeographic investigations of the Severodvinsk Old Believer Simeon Gavrilov”, in Elert, A.Kh. (ed.), *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniakh deiatelei russkoi kul’tury 16–21 vv.* [Religious and political ideas in the works of figures of Russian culture of the 16–21 centuries], Izdatel’stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, Novosibirsk, Russia, pp. 185–197.
- Pigin, A.V. (2020), “On the study of North Russian legends about the Old Believers (based on the works of Simeon Gavrilov)”, *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 42, no. 5, pp. 85–94.
- Savel’ev, Yu.V. (1994), “Severodvinsk Old Believer Simeon Gavrilov and his manuscript legacy”, in *Vygovskaia pomorskaia pustyn’ i ee znachenie v istorii russkoi kul’tury: Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (13–17 sentyabrya 1994 goda)* [Vygovskaya Pomor shrine and its significance in the history of Russian culture. Abstracts of the International Scientific Conference (September 13–17, 1994)], Petrozavodsk, Russia, pp. 86–89.
- Shchipin, V.I. (2010), “The life and works of elder Simeon Severodvinsky”, in Shchipin, V.I. (ed.), *Zhitie Gerasima Voshchikova. Sochinenie startsa Simeona Gavrilova* [Life of Gerasim Voshchikov. The composition of the elder Simeon Gavrilov], Tretii Rim, Moscow, Russia, pp. 3–21.

Информация об авторе

Мария В. Кундозерова, кандидат филологических наук, Карельский научный центр РАН, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия; 185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; maria.vlasova@mail.ru

Information about the author

Maria V. Kundozerova, Cand. of Sci. (Philology), Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia; bld. 11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia, 185910; maria.vlasova@mail.ru

Общественные настроения и их трансляция в вербальном тексте

УДК 821(470)-31

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-271-286

Творчество М.В. Крестовской и «женский вопрос»
в России на рубеже XIX–XX вв.

Анна Е. Харитоновна

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, annakha93@mail.ru*

Аннотация. М.В. Крестовская (1862–1910) – сегодня почти забытая русская писательница, чья творческая активность пришлась на эпоху рубежа XIX–XX вв. Ее наследие – богатый источник различных сведений об этом периоде, запечатлевший актуальные веяния и коренные перемены в культурной и социально-экономической жизни России и Европы. В частности, творческая биография Крестовской неразрывно связана с идеями современного ей эмансипационного женского движения и проблемами, которые оно ставило перед обществом той поры. Различные грани «женского вопроса» (индивидуально-психологические, семейно-бытовые, социально-исторические и философские) отразились на идейно-тематическом, сюжетном и образном уровнях произведений писательницы, а также в ее литературном поведении. Автор статьи анализирует взгляды Крестовской на разные аспекты «женского вопроса», обращаясь к ее художественной прозе, публицистике и обширному дневниковому наследию, выявляет характерные особенности творчества, исследует типологию героев и обращает внимание на формы психологизма, присущие художественной лаборатории писательницы. В статье показано, что сосредоточенность на женских темах – это не дань «моде», но одна из черт, органично присущих мировоззрению и перу Крестовской, лишенному феминистической нетерпимости при всей симпатии писательницы к идеям женского движения.

Ключевые слова: Мария Крестовская, женский вопрос, история русской литературы, женщины-писательницы, рубеж XIX–XX вв., женское движение в России, гендерные отношения

Для цитирования: Харитоновна А.Е. Творчество М.В. Крестовской и «женский вопрос» в России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 271–286. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-271-286

© Харитоновна А.Е., 2022

M.V. Krestovskaya's works and the "women's question" in Russia in the late 19th and early 20th centuries

Anna E. Kharitonova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
annakha93@mail.ru*

Abstract. M.V. Krestovskaya (1862–1910) is an almost forgotten Russian writer whose creative activity occurred at the turn of the 19–20 centuries. Her works are a rich source of various information about this period, capturing current trends and fundamental changes in the cultural and socio-economic life of Russia and Europe. In particular, Krestovskaya's creative biography is inextricably linked with the ideas of the contemporary emancipatory women's movement and the problems it posed to the society at that time. Various facets of the "women's question" (individual and psychological, family and household, socio-historical and philosophical) are reflected in the ideological-thematic, plot and figurative levels of the writer's works, as well as in her literary behavior. The author of the article analyzes Krestovskaya's views on various aspects of the "women's question", referring to her fiction prose, journalism and extensive diary heritage, reveals the characteristic features of her work, explores the typology of characters and draws attention to the forms of psychologism inherent in the writer's art laboratory. The article shows that the focus on women's topics is not a tribute to "fashion", but one of the features that are organically inherent in Krestovskaya's world view and writing, which are devoid of feminist intolerance, despite the writer's sympathy for the ideas of the women's movement.

Keywords: Maria Krestovskaya, women's question, history of Russian literature, women writers, the turn of the 19–20 centuries, women's movement in Russia, gender relations

For citation: Kharitonova, A.E. (2022), "M.V. Krestovskaya's works and the 'women's question' in Russia in the late 19th and early 20th centuries", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 2, pp. 271–286, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-271-286

Некогда довольно популярная писательница М.В. Крестовская (1862–1910) – на сегодняшний день автор полузабытый: она почти неизвестна современному читателю и до сих пор практически не исследована литературоведами. Между тем это интересная и яркая фигура в истории русской литературы и – шире – в культуре своей эпохи, фигура, по-настоящему заслуживающая внимания. Наследие писательницы отражает ведущие

культурно-исторические процессы и социально-философские вопросы рубежа XIX–XX вв., характерные как для России, так и для европейского общества той поры. Так, творчество М.В. Крестовской невозможно рассматривать вне «женского вопроса», волнующего ее современников, в том числе коллег по перу и, в частности, женщин-писательниц: О.А. Шапир, А.Р. Крандиевскую, Н.Д. Хвоцинскую (В. Крестовский), Е.П. Леткову-Султанову, В.Д. Комарову (В. Каренин) и др.

Цель статьи – выявить и продемонстрировать тесные связи литературного наследия Крестовской с актуальным для ее эпохи «женским вопросом» и проанализировать особенности его преломления в произведениях писательницы. Задачи, которые ставит перед собой автор: познакомить читателя с фигурой М.В. Крестовской ввиду ее незначительной исследованности; рассмотреть основные вехи жизненного и творческого пути Крестовской в контексте важных социокультурных вопросов рубежа XIX–XX вв. и показать, чем был обусловлен ее личностный интерес к вопросам равноправия, социальных ролей и независимости женщины; дать общее представление о корпусе текстов, принадлежащих ее перу, и проанализировать их с точки зрения специфики отражения «женского вопроса» на тематическом, сюжетном и образном уровнях.

Материал, положенный в основу настоящего историко-литературного изыскания, исследован чрезвычайно мало, многие тексты Крестовской были изданы лишь при ее жизни и переизданию не подвергались. Автор статьи обращается к ряду архивных документов, а также вводит в научный оборот неизвестные сегодня тексты писательницы и рассматривает их в контекстуальном ключе на фоне литературного процесса эпохи.

Учитывая малоизученность творчества М.В. Крестовской и отсутствие информативных источников, всеобъемлюще рассказывающих о ее жизненном и профессиональном пути, стоит дать общее представление о составе, степени сохранности и доступности наследия автора¹. Активная творческая пора писательницы

¹ Общие сведения о жизни и творчестве писательницы, снабженные библиографической информацией, до сих пор относительно развернуто представлены лишь в нескольких словарных статьях, составленных в начале и конце XX в. Подробнее см.: *Агапкина Т.П.* Крестовская // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1994. С. 145–146; *Колтоновская Е.А.* Крестовская // Новый энциклопедический словарь: В 29 т. / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. Т. 23. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1915. С. 133–134.

пришлась на период с 1885 г.² до начала 1900-х гг. Таким образом, ее деятельность длилась почти 20 лет, и круг произведений, созданных Крестовской за этот период, довольно обширен и разнообразен. На сегодняшний день сохранились богатые и до сих пор в должной степени не изученные материалы. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) собран большой фонд рукописей и изданий писательницы, среди которых представлены художественные произведения (в том числе фрагменты неопубликованных и незаконченных текстов); публицистика и эссеистика; путевые заметки; дневник за несколько лет; обширная корреспонденция; семейные документы³. Возможно, этот разножанровый и представительный корпус текстов Крестовской был бы еще более внушительным, не уйди она так рано из жизни – в 1910 г. в возрасте 47 лет.

«Женский вопрос» в России стал обретать голос и широко обсуждаться в публицистике второй половины XIX в.: статьи и материалы, посвященные ему, начали появляться в печати еще предреформенной, а затем и пореформенной поры, регулярно занимая страницы периодических изданий⁴. Особенно остро этот животрепещущий вопрос был поставлен на рубеже XIX–XX вв.

²С момента первой дебютной публикации на страницах журнала «Русский вестник», редактором которого тогда был В.П. Ключников, ставший крестным отцом Крестовской в мире литературы. Речь идет о повести «Иса. Уголок театрального мирка», напечатанной во втором номере журнала за 1885 г. под инициалами «М. Кр.».

³См.: Крестовская Мария Всеволодовна (по мужу Картавцева; 1862–1910) – писательница. РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. 132 ед. хр.

⁴В качестве примеров можно назвать следующие работы: А. Жалоба женщин // Современник. 1857. № 5. Отд. 5. С. 56–65; Анпельрод Г. Образование женщин среднего и высшего состояний // Отечественные записки. 1858. № 2. С. 653–690; Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе [Посвящается Л.П. Шелгуновой] // Современник. 1860. № 4. С. 473–499; № 5. С. 89–106; № 8. С. 335–350; Дмоховский А. О правах женщины в России // Библиотека для чтения. 1862. № 7. С. 67–97; Жуковский Ю. Затруднения женского дела // Современник. 1863. № 13. С. 275–296; Лео А. Современный вопрос о правах женщины // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 318–335; Страхов Н.Н. Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля. СПб.: Тип. Майкова, 1871. 45 с. и др. Число публицистических высказываний по «женскому вопросу» возрастало с каждым десятилетием.

Эмансипационное женское движение затронуло самые разные сферы общественной жизни⁵ и по существу своему не было исключительно женским, ведь напрямую касалось переосмысления ряда проблем и вопросов, значимых для представителей обоих полов. На «повестке дня» оказались взаимоотношения между мужчиной и женщиной, институт семьи и брака, защита материнства и детей, права женщин на свободное получение образования, обретение профессии и активное участие в социально-экономических процессах. Н.А. Бердяев, отмечая историческую справедливость и необходимость женского движения, пусть и имеющего свои крайности, но содержащего в себе «великую правду, как и всякое движение, освобождающее от рабства»⁶, и подчеркивая его значимость в равной степени также для мужчин, видел в нем прежде всего вопрос половой, из решения которого вытекали затем социально-экономические следствия: «Слишком несомненно, что социальный вопрос, так болезненно мучающий нашу эпоху, не может быть решен иначе, как в связи с проблемами пола и любви. <...> Проследим связь социальных проблем с полом и любовью на так называемом женском вопросе, в такой же мере и мужском. Ведь женский вопрос, который сейчас рассматривается в связи с социальным, и есть вопрос половой. Женский вопрос решается той или иной метафизикой пола, а социально-экономическая его сторона производна»⁷.

М.В. Крестовская освещает «женский вопрос» как в художественной прозе (рассказах, повестях и романах), так и в публицистике, дневниковых заметках. Иначе говоря, писательница широко осмысляет его в рамках всего своего творчества, затрагивая различные аспекты: индивидуально-психологический, семейно-бытовой, социально-исторический и философский. Крестовская касается полового вопроса с точки зрения тонкостей взаимоотношений мужчины и женщины (любовных, родственных, дружеских, профессиональных), роли обоих в семье и воспитании детей; писательницу живо волнует как личностное, так и социальное измерение этих отношений. Кроме того, она уделяет особое внимание проблемам женского образования и поиска призвания, неразрывно связанным с экономической независимостью и профессиональной реализацией.

⁵С ним же напрямую связан и феномен активно развивающегося «женского писательства» в конце XIX – начале XX в. Подробнее об этом см.: [Казакова 1995].

⁶*Бердяев Н.А.* Метафизика пола и любви // Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1907. С. 174.

⁷Там же.

Внимание Крестовской к «женским темам», в связи с чем некоторые критики, признавая литературную одаренность и удачу автора, сетовали на узость круга наблюдений и однообразие выбора творческого материала⁸, не являлось слепым следованием трендам эмансипационного движения. Оно во многом было обусловлено ее собственным жизненным опытом. Дочь известного петербургского писателя В.В. Крестовского и актрисы В.Д. Гриневой, чей брак вскоре распался, воспитывалась бабушкой. По окончании обучения в Смольном институте, всерьез увлекаясь театром, Крестовская поступила на сцену и начала свой творческий путь как актриса. Роман с немолодым довольно известным художником принес ей разочарование, но главное – единственного любимого сына, рожденного вне брака. Вынужденная самостоятельно искать твердую почву под ногами, а также средства на достойное существование и воспитание ребенка, Крестовская покидает сцену и пробует себя в литературе. Дебют оказывается удачным, а имеющийся театральные опыт поначалу становится настоящим подспорьем – источником тем, сюжетов и образов. Писательницу сложно причислить к ряду феминисток, активно выступающих на рубеже веков. Ее подход к вопросам равноправия и женской независимости, которые находили живой отклик и отражение на страницах ее произведений, был взвешенным и основанным на событиях личной биографии. К слову, степень автобиографичности сюжетов и мотивов сочинений Крестовской заслуживает особого отдельного рассмотрения.

Наглядной иллюстрацией преломления разных сторон женского вопроса в художественной прозе Крестовской является целый корпус произведений, о которых и пойдет речь ниже.

Тема любовная и семейная в особом ключе звучит в первом же крупном сочинении еще начинающего тогда автора – романе «Ранние грозы»⁹, вышедшем в четырех номерах журнала «Русский вестник» за август и октябрь–декабрь 1886 г. Глазами дочери-подростка показана драма распада семьи и развода родителей. В ситуации невозможности сохранения семьи девочка стоит перед непростым выбором: с кем остаться – с несчастным отцом или матерью, спустя годы нашедшей, казалось бы, свою любовь.

⁸См.: *Скабичевский А.М.* Мария Всеволодовна Крестовская // Новое слово: журнал научно-литературный и политический. 1896. № 12. С. 56–85. См. также: *Он же.* История новейшей русской литературы (1848–1890). СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1891. С. 417–418.

⁹Современное переиздание: *Крестовская М.В.* Ранние грозы. М.: Гелиос, 2005. 283 с.

Темы женского образования, роли женщины в социуме, возможности ее самореализации и также предубеждений на этот счет, которые систематически закреплялись в сознании общества веками, звучат в повести «Вне жизни»¹⁰ (1887), рассказывающей о судьбе воспитанницы Смольного института, чья жизнь оказалась неразрывно связанной с этим местом. Это одновременно и романтизированная, и беспощадно честная история от автора, не понаслышке и в деталях знающего быт институток изнутри¹¹.

Особое место в творчестве Крестовской занимает неоконченная повесть в письмах с говорящим названием «Женская жизнь», которая публиковалась в трех номерах журнала «Северный вестник»: с ноября 1894 по январь 1895 г. Повесть возвращает читателя в дореформенный период российской действительности и рассказывает о буднях, взрослении и дальнейшей судьбе наивной дворянской девушки.

Проблему выбора между призванием и личной жизнью вместе с вопросом о верности этому призванию, об испытании тщеславием и о таланте как таковом писательница особо ставит в произведениях, которые могут быть объединены в единый «театральный» корпус текстов Крестовской. К нему прежде всего стоит отнести повести «Иса» и «Леся» (1885), публиковавшиеся под общим подзаголовком «Уголки театрального мирка», роман «Артистка»¹² (1891). Здесь же можно рассматривать и рассказ «Немудреные» (1888), так как он (хоть и повествует не об узко актерском круге, но о натурах артистических) также ставит вопрос о природе таланта, о верном служении искусству / предательстве идеалов, о выборе между профессией и семейным счастьем, о возможности заниматься истинным творчеством в бытовых и часто далеких от высоких сфер условиях, об оборотных сторонах жизни богемы. Все они тесно сплетаются с «женским вопросом»: ведь в центре повествования оказываются женщины, актрисы, личная жизнь и творческая судьба каждой из которых сложились весьма по-разному.

В данном контексте необходимо обратить внимание на то, чем создаваемые Крестовской героини отличаются от женских пер-

¹⁰ Впервые: *Крестовская М.* Вне жизни // *Русский вестник*. 1887. № 8. С. 545–593; № 9. С. 171–221.

¹¹ Много позже в свет выйдет еще одно произведение Крестовской, посвященное жизни институток. См.: *Крестовская М.* Смольный: Исчезнувшие типы // ЛПН (Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива»). 1904. № 3. С. 385–407; № 4. С. 545–582.

¹² Совсем недавно роман был переиздан: *Крестовская М.В.* Артистка: Роман / Вступ. ст. Н. Заножиной. М.: Книжный Клуб Книговек, 2018. 608 с.

сонажей ее коллег-писательниц, а чем схожи с ними. Характерен следующий пример. Анализируя типы героинь, представленных в прозе Н.Д. Хвоцинской (старшей современницы Крестовской), исследовательница В.Л. Погребная пишет о том, рисуя кардинально различные женские образы, Хвоцинская ищет свою «золотую середину» – героиню, гармонично сочетающую в себе идеи эмансипации, общественного служения, а также женственность и традиционные семейные ценности.

«...Хвоцинская воплощает два самых распространенных женских типа “милой” женщины и “образованной” женщины (терминология А. Розенхольм [Розенхольм 1995, с. 155]). На чьей стороне Хвоцинская? <...> Писательница признавала необходимость не только общественного служения, но и личного счастья каждой женщины, которое она понимала как счастье семейное, как служение ближним. Независимость женщины, с точки зрения Хвоцинской, не должна мешать ее прямому предназначению быть матерью, сестрой, женой, дочерью и т. д. <...> По словам М. Цебриковой, <...> Хвоцинская “наметила складывавшийся тип женщины-работницы и карьеристки; она верно угадала зарождавшиеся черты того, что можно назвать чиновничеством в женщинах, которые зовут себя новыми женщинами”. <...> Писательница выступает за гармонию, равноправие “ума” и “сердца”, рациональности и женственности» [Погребная 2002, с. 3].

В прозе Крестовской также прослеживаются два женских типа, один из которых – все та же «милая» женщина, а вот второй – требует уточнения: это вовсе не «образованная карьеристка», на ее место приходит иная героиня. Если и называть ее условно «карьеристкой», то непременно «карьеристкой от искусства». Перед читателем – натура артистическая, которую неудержимо влечет мир сцены, и вот уже здесь она готова бороться за свое место и истово служить театру, во всяком случае, такова изначальная цель. Исключением является Настенька из «Немудреных»: обладая от природы музыкальным талантом, унаследованным от отца, она вовсе не стремится связывать свою жизнь с творчеством.

Так можно ли найти баланс между «милой женщиной» и «служительницей искусства», практически живущей в театре? В поисках ответа на этот вопрос Крестовская представляет читателю целую галерею персонажей «театрального мирка» и рассказывает о том, что происходит при их столкновении с миром реальным.

Антибуржуазный посыл, поданный под женским углом зрения, содержится в повести «Вопль»¹³ (1900), в которой протест главных

¹³ Доступное сегодня издание: *Крестовская М.В. Вопль // Только час: Проза русских писательниц конца XIX – начала XX века / Сост., авт.*

героинь против ограниченного существования в золотой клетке в качестве «декорации», наделенной лишь определенным набором функций, при влиятельном муже без возможности быть хоть в какой-то степени действительно полезной обществу на фоне полнейшей нереализованности в семье и любви, приводит их к двум диаметрально противоположным моделям поведения: с одной стороны – отчаянно декадентствующей, с другой – подражающей толстовскому опрощению¹⁴. При этом в повести также представлены героини, которым удалось избежать крайностей и найти свой собственный непростой, но желаемый путь к осмысленной, гармоничной жизни, способной принести и удовлетворение, и пользу.

Создавая ряд женских историй и персонажей, Крестовская не замыкается только лишь на глубинном постижении женской натуры, что ей, к слову, определено удается: писательница чутка и в то же время беспощадна к своему полу в той честности и наблюдательности, с которыми передает мельчайшие движения души и тонкости женской психологии, не стесняясь порой с иронией препарировать чувства героинь, приоткрывая дверь в самые скрытые сферы внутренней жизни женщины. Примечательно, что Крестовская, выступая несомненным знатоком, одновременно защитником и обличителем женских сердец, пристально изучает в своей творческой лаборатории психологию мужчины, делая это столь же виртуозно. Писательницу интересует мужской взгляд на предлагаемые ею обстоятельства. Удивительно, как часто сама Крестовская солидарна именно с героями-мужчинами: персонажи противоположного пола зачастую транслируют позицию, вызывающую большую симпатию автора. Например, в повести «Леля» муж героини, отпуская молодую супругу в большой мир и давая ей возможность реализовать творческие мечты, в плане семейном меняется с женой местами: становится хранителем очага, матерью и отцом для их сына.

Говоря о работе писательницы над мужскими образами, необходимо отметить повесть «Сын»¹⁵ (впервые опубликованную в № 11

вступ. ст. и примеч. В. Ученова; худ. В. и Л. Низовы. М.: Современник, 1988. С. 117–240.

¹⁴ Речь идет именно о внешней подражательности, о моделях поведения с определенной сложившейся и говорящей атрибутикой, к которым прибегают героини, выражая свою защитную и протестную реакцию на жизненные обстоятельства, а не о двух различных мировоззренческих установках, имеющих своих адептов в обществе второй половины XIX – начала XX в. Подробнее об этом см.: [Харитоновна 2020a].

¹⁵ См.: *Крестовская М.В.* Сын: Повесть // Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. С. 1–160.

«Вестника Европы» за 1893 г.), где на авансцену выведен отец, на склоне лет узнающий, что его единственный и горячо любимый сын приходится ему не родным.

В уже упоминавшемся «Вопле» представлена целая галерея мужских персонажей. Интересно следующее: даже те, что выступают антагонистами главных героинь и не вызывают сочувствия, показаны автором так, что их жизненную позицию можно во всяком случае понять. Перед читателями оказываются вовсе не злодеи, сознательно действующие по особому умыслу, а просто люди с совсем иным взглядом на вещи, живущие по законам поглотившего их жестокого мира и не видящие в том ничего дурного.

Вершиной психологизма в создании мужского образа стало последнее крупное произведение Крестовской, вышедшее в первых двух номерах журнала «Русская мысль» за 1901 г., – «Исповедь Мытищева», «лебединая песнь» писательницы, по выражению Т.Л. Щепкиной-Куперник¹⁶. Произведение обнажает внутренний мир главного героя, представляющего «характерный для конца прошлого века тип нищепанца-дегенерата»¹⁷, Андрея Мытищева, от чьего лица и ведется повествование. Им же излагается шопенгауэровское понимание любви, трактуемой как действие полового инстинкта, изобретенного мировой волей. Писательница, сталкивая Мытищева в идейном споре с его идеологической соперницей, идеалисткой и «доктринеркой» Варварой, и в любовном конфликте с Ларисой – олицетворением женственности и простоты, убедительно раскрывает не только проблему потери моральных ориентиров новым героем эпохи «конца века», но и противоречия во взаимоотношениях полов¹⁸. Крестовская рисует два разных женских типа: героиню эмансипированную и следующую патриархальным традициям.

Обширные размышления о положении и роли женщины в истории вообще, а также о ее современном положении в мире и России, в частности, содержатся на страницах дневника Крестовской, а также в ее «Мыслях, афоризмах и заметках».

В дневниках встречаются рассуждения писательницы о женском образовании, правах и обязанностях, зарплатах, декретах

¹⁶ Щепкина-Куперник Т.Л. О Репине и его некоторых моделях // Репин: В 2 т. / Ред. И.Э. Грабарь, И.С. Зильберштейн. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2. С. 272.

¹⁷ Колтоновская Е.А. Крестовская // Новый энциклопедический словарь: В 29 т. Т. 23. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1915. С. 113.

¹⁸ Подробнее о социально-философском и культурно-историческом контексте повести, а также о половом вопросе, рассматриваемом с позиции героя эпохи “fin de siècle”, см.: [Харитонова 2020b].

и о преубеждениях со стороны мужчин – «камертона этого мира»¹⁹, которые зачастую, по наблюдениям Крестовской, даже в своих суждениях о действительно выдающихся женщинах, увы, не могут обойтись без легкой насмешки. В качестве иллюстрации последнего автор приводит пример уникальной фигуры Софьи Ковалевской. Писательница констатирует, что, какими бы примечательными и выдающимися ни были способности и достижения этой женщины-математика, мужчины в разговорах между собой не признают ее профессиональных заслуг и научного превосходства перед многими из них, а если и признают, то никогда в этом случае не преминут сослаться на счет ее внешности: одаренная – да, однако же как некрасива! После чего переведут беседу в совершенно иное, ироническое русло. По замечанию Крестовской, до сих пор «для достижения бессмертия женщине гораздо выгоднее родиться с красотой Фрины или темпераментом Мессалины, чем с умом Софокла и Сократа»²⁰.

«Мысли, афоризмы и заметки» писательницы содержат не только тонкие наблюдения над особенностями мироощущения женщины (Крестовская вновь «не щадит» весь свой род и саму себя, выдавая женские «тайны» с большой долей самоиронии и откровенности), но и социально-философский анализ «женского вопроса» во второй части сборника.

Писательница не единожды замечает, что если мужчина тысячелетиями стоял у истоков устройства любого государства от самой идеи до ее воплощения, то права и обязанности женщины складывались под гнетом сильного пола и вели к ее обезличенности и несвободе. Поэтому она солидарна с идеями социально-правового освобождения женщины. Однако Крестовская также оставляет любопытный комментарий: «Когда я была моложе, наивнее и экспансивнее, я горячо верила в государственный рост женщины и мечтала, что когда-нибудь настанет время, когда женщина вполне сравняется с мужчиной, и все дороги, доступные ему, откроются и для нее, и она с честью выйдет на них и заставит признать себя равной на них с товарищем своим мужчиною, который до сих пор один владел ими. Теперь, дожив до сорока лет, я не думаю этого больше и уверена, что этого не допустят и восстанут против этого первые же сами женщины...»²¹.

¹⁹ Крестовская М.В. Дневник: Авторизованные машинописные копии. РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 170–171.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 18: Крестовская М.В. Мысли, афоризмы, заметки и отрывок из неустановленного произведения.

²¹ Там же. Л. 13.

Согласно записям Крестовской, как бы ни стремились женщины к активной роли в государственной деятельности, им, по мнению писательницы, это окажется не по плечу в силу того, что, в отличие от мужчин, они лишены дисциплины. К этому привело веками длившееся рабство и позиция собственности в руках мужского пола. Кроме того, женщине будет совсем нелегко смириться с превосходством одной над другой, любая женская иерархия будет бить по самолюбию и не доведет до добра:

Они никогда не научатся необходимой для того дисциплине и не захотят подчиниться друг другу. Они признают в этом смысле только императриц – во-первых, потому, что ими по большей части рождаются и, во-вторых, потому, что ее положение единственное в стране и настолько высокое, что самой тщеславной и неблагоразумной из них не придет в голову добиваться занять его. Но совсем другое дело было бы с женщинами министрами и вообще государственными деятелями. Ими захотели бы сделаться все и нельзя было бы убедить ни одну – что у другой для этого больше данных <...> «Ее» подруга, «ее» сестра или кузина, никогда не превратилась бы для нея в «ее» начальника, которому необходимо подчиниться, спрятав свое самолюбие и забыв прежнее равенство <...> И маленький министр в юбке не раз бы рисковал услышать даже на официальном приеме от своего товарища в корсете фразу вроде следующей: «пожалуйста не воображай, что если ты министр, так уже можешь позволять себе все что тебе угодно. Для меня ты кем была, тем и осталась и третировать себя я никому не позволю». Результатом всего этого были бы беспрестанные «падения министров»...²²

Так, по мнению Крестовской, женская натура и жесткая иерархия мужского мира вступали бы в извечный конфликт и создавали бы постоянные «сбои» в системе, которая присутствует в социальных отношениях и тем паче в государственных делах.

Впрочем, пока эта «острота соперничества не сделала их врагами»²³, женщины «бесконечно ближе между собой, чем мужчины; вероятно тот вековой гнет, что столько столетий давил всю их жизнь, сделал с ними то же, что произошло с евреями на почве вечных гонений, сплотил их и заставил гораздо участливее и сердечнее относиться друг к другу и доверчивее и искреннее подходить одну к другой, чем мужчины, всегда почти далекие вне каких-нибудь общих, служебных или общественных интересов, связывающих их

²² РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 14.

²³ Там же. Л. 17.

собой»²⁴. Писательница подчеркивает, что положение женщин – их социальная позиция «ведомых» в широком смысле – сыграло в плюс самому женскому сообществу, по-человечески сблизив как некая общая «беда». Отсюда следует и куда большая эмпатия женщин по отношению друг к другу. А вот сохранится ли эта былая взаимовыручка и поддержка в условиях настоящей социальной конкуренции – большой вопрос, ответ на который Крестовская для себя сформулировала уже к зрелым годам (см. предыдущие цитаты).

Писательница довольно активно откликалась на запросы времени и происхождения в общественной жизни. В 1901 г. она стала одним из авторов составного «Сборника на помощь учащимся женщинам», опубликовав в нем свой рассказ «Сон в летнюю ночь»²⁵. Крестовская также взаимодействовала с организациями социально-благотворительного толка. Среди них, например, встречаются Совет «Общины святой Евгении» в Териоках (ныне – Зеленогорск в Курортном районе Ленинградской области), Общество для усиления средств Санкт-Петербургского женского медицинского института и др. Писательница реагировала на события вокруг подобных учреждений, на состояние, в котором те пребывали. Так, неоконченная статья «Дворец жизни» 1890-х гг.²⁶ была вызвана сомнительным положением дел в женских организациях взаимопомощи, которые требовали регулярных взносов, но чья деятельность не приносила видимых результатов. В этом публицистическом сочинении Крестовской можно уловить массу параллелей со знаменитым четвертым сном Веры Павловны из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Само название статьи не может не вызывать в памяти воспетый им образ знаменитого «хрустального дворца», ставший символом социалистической гармонии будущего и встречающийся позже на страницах других произведений русской литературы (например, в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского). Не столь утопически, как в книге Чернышевского, звучат слова Крестовской в этой статье, однако интонация местами – столь же наивно-идеалистическая. Схож идейный посыл – призыв к объединению женского сообщества в целях взаимопомощи, совместного труда и установления гармонии и справедливости.

²⁴ Там же. Л. 17–18.

²⁵ *Крестовская М.В.* Сон в летнюю ночь // Сборник на помощь учащимся женщинам. СПб.: Типо-литография т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1901. С. 174–190.

²⁶ Более точная датировка текста отсутствует. См.: РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. Ед. хр. 4. 8 л.: *Крестовская М.В.* Дворец жизни. Статья. Неоконченная. Машинописная копия.

Резюмируя все изложенное, можно сделать следующий вывод: творчество М.В. Крестовской неразрывно связано с «женским вопросом», поставленным перед эпохой, в которую писательнице довелось жить. Ее литературное наследие характеризуется обращением преимущественно к женским темам, но весомо обогащается интересом к общественной проблематике, вниманием к социальным и философским веяниям, культурным тенденциям своего времени. Обращение к творчеству писательницы дает богатый материал для изучения поля так называемой «женской литературы», серьезный и неугасающий исследовательский интерес к которой наблюдается в последние десятилетия²⁷.

На фоне других женщин-литераторов Крестовская, по мнению современников, выделялась своим слогом: писала живо, но без излишеств: в разговорах на женские темы у нее отсутствовали стереотипно женские интонации – «умна и пишет не по-бабьи»²⁸). Обращаясь к типологии героев Крестовской, особо стоит указать на то, что писательница в своем творчестве вывела на авансцену характерный тип «артистки», «карьеристки от искусства». Необходимо отметить в качестве особых достижений творческой лаборатории автора исследование ею современного типа героя времени и создание психологически достоверных мужских образов в рамках «женской литературы».

Писательница не только осмысливала в художественной форме положение женщины и трудности, с которыми та сталкивалась, но и откровенно размышляла о жизнеспособности идей феминизма на страницах своих публицистических и мемуарных сочинений. С течением лет взгляды на успех и возможности женского движения трансформировались от горячей юношеской веры в равноправие до рационального и взвешенного подхода к

²⁷ В качестве показательных примеров стоит упомянуть исследовательскую деятельность И.Л. Савкиной и Е.Н. Строгановой, чьи изыскания свидетельствуют о смене оптики и предлагают взглянуть на литературный процесс прошлого как на процесс, равно затрагивающий авторов обоих полов. Их работы не только вводят в научный историко-литературный оборот имена, до сих пор оставшиеся на периферии, но и ставят важные вопросы о том, кем, как и для чего пишется история женской литературы, какие сложности встречаются на этом пути, каковы возможные ракурсы ее изучения и др. См.: [Савкина 1997; Строганова 2019].

²⁸ О.Л. Книшпер в письме А.П. Чехову от 9 марта 1901 г. См.: *Удальцова З.П.* Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книшпер: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 2004. 462 с. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0550.shtml (дата обращения 11 января 2022).

проблеме при всей симпатии писательницы к идеям «освобождения» женщины.

Любовь и отношения, семья, образование, профессия – в ее произведениях проблематика «женского вопроса» рассмотрена и осмыслена на разных уровнях: от частного до, наконец, общественного. М.В. Крестовской были чужды крайние взгляды: в своей прозе она выступает как тонкий психолог, который учитывает альтернативные точки зрения на ситуацию и прежде всего изучает внутренний мир героев, высвечивая актуальные приметы времени сквозь призму личностных, камерных историй.

Литература

- Казакова 1995 – *Казакова И.* Критика и публицистика конца XIX – начала XX в. о творчестве русских писательниц // Преображение (Русский феминистский журнал). 1995. № 12. С. 63–67.
- Погребная 2002 – *Погребная В.Л.* Тип «новой женщины» в творчестве Н.Д. Хвощинской // Вісник Запорізького державного університету. Філологічні науки. 2002. № 1. С. 1–6.
- Розенхольм 1995 – *Розенхольм А.* «Свое» и «чужое» в концепции «образованная женщина» и «пансионерка» Н.Д. Хвощинской // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре: Studia Russica helsingiensia et Tartuensia. № 4. Tartu: Tartu University Press, 1995. С. 143–166.
- Савкина 1997 – *Савкина И.Л.* Кто и как пишет историю русской женской литературы // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 359–372.
- Строганова 2019 – *Строганова Е.Н.* Классики и современницы: Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 400 с.
- Харитоновна 2020a – *Харитоновна А.Е.* Фальсификация удовлетворенности: декадентство и опрощение как крайние формы внутреннего протеста героинь повести М.В. Крестовской «Вопль» // Litera. 2020. № 6. С. 56–74.
- Харитоновна 2020b – *Харитоновна А.Е.* Андрей Мытищев и Леон Плошовский как выразители типа героя без догмата в прозе М.В. Крестовской и Г. Сенкевича // Litera. 2020. № 9. С. 20–32.

References

- Kazakova, I. (1995), “Criticism and journalism of the late 19th – early 20th centuries about Russian women writers”, *Preobrazhenie (Russian Feminist Magazine)*, no. 12, pp. 63–67.
- Kharitonova, A.E. (2020), “Falsification of satisfaction: decadence and the ideology of simplification as extreme forms of internal protest of the main female characters in the novella ‘The Scream’ by M.V. Krestovskaya”, *Litera*, no. 6, pp. 56–74.

- Kharitonova, A.E. (2020), "Andrey Mytishchev and Leon Ploshovsky as representatives of the type of the hero without dogma in the prose of M.V. Krestovskaya and H. Sienkiewicz", *Litera*, no. 9, pp. 20–32.
- Pogrebnaaya, V.L. (2002), "The type of 'new woman' in N.D. Khvoshchinskaya's works", *Bulletin of Zaporizhzhya National University. Philological studies*, no. 1, pp. 1–6.
- Rozenkholm, A. (1995), " 'Own' and 'alien's' in the concept of 'educated woman' and in 'Pensioner' by N.D. Khvoshchinskaya", *"Svoe" i "chuzhoe" v literature i kul'ture: Russian Studies in Helsinki and Tartu* ["Own" and "alien's" in literature and culture: Russian Studies in Helsinki and Tartu], no. 4, Tartu University Press, Tartu, Estonia, pp. 143–166.
- Savkina, I.L. (1997), "Who and How writes history of russian female literature", *New Literary Review*, no. 24, pp. 359–372.
- Stroganova, E.N. (2019), *Klassiki i sovremennicy: Gendernyye realii v istorii russkoi literatury XIX veka* [Classics and contemporaries: gender realities in the history of Russian literature of the 19th century], Litfact, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анна Е. Харитонова, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; annakha93@mail.ru

Information about the author

Anna E. Kharitonova, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119234; annakha93@mail.ru

Рецензии

УДК 82-343

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-287-294

Рец. на книгу:

Басангова (Борджанова) Т.Г.

Животные в калмыцком фольклоре.

Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. 192 с.

Елена В. Комкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, leyna5115@gmail.com*

Аннотация. Часто для исследования и работы с текстами фольклора их классифицируют, используя в качестве основы тип персонажей. Животные, как главные, а то и вовсе – единственные герои, характеризуют анималистический фольклор, широко представленный, например, в традиции монгольских народов. Однако в традиции калмыков, как части западно-монгольской народности, роль животных изучена мало. Т.Г. Басангова посвятила этой области знания ряд работ, в которых анализировалась роль того или иного персонажа-животного: «Кот/кошка в калмыцком фольклоре» (2019), «Образ Зара Цецена (Ежа Мудрого) как культурного героя в фольклорной традиции калмыков и ойратов Синьцзяна» (2017).

Рецензируемая монография посвящена исследованию того, как представлены животные в качестве персонажей в мифологии, поэзии, фольклорных и литературных сказках, танцах, орнаментах и многих других фольклорных текстах. Исследуется целый пласт материала, часть которого была собрана и введена в научный оборот самой Т.Г. Басанговой, другая же часть – обнаружена в ходе рассмотрения архивных записей экспедиций, предпринятых в XX в.

Работая с фольклорными текстами, Т.Г. Басангова прибегает к сравнительному методу: привлекаются общемонгольские сюжеты, тексты, специфические для некоторых монгольских народов, нарративы, принадлежащие народам, соседствующим с калмыками. Значимая роль отводится классификации материала, соотнесению его с типологией А. Аарнэ и В.Я. Проппа.

Содержательно главы монографии структурированы следующим образом: называется имя животного, приводятся значения этого слова в калмыцком языке и относящиеся к нему этимологические гипотезы,

© Комкова Е.В., 2022

обсуждается роль данного животного в различных фольклорных текстах и этнографических источниках, начиная с тех, где его упоминания наиболее частотны. Анализ сопровождается многочисленными ссылками на собранный материал и научные исследования, указанные в конце каждого подраздела главы.

Рецензируемая монография является квинтэссенцией многолетних исследований Т.Г. Басанговой, открывает калмыцкий анималистический фольклор как для ученых, так и для широкого круга читателей.

Ключевые слова: анималистические сказки, сказочные сюжеты, калмыцкий фольклор, фольклор монгольских народов, сравнительные методы

Для цитирования: Комкова Е.В. [Рец.]: Басангова (Борджанова) Т.Г. Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. 192 с. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 287–294. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-287-294

Book review:

Basangova T.G. Animals in Kalmykian folklore.
Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, 2019. 192 p.

Elena V. Komkova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lleyna5115@gmail.com

Abstract. In order to research and work with folklore texts, they are often classified, using character type as the basis. Animals as protagonists, if not the only protagonists, characterize animalistic folklore, widely represented in the traditions of the Mongolian peoples, for instance. However, the role of animals in the tradition of the Kalmyks, as part of the Western Mongolian people, has not been studied enough. T.G. Basangova has devoted a number of papers to this field of knowledge, analyzing the role of different animal characters. “A male/female cat in Kalmykian folklore” (2019) or “The image of Hedgehog the Wise as a Cultural Hero in folklore tradition of Kalmyks and Oirats of Xinjiang” (2017), for instance.

The monograph under review explores how animals are represented as characters in mythology, poetry, folklore and literary tales, dances, ornaments and many other folklore texts. A whole stratum of material is being researched, some of which has been collected and researched by T.G. Basangova, and some was discovered in the course of reviewing archived expedition records, which was collected in the 19 century.

In order to work with the folklore texts, T.G. Basangova employs a comparative method involving general Mongolian stories, texts specific to certain

Mongolian peoples, and narratives belonging to peoples neighboring the Kalmyks. A significant role is played by classifying the material, relating it to typologies of A. Aarne, V.Y. Propp.

The chapters of the monograph are structured as follows: the name of the animal, the meanings of the word in the Kalmyk language and the etymological hypotheses relating to it are given, and the role of the animal in various folklore texts and ethnographic sources are discussed, starting with those where it is most frequently mentioned. The analysis is accompanied by numerous references to the material collected and research studies listed at the end of each subsection of the chapter.

The monograph under review is the quintessence of many years of research taken by T.G. Basangova. It opens Kalmyk animalistic folklore to scholars and the general public alike.

Keywords: animalistic tales, folktale types, Kalmykian folklore, folklore of Mongolian peoples, comparative methods

For citation: Komkova, E.V. (2022), “[Book review]: Basangova, T.G. (2019), *Zhivotnye v kalmyskom fol'klore* [Animals in Kalmykian folklore], Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, Elista, Russia, 192 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series, no. 4, part 2, pp. 287–294, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-287-294

Исследовать персонажей фольклора и через призму подобного исследования взглянуть на культуру какого-либо народа – такие цели можно поставить перед собой, изучая, например, персонажей-животных в устных традициях этого народа. Рецензируемая монография обращена к малоизученной области калмыцкого фольклора – персонажам-животным, их действиям и характеристикам в произведениях разных жанров.

Автор – доктор филологических наук Тамара Горяевна Басангова (Борджанова), известный специалист по магической поэзии и мифологии калмыков¹, составитель и переводчик сборника калмыцких сказок «Сандаловый ларец»².

¹*Борджанова Т.Г.* Магическая поэзия калмыков: Исследования и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.; *Она же.* Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007; Мифы, легенды и предания калмыков / Подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т.Г. Басанговой; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев, Е.Н. Кузьмина. М.: Наука – Вост. лит., 2017.

²Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / Сост., предисл., пер., вступ. ст., коммент. Т.Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.

В рецензируемой книге содержится богатый сказочный материал, часть которого была собрана и введена в научный оборот Т.Г. Басанговой. Это сказки о животных, сказки волшебные и некоторые другие, а также собрание примет, мифологических нарративов, обрядовых текстов и изобразительных источников – ведь персонажи-животные действуют не только в анималистических сказках. В калмыцком фольклоре, например, большой исследовательский интерес представляют сравнительно малоизученные кумулятивные сказки³. С аналогичной жанровой разновидностью европейской сказки их роднит не только особая композиционная структура, но и наличие этиологического компонента, активное участие персонажей-животных и включенность этих текстов в фольклор для детей. Их спецификой является также сохранение стихотворных фрагментов – возможно, более древних по сравнению с прозаическими частями. Возьмем, например, сказку «Шла я светлой лунной ночью», где говорится об обмене разными предметами между животными и людьми:

*Сарин сарулла йовжэ йовад,
Сам олжэ (авбв),
Самиг би ээждэн өгүв,
Ээжм нанд хөөрмхулдэс өглэ,
Ээжин хөөрмган ноход өгүв,
Ноха кичгэн огв,
Нохан кичгиг би назрт өгүв,
назр нанд өвсэн өгөв,*

Шла я светлой лунной ночью,
Гребешок нашла,
Гребешок я бабушке отдала,
(Золовка) мне хойрмок купила,
Хойрмок, подаренный бабушкой
я собаке отдала,
Собака щенка отдала,
Щенка я подарила земле,
Земля дала мне траву ...

В приведенном отрывке, видимо, содержится упоминание обряда жертвоприношения земле⁴. Цепочка событий, начинающаяся с того, что героиня находит гребень, заканчивается словами, которые произносит героиня, приехавшая верхом на верблюде: «Старушка, которая прибыла к вам, это я!» Можно увидеть сходство данной формулы с концовками восточнославянских волшебных сказок: «На том пиру и я был, мед и вино пил, по усам текло, в рот не попало, на душе пьяно и сытно стало».

³Сандаловый ларец. С. 191–199; Басангова Т.Г. Калмыцкая кумулятивная сказка (публикация текстов) // Mongolica-XXI. СПб.: Петербургское востоковедение, 2018. С. 50–54.

⁴Басангова (Борджанова) Т.Г., Манджиева Б.Б. О типологических связях калмыцкого и балкарского фольклора (на примере детской песни). URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_27/8176-basangova-mandzhieva.html (дата обращения 15 января 2022).

В своем исследовании сюжетов анималистических сказок Т.Г. Басангова опирается на классификацию, предложенную А. Аарне в его указателе сказочных типов, однако несколько видоизменяет данную классификационную систему с учетом локальных особенностей материала, в результате чего она приобретает следующий вид:

- Сказки о диких птицах (вороне, журавле, ласточке) выходят на передний план и анализируются в начале исследования.
- Далее анализируются сказки о домашних животных (кошке, собаке, козе, корове, верблюде).
- Затем идут сказки о диких животных (лисе, волке, зайце).
- Из других животных выделяются лягушка, мышь, змея, ёж, а также паук.
- Сказки о растениях, вообще редкие сами по себе (АТУ 293В*, 293D*, 293E*, 297В), в калмыцком фольклоре практически отсутствуют.

Такое распределение типов основывается на их представленности в собранном материале и на его объеме; кроме того, оно может быть связано с представлением о трехчастной вселенной в мировоззрении калмыков, согласно которому птицы соотносятся с Небом и Верхним миром, домашние животные – с пространством человека и Средним миром (а дикие – с местами, удаленными от обитания людей), животные же, роющие норы и ползающие по земле, могут ассоциироваться с Нижним миром.

Обращаясь к фольклору того или иного народа, мы рассматриваем в том числе его культурные ценности и представления о мире. С ними связан пласт мифологических мотивов, обнаруживаемый в приметах, запретах и предписаниях. Скотоводство – основа хозяйства кочевника, но и об охоте для добычи мяса и шкур тоже забывать не стоит, как и о желании предотвратить несчастья, приводящие к гибели животных: болезни и стихийные бедствия.

Приведем в качестве примера обычай дербетов дважды вскрикивать, увидев черного паука: «Дядюшка Манджи, дядюшка Манджи!». С одной стороны, это выражение суеверного страха перед «опасным существом», предупреждение о том, где оно находится. Однако, с другой стороны, обратим внимание на черный цвет паука (*хар*), который в картине мира калмыков связан с Нижним миром, а еще – с нежелательным поведением: *хар керг* ‘преступление’. Таким образом, упоминание этого цвета указывает на «чуждость» паука, но само оказанное ему внимание, как и обращение «дядюшка», одновременно выражает уважение и даже намек на некоторое родство (с. 153; здесь и далее в тексте – ссылки на рецензируемое издание).

Говоря о картине мира, нельзя не упомянуть о календаре. Как и у всех монгольских (шире – восточноазиатских) народов, основной калмыцкого календаря является двенадцатилетний цикл, в котором каждый год носит имя животного: тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, свиньи, мыши, коровы. Чрезвычайно распространен общемонгольский сюжет о споре мыши и верблюда за первое место в календаре – согласно ему, мышь перехитрила верблюда: увидела рассвет раньше, забравшись ему на голову (с. 129–130). Кроме того, на мировоззрение калмыков оказывает влияние буддизм, что отражается в сюжетах сказок и легенд. Так, использование буддийских элементов обнаруживается при анализе фольклорного образа кошки, тогда как сказка, где кошка проповедует мышам и постепенно поедает их, строится на известном международном сюжете «Ложное наставничество» (АТ 113В).

Содержательно главы монографии структурированы следующим образом: называется имя животного, приводятся значения этого слова в калмыцком языке и относящиеся к нему этимологические гипотезы, обсуждается роль данного животного в различных фольклорных текстах и этнографических источниках, начиная с тех, где его упоминания наиболее частотны. Т.Г. Басангова обращает внимание и на «эмную» классификацию жанров внутри самой традиции, оперируя калмыцкими наименованиями жанров фольклора, что позволяет понять их значимость для исследования.

В качестве примера рассмотрим главу III. 2 «Журавль» (с. 38–51). В начале приводится слово «журавль» на калмыцком (*тоһрун*), затем рассказывается о его религиозно-мифологических функциях, о запретах, связанных с этой птицей. Так, с запретом на убийство журавля связан сюжет протяжной песни, в которой птица проклинает человека, убившего ее птенцов – распространенный среди монгольских народов сюжет о «птичем харале (проклятье)». Впрочем, у журавля есть не только грозный аспект, с весенними «танцами» журавлей связан значительный пласт свадебного фольклора (песен и танцев), хотя при этом крик журавля калмыки слышат не только в свадебных песнях, но и в выкриках воинов. Наконец, с танцами журавлей связывались обрядовые тексты, произносившиеся, чтобы приблизить весну; ритм произносимых слов якобы побуждал птицу танцевать. В конце главы анализируется образ сказочного журавля и весь круг его действий.

Анализ сопровождается многочисленными ссылками на собранный материал и научные исследования, указанные в конце каждого подраздела главы. Ссылки на сюжеты приводятся по

указателям АА (Аарне-Андреева) и СУС – когда это требуется для сопоставительного изучения и выявления фольклорного влияния соседних славянских народов. К сожалению, отсутствуют ссылки на указатель сюжетов монгольских сказок Л. Лёринца⁵, учитывающий также и калмыцкий материал.

Есть в рецензируемой монографии и небольшая неточность. При описании концепции, положенной автором в основу подбора материала, говорится, что это – классификация сказок о животных, принадлежащая В.Я. Проппу, и в ней выделяются следующие группы:

- сказки о диких животных,
- о диких и домашних животных,
- о человеке и диких животных,
- о домашних животных,
- о птицах и рыбах,
- о других животных и растениях (с. 6).

После указанной цитаты дается ссылка на издание В.Я. Проппа 2000 г.⁶, однако на указанной странице его собрания сочинений находится глава III «Краткий обзор сюжетов волшебной сказки», в которой систематизация сказок о животных не обсуждается. Об интересующей нас классификации речь идет в главе II «История изучения сказки», но в ней говорится, что таким образом сказки подразделял А. Аарне (с опорой на А.Н. Афанасьева) – таким образом, данная классификация не принадлежит Проппу и, более того, он этот подход критикует.

В целом монография исключительно полезна как для исследователей, изучающих роль животных в фольклоре или вообще фольклор монгольских народов, так и для широкого круга читателей, которые интересуются самобытной калмыцкой традицией. Для удобства читателей в конце книги есть библиография и приложение, содержащее анималистические и кумулятивные сказки в русском переводе, взятые из уже упоминавшегося сборника «Сандаловый ларец», а прекрасные иллюстрации художницы Герля Владимировны Нуровой чрезвычайно удачно дополняют и украшают публикуемый материал.

⁵ *Lőrincz L.* Mongolische Marchentypen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. 428 s.

⁶ *Пропп В.Я.* Русская сказка: собрание трудов В.Я. Проппа. М.: Лабиринт, 2000. С. 272. URL: <https://booksite.ru/fulltext/prop/index.htm> (дата обращения 12 января 2022).

Информация об авторе

Елена В. Комкова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lleyna5115@gmail.com

Information about the author

Elena V. Komkova, Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lleyna5115@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
О.К. Юрьев

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 08.07.2022.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 8,2. Усл. печ. л. 8,8.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1549

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru